

ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО
ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУКIZVESTIYA
OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCESwww.ssc.smr.ruСоциальные, гуманитарные, медико-биологические науки
Social, humanitarian, medicobiological sciencesИздательство
Самарского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

**Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»**

Том 26 № 6(99), 2024

Основан в 2002 году в составе Известий СамНЦ РАН. Выходит 6 раз в год. ISSN 2413-9645 (print)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ № ФС77-64960 от 04.03.2016

Главный редактор: Э.А. Радаева. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Заместитель главного редактора: О.М. Буранок

Редакционная коллегия: А.Ю. Агафонов, Г.В. Акопов, А.С. Бакалов, Дж.Ф. Бейлин,

О.М. Буранок, Е.Я. Бурлина, А.Л. Бусыгина, В.П. Бездухов, Н.И. Воронина,

Й. Догнал, Д.А. Дятлов, В.И. Ионесов, Т.В. Каракова, Л.А. Колыванова, О.А. Кострова,

М.А. Кулинич, Э.А. Куруленко, В.Б. Малышев, А.А. Масленникова, И.Д. Немировская,

В.И. Немцев, О.К. Позднякова, И. Рёблинг, М.Б. Сабыр, И.Л. Сиротина, С.В. Соловьева,

О.Н. Солдатова, М.М. Халиков, В.Д. Шевченко

Электронная версия журнала: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Адрес издательства: Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. 443001 Самара, Студенческий переулок, 3а.

Тел.: 8 (846) 337-53-81, факс 8(846) 332-66-79. E-mail: presidium@ssc.smr.ru

Founder: Samara Federal Research Center of Russian Academy of Sciences

«IZVESTIYA SAMARSKOGO NAUCHNOGO TSENTRA ROSSIYSKOY AKADEMII NAUK.

Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki»

[IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.

Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences]

Volume 26, no 6(99), 2024

Published since 2002. Issued 6 times a year. ISSN 2413-9645 (print)

Founder: Samara Federal Research Scientific Center of Russian Academy of Sciences

The journal is registered with Roskomnadzor, certificate PI № FS77-64960, 04.03.2016

Editor-in-chief: E.A. Radaeva. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Deputy editor-in-chief: O.M. Buranok

Editorial board: A.Yu. Agafonov, G.V. Akopov, A.S. Bakalov, John Frederick Bailyn,

O.M. Buranok, E.Ya. Burlina, A.L. Busy`gina, V.P. Bezduxov, N.I. Voronina, J. Dohnal,

D.A. Dyatlov, V.I. Ionesov, T.V. Karakova, L.A. Kolyvanova, O.A. Kostrova, M.A. Kulinich,

E.A. Kurulenko, V.B. Malyshev, A.A. Maslennikova, I.D. Nemirovskaya, V.I. Nemtsev,

O.K. Pozdnyakova, Irmgard Roebeling, M.B. Sabyr, I.L. Siroтина, S.V. Solovyova,

O.N. Soldatova, M.M. Khalikov, V.D. Shevchenko.

Electronic version of the journal: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Address of the Publishing House: Samara Federal Research Center of Russian Academy of Sciences.
443001 Samara, Studenchesky pereulok, 3a.

Ph.: 8 (846) 337-53-81, fax 8(846) 332-66-79. e-mail: presidium@ssc.smr.ru

СОДЕРЖАНИЕ	
«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»	
Том 26, номер 6 (99), 2024	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Передача библейских аллюзий как важный аспект перевода: практикум по иностранному языку <i>Журавлев А.П.</i>	4
Передача игры слов как важный аспект перевода художественных произведений <i>Журавлев А.П.</i>	9
Педагогическая диагностика в онлайн-лаборатории раннего выявления одаренности <i>Калинина Л.Ю., Бакшаева Е.В.</i>	14
Об использовании нестандартных многоуровневых текстовых заданий при обучении иноязычной письменной-речевой деятельности <i>Недбайлик С.Р., Дмитриева В.А., Шестак О.Л.</i>	23
Социально-экологическая ответственность в профессиональной подготовке студентов технических вузов: сущность, принципы и методы <i>Чеканушкина Е.Н.</i>	33
Методика выявления и анализа сформированности вербальных компетенций у студентов начальных курсов технического университета <i>Чеканушкина Е.Н., Марченкова Л.А.</i>	43
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Апофатический горизонт в современной художественной культуре (феномен «обратной перспективы» в поэзии Валерия Дударева) <i>Дударева М.А., Митронова А.С.</i>	51
Апофатика художественного мышления В.Ф. Дударева <i>Дударева М.А., Рождественская О.Ю.</i>	58
Филологическая рефлексия над книгой «Поэзия в цифровую эпоху. Энтелехия культуры (очерки о любви)»: онтологическая самость поэта XXI века <i>Конькова С.А.</i>	64
К вопросу о русском шеллингианстве: поэтическая антиутопия Е.А. Баратынского <i>Патроева Н.В.</i>	71
КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
Психологические предикторы субъективного благополучия студенческой молодежи <i>Леонтьева А.Н.</i>	80
Футурологическое осмысление в художественном мире К.Д. Бальмонта и религиозной философии Н.А. Бердяева (этосы ретроспективы и перспективы одомашненного времени) <i>Океанский В.П., Океанская Ж.Л.</i>	86
Современная праздничная культура Луганского края: театрализованные фольклорные праздники <i>Олейникова М.В.</i>	96
Энтелехия экспрессионизма в современном изобразительном искусстве: экспозиция Марии Суворовой «Больше, чем театр» <i>Радаева Э.А.</i>	104

**Политическая субъектность молодежи в условиях цифровизации:
риски и перспективы**

Тесленко А.Н., Колыванова Л.А., Маркунин Р.С.

116

CONTENTS «IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences»	
Volume 26, number 6 (99), 2024	
PEDAGOGICAL SCIENCES	
Rendering The Biblical References as an Important Translation Aspect: Foreign Language Practical Course <i>Zhuravlev A.P.</i>	4
Reproduction of Wordplay as The Important Aspect of Translation <i>Zhuravlev A.P.</i>	9
Pedagogical Diagnostics in The Online Laboratory Early Detection of Giftedness <i>Kalinina L. Yu., Bakshayeva E. V.</i>	14
On Using Non-Standard Multi-Level Tasks in Teaching Foreign Language Writing Speech Activities <i>Nedbaylik S.R., Dmitrieva V.A., Shestak O.L.</i>	23
Social and Environmental Responsibility in Professional Training of Students of Technical Universities: Essence, Principles and Methods <i>Chekanushkina E.N.</i>	33
Method of Identifying and Analysing The Development of Verbal Competences in Primary-Course Students of The Technical University <i>Chekanushkina E.N., Marchenkova L.A.</i>	43
PHILOLOGICAL SCIENCES	
Apophatic Horizon in Contemporary Artistic Culture (The Phenomenon of «Reverse Perspective» in The Poetry of Valeriy Dudarev) <i>Dudareva M.A., Mitronova A.S.</i>	51
Apophatics of Artistic Thinking of V.F. Dudarev <i>Dudareva M.A., Rozhdestvenskaya O. Yu.</i>	58
Philological Reflection on The Book «Poetry in The Digital Epoque. Entelechy of Culture (Essays on Love)»: Ontological Status of The Poet of XX Century <i>Kon'kova S.A.</i>	64
To The Question of Russian Schellingianism: Poetic Dystopia by E.A. Baratynsky <i>Patroeva N.V.</i>	71
CULTURAL SCIENCES AND ART HISTORY	
Psychological Predictors of Subjective Well-Being of Students <i>Leontyeva A.N.</i>	80
Futurological Russian Studies in The Art World of K.D. Balmont and The Religious Philosophy of N.A. Berdyaev (Ethos of Retrospect and Perspectives of Domesticated Time) <i>Okeansky V.P., Okeanskaya Zh.L.</i>	86
Theatrical Folklore Holidays in The Modern Festive Culture of Luhansk Region <i>Oleinikova M.V.</i>	96
Entelechy of Expressionism in Contemporary Fine Arts: Maria Suvorova's Exposition «More than Theatre» <i>Radaeva E.A.</i>	104
Political Subjectivity of Youth in Conditions of Digitization: Risks and Prospects <i>Teslenko A.N., Kolyvanova L.A., Markunin R.S.</i>	116

УДК 372.881.111.1 (Обучение языкам (английскому))

ПЕРЕДАЧА БИБЛЕЙСКИХ АЛЛЮЗИЙ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА: ПРАКТИКУМ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© 2024 А.П. Журавлев

Журавлев Александр Павлович, старший преподаватель кафедры иностранных языков

E-mail: palych32@rambler.ru

Самарский государственный технический университет

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 25.11.2024

В данной статье рассматривается вопрос передачи интертекстуальных отсылок к тексту Библии при переводе художественных произведений с английского языка на русский, анализируется понятие интертекстуальности, которая видится неотъемлемым свойством практически любого художественного текста. В свою очередь, отсылки к тексту Библии в разного рода литературных работах можно понимать как частный случай интертекстуальности. Поскольку перевод художественного произведения является переносом замысла автора не только в другой язык, но и в иное социокультурное пространство, знание Библии становится одним из важнейших требований к переводчику. Знакомство с текстом Библии проявляется как в способности распознать отсылку к ней в тексте оригинала, так и в умении адекватно воспроизвести эту отсылку в порождаемом тексте. Таким образом обеспечивается сохранение авторского замысла и композиции высказывания, а также передача аутентичного колорита произведения. Обучение переводу на основе анализа конкретных примеров, а также полученные результаты и выводы могут быть использованы в подготовке будущих переводчиков для формирования у них ряда профессиональных компетенций в соответствии с направлением подготовки 45.03.02 «Лингвистика» по профилю «Перевод и переводоведение».

Ключевые слова: интертекстуальность, отсылка, аллюзия, переводоведение, художественное произведение

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-4-8

EDN: РТЕНВГ

Введение. На занятиях по практическому курсу перевода преподаватель должен объяснять обучающимся, что переводчику для качественного выполнения своей работы необходимо обладать, по возможности, как можно более широким спектром знаний, умений и навыков. Иными словами, компетентность переводчика определяется не только уровнем владения иностранным языком, лексико-грамматическими трансформациями, умением работать со словарем и т. д.

Одним из важнейших свойств любого художественного текста, которое каждый переводчик должен понимать и учитывать в своей профессиональной деятельности, является его интертекстуальность. Действительно, сложно найти роман или повесть, в тексте которого отсутствовали бы те или иные отсылки, или аллюзии. Как следствие, умение распознать отсылку является одним из важнейших для любого переводчика, занимающегося переводом художественной литературы, поскольку от этого напрямую зависит качество результата его работы.

Считается, что наиболее цитируемым текстом является Библия. Оставив в стороне обзор предпосылок для этого факта, примем его как

данность. То, что может представляться неочевидным для непосвященного, для профессионалов перевода является чем-то само собой разумеющимся – знание Библии является одним из важных показателей компетентности переводчика.

Донесение до обучаемого важности передачи отсылок (в частности, отсылок к Библии) способствует формированию у будущих переводчиков некоторых профессиональных компетенций в рамках направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика» по профилю «Перевод и переводоведение». Речь идет, во-первых, о способности решать задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры. Данная компетенция связана с другой, а именно – умением выполнять письменный перевод с учетом лингвистических и культурных особенностей переводимого текста. Действительно, переводчик должен иметь сформированную культуру обращения с оригинальным текстом, чтобы понимать, какую роль играют в нем те или иные элементы, и осознавать важность их воспроизведения в переводе.

В данной статье мы проанализируем ряд фрагментов из произведений зарубежных авторов на

предмет оценки того, как переводчики справились с задачей по распознаванию отсылок к Библии в тексте оригинала и передачи этих отсылок в переводе.

Задачами данного исследования являются следующие:

1. рассмотреть феномен интертекстуальности как имманентного свойства текста художественного произведения;
2. проанализировать важность отсылок к Библии как частного и наиболее распространенного проявления интертекстуальности;
3. оценить важность распознавания отсылок переводчиком как важного аспекта качественного перевода.

Практическая ценность данного исследования обусловлена тем, что полученные в нем результаты и выводы могут представлять интерес в плане методологии преподавания иностранного языка и прикладного переводоведения.

Материалом исследования являются романы "Uncle Tom's cabin" [13] и "Moby Dick" [14], а также их перевод на русский язык [1, 6].

В исследовании применялись следующие *методы*: сопоставительный анализ текстов, демонстрация визуальных материалов, комментированное чтение.

История вопроса. Тема интертекстуальности довольна обширна и давно обсуждается разными исследователями: «Феномен интертекстуальности остается в центре внимания специалистов в области лингвистики и филологии на протяжении уже шестидесяти лет» [9, с. 156].

Исследователи сходятся во мнении, что интертекстуальность является имманентным свойством художественного текста. Так, например, И.В. Пивень характеризует интертекстуальность как «диалог текстов, изначальное свойство любого текста» [9, с. 156]. В свою очередь Ю.К. Папулова отмечает, что «любой текст обретает свою смысловую полноту <...> в силу своей взаимной соотносительности с другими текстами» [7, с. 261].

Такая точка зрения на интертекстуальность представляется вполне обоснованной. Литературный текст не существует сам по себе, он связан с другими текстами (к слову, необязательно с художественными). Иными словами, все тексты образуют некое пространство, или единство: «Это свойство [интертекстуальность – А.Ж.] подразумевает не одно лишь заимствование элементов из других текстов, но и существование непрерывного текстового единства, включающего в себя всю человеческую культуру, – универсального

«интертекста», затрагивающего любое вновь созданное произведение» [10, с. 92].

Соответственно, при переводе текста с одного языка на другой речь идет уже о двух таких пространствах: «...говоря о межъязыковом (межкультурном) переводе, мы имеем дело с двумя интертекстуальными пространствами, соответствующими исходящей и принимающей культурам» [7, с. 263]. Иными словами, с позиции интертекстуальности перевод можно рассматривать как процесс «транспонирования смысла из одного социокультурного пространства в другое» [5, с. 52].

Что касается определения интертекстуальности, то здесь исследователи расходятся в формулировках: «В научных кругах явление интертекстуальности до сих пор не получило унифицированного определения, что стало причиной появления отличных друг от друга методов толкования данного феномена» [8, с. 53].

В данной работе мы будем придерживаться следующего определения интертекстуальности: «Литературная аллюзия представляет собой текстообразующий элемент, обеспечивающий связь между текстом-источником и принимающим текстом, реализующий авторский замысел и вызывающий у читателя определенные ассоциации и эмоциональный отклик» [12, с. 200].

Отсылки к Библии можно рассматривать как частный случай интертекстуальности: «...аллюзия, используемая в качестве стилистического приема, может проявляться как средство расширенного переноса свойств и качеств исторических, литературных, библейских и мифологических событий, явлений и действующих лиц на те, о которых идёт речь в определенных высказываниях» [2, с. 9].

Как уже говорилось выше, Библия считается самым цитируемым текстом в истории человечества. В этом отношении нельзя недооценивать ее роль в мировой культуре и, как следствие, степень влияния Библии на творчество самых разных авторов христианского мира: «Библия для американской, и вообще для мировой литературы, является не просто прецедентным текстом, а метатекстом, смыслопоражающим текстом» [11, с. 87]. Кроме того, отсылки к Библии считаются «одним из самых насыщенных видов аллюзии» [2, с. 10].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: для качественного выполнения своей работы переводчику необходимо уметь распознавать интертекстуальные отсылки, в частности библейские аллюзии. А.А. Запруднова полагает, что «не только автор намеренно и осознанно

включает в свой текст фрагменты иных текстов, но и адресат верно понимает авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической отнесенности. Кроме того, необходимо, чтобы между автором и читателем создавался определенный резонанс и вследствие этого понимание интертекстуальной природы произведения» [3, с. 88]. Следует добавить, что сказанное справедливо и для переводчика, поскольку он, как посредник между автором и читателем, должен распознать проявления интертекстуальности в оригинальном произведении и передать их в переводе.

То же самое можно сказать и в отношении слов А.А. Шестопалова о том, что для распознавания аллюзии «читатели должны быть знакомы с текстом-источником, а чтобы выявить значение данной связи – с идеями, на которые она указывает» [12, с. 200]. Данное утверждение в равной степени относится и к переводчику.

В свете всего вышесказанного становится понятно, почему передача интертекстуальной составляющей художественного текста при переводе представляет собой довольно сложную задачу: «...успех трансфера знаний при переводе зависит от межкультурной компетенции переводчика, объема его интертекстуального тезауруса» [4, с. 19].

Результаты исследования. Анализ случаев передачи библейских аллюзий в переводе мы начнем с наиболее простых примеров – имен собственных. Когда речь заходит о романе «Моби Дик» Германа Мелвилла, то сразу же вспоминается капитан китобойного судна по имени Ахав (в оригинале «Ahab»). По сюжету произведения, свое имя он получил в честь библейского персонажа – израильского царя Ахава («Achab»). Не менее характерными именами наделены два других капитана-владельца судна – Вилдад и Фалек. Необходимо хорошо знать текст Библии, чтобы распознать в них отсылку к упоминаемым в Библии именам «Bildad» и «Peleg» соответственно.

Правильная передача этих имен в переводе – через аналогичные наименования из русскоязычного текста Библии – крайне важна. Помимо прочего, они передают «зашифрованную» информацию о своих носителях, четко идентифицируя их как уроженцев острова Нантакет. На момент написания романа этот остров был населен потомками английских квакеров, отличавшихся большой религиозностью. Как следствие, среди жителей этого острова очень распространенным явлением было давать своим детям имена из

Библии. Таким образом, эти имена играют важную роль в формировании образа персонажей и, следовательно, в их восприятии читателем.

Теперь рассмотрим примеры из другого классического произведения американской литературы – романа «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу:

«We have here no continuing city, but we seek one to come; therefore God himself is not ashamed to be called our god; for he hath prepared for us a city».

В тексте никак не указывается, что это цитата из Библии. Видимо, в ту эпоху, когда был написан этот роман, само собой подразумевалось, что все люди хорошо знают текст Священного писания и способны распознать цитаты из него. Переводчик же, понимая, очевидно, культурно-историческую специфику данного произведения, был готов к подобного рода включениям в текст – он не только распознал отсылку, но и надлежащим образом передал ее в переводе:

«Зде пребывающего града не имам, грядущаго же взыскуем; там и сам Бог позволит нам называть Его нашим Богом, ибо это он уготовил нам град».

В другом эпизоде романа отсылка к Библии еще менее очевидна – она встроена в текст в виде краткой метафоры:

«...and though they that wasted them reuired of them mirth,” it was not instantly forthcoming».

В данном случае имеет место аллюзия к строкам из Библии, где говорится следующее: там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселья: "пропойте нам из песней Сионских». Переводчик вновь показал высокий класс работы:

«...и хотя «притеснители требовали от них веселья», но веселье не давалось им так скоро».

Выводы. С точки зрения невоцерковленного обывателя, знание Библии в наше время может показаться ненужным, хотя разнообразные отсылки к ней окружают нас буквально повсюду – в поговорках, присказках и метафорах, не говоря уже об упоминаниях в литературе, фильмах и т. д. Однако никакое знание не является излишним, и когда речь заходит о профессиональной деятельности переводчика, то владение текстом Библии играет важную роль в получении качественного перевода. С этим согласны все профессионалы перевода, и знание Библии – как и знание, например, истории или основ физики – является для переводчика важным подспорьем в непростом деле перевода художественных произведений.

1. Бичер-Стоу, Г. Хижина дяди Тома [Электронный ресурс]. – URL: онлайн-читать.рф/бичер-стоу-хижина-дяди-тома (дата обращения: 19.11.2024).
2. Бободжанова, Л. К., Гнездилова, К. С. Передача библейских аллюзий в англоязычной и немецкоязычной художественной литературе на русский язык // Актуальные проблемы коммуникации. Язык и перевод. Материалы II международной научно-практической конференции. Московский педагогический государственный университет, Институт иностранных языков. – 2022. – С. 7-19.
3. Запруднова, А. А. Механизмы интертекстуальности и способы их передачи при переводе с русского языка на китайский язык (на примере отрывков из произведений А. П. Чехова) // Иностранные языки в высшей школе. – 2021. – № 2 (57). – С. 87-98.
4. Кремнева, А. В. Интертекстуальность как один из факторов усложнения перевода // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход – 2018. Материалы международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 18-22.
5. Макарова, Л. С. Взаимодействие культур и проблема интертекстуальности в художественном переводе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. – 2015. – № 4 (168). – С. 51-55.
6. Мелвилл, Г. Моби Дик, или Белый кит [Электронный ресурс]. – URL: https://librebook.me/moby_dick_or_the_whale (дата обращения: 22.11.2024).
7. Папулова, Ю. К. О модели перевода в рамках теории интертекстуальности // Языки. Культуры. Перевод. – 2014. – № 1. – С. 261-272.
8. Пивень, И. В., Калешева, А. М. Перевод интертекстуальных включений в романе Маргарет Этвуд «Рассказ служанки» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 3. – С. 52-61.
9. Пивень, И. В., Фролова, М. А. Библейские аллюзии в романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 3-3 (105). – С. 156-162.
10. Солманидина, Н. В., Гринцова, О. В., Демидочкин, Д. В. Лингвостилистический аспект перевода аллюзий // Вестник ПГУАС: строительство, наука и образование. – 2016. – № 2 (3). – С. 91-96.
11. Спото, Р. Н. Ветхий и Новый заветы как прецедентные тексты в романе Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» // Научные стремления. – 2013. – № 8. – С. 87-98.
12. Шестопалов, А. А. Значимость контекста при переводе библейских аллюзий (на материале рассказа Оскара Уайльда «The Selfish Giant») // Культура в фокусе научных парадигм. – 2021. – № 12-13. – С. 199-207.
13. Beecher Stowe, H. Uncle Tom's Cabin [Электронный ресурс]. – URL: <https://liteka.ru/english/library/3190-uncle-tom-s-cabin#1> (дата обращения: 19.11.2024).
14. Melville, H. Moby Dick [Электронный ресурс]. – URL: <https://eng360.ru/moby-dick#link2HCH0039> (дата обращения: 22.11.2024).

RENDERING THE BIBLICAL REFERENCES AS AN IMPORTANT TRANSLATION ASPECT: FOREIGN LANGUAGE PRACTICAL COURSE

© 2024 A.P. Zhuravlev

Alexander P. Zhuravlev, Senior Lecturer of The Department of Foreign Languages

E-mail: palych32@rambler.ru

Samara State Technical University

Samara, Russia

The paper deals with the issue of rendering intertextual Biblical references in translation of literary works from English into Russian. The paper analyzes the concept of intertextuality which is considered to be the integral feature of any literary text. The Biblical references in literary works of all kinds are seen as a particular case of intertextuality. Because the translation of a literary text is a transition of the authors' message not only into another language but also into a different social and cultural environment, being Bible-literate is one of the essential requirements a translator must meet. Being familiar with the Bible means that a translator is able to recognize a reference in the original literary text and render it properly in the translation. Thus, both the author's intention and the authentic flair are preserved.

Teaching translation through analysis of particular cases, as well as the results obtained and conclusions drawn can be used to train future translators and form a number of their professional competencies in the fields of linguistics and translation studies.

Key words: intertextuality, reference, allusion, translation studies, literary works

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-4-8

EDN: PTEHBG

1. Bicher-Stou, G. Hizhina dyadi Toma (Uncle Tom's Cabin) [Elektronnyy resurs]. – URL: онлайн-читать.рф/бичер-стоу-хижина-дяди-тома (date of access: 19.11.2024).
2. Bobodzhanova, L. K., Gnezdilova, K. S. Peredacha biblejskih allyuzij v angloyazychnoj i nemeckoyazychnoj hudozhestvennoj literature na russkij yazyk (Biblical Allusions in English and German Fiction and their Translation into the Russian Language) // Aktual'nye problemy kommunikacii. Yazyk i perevod. – 2022. – P. 7-19.
3. Zaprudnova, A. A. Mekhanizmy intertekstual'nosti i sposoby ih peredachi pri perevode s russkogo yazyka na kitajskij yazyk (na primere otryvkov iz proizvedenij A. P. Chekhova) (Mechanisms of Intertextuality and Means of Rendering Them in Translation from Russian into Chinese (illustrated by excerpts from A. Chekhov's works)) // Inostrannye yazyki v vysshej shkole. – 2021. – P. 87-98.
4. Kremneva, A. V. Intertekstual'nost' kak odin iz faktorov uslozhneniya perevoda (Intertextuality as one of the factors that make the translation more difficult) // Sovremennoe gumanitarnoe nauchnoe znanie: mul'tidisciplinarnyj podhod – 2018. – 2018. – P. 18-22.
5. Makarova, L. S. Vzaimodejstvie kul'tur i problema intertekstual'nosti v hudozhestvennom perevode (Interaction of cultures and problem of intertextuality in a literary translation) // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – P. 51-55.
6. Melvill, G. Moby Dik, ili Belyj kit (Moby Dick) [Elektronnyy resurs]. – URL: https://libre-book.me/moby_dick_or_the_whale (date of access: 22.11.2024).
7. Papulova, Yu. K. O modeli perevoda v ramkah teorii intertekstual'nosti (Intertextual model of translation) // Yazyki. Kul'tury. Perevod. – 2014. – P. 261-272.
8. Piven', I. V., Kalesheva, A. M. Perevod intertekstual'nyh vklyuchenij v romane Margaret Etvud «Rasskaz sluzhanki» (Translating intertextuality in "The Handmaid's Tale" by Margaret Atwood) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – P. 52-61.
9. Piven', I. V., Frolova, M. A. Biblejskie allyuzii v romane F.S. Ficdzheral'da «Velikij Getsbi» (Biblical allusions in Fitzgerald's The Great Gatsby) // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – 2021. – P. 156-162.
10. Solmanidina, N. V., Grincova, O. V., Demidochkin, D. V. Lingvostilisticheskij aspekt perevoda allyuzij (Linguo-stylistic aspects of translation of allusions) // Vestnik PGUAS: stroitel'stvo, nauka i obrazovanie. – 2016. – P. 91-96.
11. Spoto, R. N. Vethij i Novyj zavety kak precedentnye teksty v romane Dzh. Stejnbeke «Grozd'ya gneva» (The Old and New Testaments as precedent texts in the Grapes of Wrath by J. Steinbeck) // Nauchnye stremleniya. – 2013. – P. 87-98.
12. Shestopalov, A. A. Znachimost' konteksta pri perevode biblejskih allyuzij (na materiale rasskaza Oskara Uajl'da "The Selfish Giant") (Translating Biblical allusions: the importance of context (on the basis of "The Selfish Giant" by Oscar Wilde)) // Kul'tura v fokuse nauchnyh paradig. – 2021. – P. 199-207.
13. Beecher Stowe, H. Uncle Tom's Cabin [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://litelka.ru/english/library/3190-uncle-tom-s-cabin#1> (date of access: 19.11.2024).
14. Melville, H. Moby Dick [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://eng360.ru/moby-dick#link2HCH0039> (date of access: 22.11.2024).

УДК 372.881.111.1 (Обучение языкам (английскому))

ПЕРЕДАЧА ИГРЫ СЛОВ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

© 2024 А.П. Журавлев

Журавлев Александр Павлович, старший преподаватель кафедры иностранных языков

E-mail: palych32@rambler.ru

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 04.12.2024

В данной статье рассматривается вопрос передачи игры слов при переводе художественных произведений разного рода с английского языка на русский. В статье анализируется понятие игры слов как художественного приема, обладающего большим потенциалом как в плане выражения нюансов значения, так и в плане создания определенного воздействия на читателя в соответствии с замыслом автора художественного произведения. В работе рассмотрены наиболее часто встречающиеся виды игры слов, проанализированы способы ее создания и приемы передачи игры слов при переводе. Установлено, что одной из основных проблем при переводе игры слов является передача не только ее содержания, но и формы. На основе разбора и анализа реальных примеров передачи игры слов при переводе у студентов формируется ряд компетенций, необходимых для освоения в рамках подготовки по специальности 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение». По итогу исследования делается вывод о том, каким знаниями, навыками и способностями должен обладать переводчик для того, чтобы эффективно решать задачу передачи игры слов при переводе художественных произведений. Также делается вывод о том, что полноценная передача игры слов в ряде случаев невозможна в силу объективных причин.

Ключевые слова: игра слов, художественное произведение, контекст, переводоведение

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-9-13

EDN: QAXOEB

Введение. Игра слов является важным художественным приемом, и ее присутствие в тексте произведения никогда не бывает случайным. Помимо передачи каких-либо аспектов ситуации и подсмыслов высказывания, игра слов оказывает определенное эмоциональное и эстетическое воздействие на читателя, что является реализацией осознанного намерения автора художественного произведения. Соответственно, частичная передача игры слов либо ее опущение при переводе означают, что цель перевода достигнута не полностью.

Именно ввиду большой художественной силы этого приема преподавателю на занятиях по практическому курсу перевода необходимо объяснять обучающимся, насколько важна адекватная передача игры слов для сохранения целостности восприятия того или иного произведения. Одной из компетенций, которые формируются при этом, является способность проводить переводческий анализ текста. Это позволяет выявить в тексте оригинала игру слов и наметить пути ее передачи при переводе. Другой важной компетенцией, формируемой у обучаемого в ходе анализа случаев передачи игры слов, является способность осуществлять письменный

межъязыковой перевод с соблюдением норм лексической эквивалентности, а также грамматических, синтаксических и стилистических норм. Это необходимо для адекватной передачи игры слов при переводе с сохранением ключевых особенностей текста оригинала.

В данной статье мы проанализируем ряд случаев передачи игры слов на предмет того, как переводчики справились с этой задачей, и выясним, что необходимо для ее успешного решения.

Задачами данного исследования являются следующие:

1. рассмотреть понятие игры слов;
2. проанализировать способы передачи игры слов при переводе художественных текстов с английского языка на русский;
3. ответить на вопрос о том, какие навыки, знания и способности необходимы переводчику для качественной передачи игры слов при переводе художественных произведений.

Практическая ценность данного исследования обусловлена тем, что полученные в нем результаты и выводы могут представлять интерес в

плане методологии преподавания иностранного языка и прикладного переводоведения.

Методы исследования: сопоставительный анализ текстов, демонстрация визуальных материалов, комментированное чтение.

История вопроса. В своих работах исследователи приводят самые разные определения игры слов. В данной статье мы будем придерживаться определения, данного Е.Д. Голубчиком: «Игра слов – это остроумное высказывание, главной отличительной характеристикой которого является столкновение двух слов с разным значением, но схожих по звучанию или написанию» [3, с. 5].

При этом многие исследователи не разделяют понятия «игра слов» и «каламбур», что представляется нам неверным. Мы склонны согласиться с точкой зрения С.Е. Хорохориной, которая рассматривает игру слов как более широкое понятие и характеризует ее как «стилистический прием, основанный на совокупности двух или нескольких лингвистических единиц, обладающих общим или схожим планом выражения, но различных в плане содержания» [11, с. 55].

Существуют разные способы создания игры слов. С.С. Иванов приводит достаточно исчерпывающий перечень таких приемов, из которых наибольший интерес для нашего исследования представляют обыгрывание значений слов-омонимов (каламбур), обыгрывание значений многозначных слов, а также распад значения идиомы [6, с. 227-228]. З.М. Сафина также упоминает в качестве одного из способов полисемию, поясняя, что «посредством языковых средств воссоздается такая ситуация, при которой слово или языковая конструкция несёт в себе два или более значения в рамках одного и того же контекста» [10, с. 106].

Способы передачи игры слов при переводе представляют собой отдельную тему для исследования. Совершенно очевидно, что при работе с языковыми конструкциями такого уровня уже недостаточно одних только лексико-грамматических трансформаций. Некоторые исследователи предлагают такие приемы как калькирование и компенсация [7, с. 131-132]. Однако следует понимать, что передача игры слов в переводе во многом представляет собой творческим процесс: «Различные способы перевода, такие как транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный перевод <...>, эффективны при передаче игры слов, однако требуют творческого подхода переводчика» [1, с. 111].

В этой связи подведение какой-либо научной базы под этот процесс во многом условно. Такое мнение обусловлено еще и тем, что полноценная передача игры слов при переводе подразумевает воспроизведение не только ее содержания, но и формы: «Основные трудности при переводе игры слов возникают из-за того, что ее структура требует сохранять как план содержания (значение), так и план выражения (форму)» [11, с. 56].

Действительно, форма игры слов является важным аспектом, который крайне необходимо сохранить в переводе. Поскольку «игра слов посредством эффекта деавтоматизации восприятия текста привлекает внимание к самой форме слова» [9, с. 80], то при переводе игры слов «перепределению подвергается и сама форма оригинала» [2, с. 96].

В свете всего вышесказанного становится понятно, что передача игры слов при переводе представляет собой довольно сложную задачу: она требует от переводчика «не только знания языка на высоком уровне, но и способности найти соответствующее по смыслу оригиналу выражение в языке перевода» [4, с. 40]. Кроме того, переводчик должен иметь творческие способности и проявлять их, поскольку сугубо механический подход к переводу игры слов не принесет нужного результата – передачи информации (т.е. содержания игры слов) и оказания необходимого эмоционального воздействия на читателя (сохранение формы игры слов). К сожалению, одновременное достижение обеих целей не всегда возможно, и переводчику постоянно приходится делать выбор – отказаться от передачи шутки, дословно переведя содержимое оригинала, либо сосредоточиться на переводе фразы, сохранив заложенный в нее смысл за счет создания нового, но уже переведенного образа [5, с. 52]. В качестве итога можно привести слова Н.И. Гончаровой о том, что «адекватный перевод игры слов с сохранением её смысла является показателем высокого уровня профессионализма переводчика» [4, с. 40].

Результаты исследования. Разбор примеров передачи игры слов при переводе художественных произведений мы начнем с диалога из романа «Моби Дик» Г. Мелвилла.

- “*LAY not up for yourselves treasures upon earth, where moth –*”

- «*Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль...*»

- "Well, Captain Bildad, what d'ye say, what lay shall wegive this young man?"

- Доля, капитан Вилдад?

- "...where moth and rust do corrupt, but LAY – "

- «...где моль и ржа истребляют, но...».

Один из довольно редких случаев успешной передачи игры слов при переводе как в плане содержания, так и в плане выражения. Капитан Вилдад цитирует Библию, а капитан Фалек говорит о доле для нанимающегося на судно матроса. В оригинале игра слов строится на разных значениях слова «lay». Причем в реплике Вилдада это глагол, а в речи Фалека – существительное. Переводчик решил задачу путем комбинации контекстуального перевода существительного "lay" как «доля» и созвучия этого слова с «моль», сохранив таким образом связь с оригинальной цитатой из Библии. Исходное предложение пришлось сильно перестроить, но это не имеет особого значения, поскольку цель перевода – передача информации и задуманного автором воздействия на читателя – была достигнута.

Мультсериал «Футурама» содержит множество эпизодов с игрой слов. Рассмотрим некоторые из них.

Wong ranch. You've come to the Wong place.

Ранчо Вонгов. Вы пришли не туда.

По сюжету эту надпись видят люди, которые пришли в гости к хозяевам ранчо. В данном случае очевидно, что шутка строится на основе фразы «You came to the wrong place» (которую можно перевести как «Вы пришли не туда»), а игра слов основана на созвучии слова "wrong" и фамилии владельцев этого ранчо – «Wong». Переводчик принял половинчатое решение, в результате чего перевод не передает заложенной в оригинале шутки. Данную надпись можно было бы перевести, например, как «Убирайтесь Вонг» (по созвучию с «Убирайтесь вон»), сохранив посыл исходной фразы и одновременно обыграв фамилию хозяев.

В другом эпизоде сериала «Футурама» имеет место следующий диалог:

- *Hold him down.*

- *Check.*

Здесь игра слов строится на разных значениях одного слова. Реплика «check» принадлежит Deep Blue – реально существующему суперкомпьютеру, разработанному для игры в шахматы. По сюжету он умеет разговаривать, но исключительно шахматными понятиями. Как результат, реплика Deep Blue понимается англоязычными

зрителями как стандартный ответ на приказ (что-то вроде «Есть»), так и как «Шах». В переводе этого диалога первая реплика не переведена вообще, а вторая передана как «проверка», т.е. имеет место дословный перевод, оторванный от контекста. Как следствие, в переводе игра слов пропала, а обмен репликами потерял заложенный в него смысл. При этом данный диалог вполне можно перевести следующим образом:

- *Держите его.*

- *Тебе шах.*

Такой перевод передает значение оригинальной реплики «check», оставаясь в рамках ограниченного словарного запаса шахматного компьютера, и при этом адекватно отражает происходящее на экране, указывая на поражение противника.

Выводы. По результатам рассмотрения приведенных выше примеров можно сделать определенные выводы о том, какими знаниями, навыками и способностями должен обладать переводчик для полноценного переноса игры слов из оригинала в порождаемый им текст.

Во-первых, переводчик должен быть хорошо знаком с культурой, частью которой является то или иное художественное произведение, поскольку от этого во многом будет зависеть его способность распознать игру слов в иноязычном тексте.

Во-вторых, переводчику необходимо обладать творческими способностями и уметь проявлять нетривиальный подход к переводу. Как было сказано выше, сохранение игры слов как в плане содержания, так и плане выражения является очень сложной переводческой задачей, которую невозможно решить без творческого подхода.

Но плох ли переводчик, если ему не удалось передать игру слов? На этот вопрос нет однозначного ответа, поскольку здесь могут иметь место разные причины. Например, переводчик не смог распознать игру слов, поняв ее буквально и переведя соответственно; это однозначно свидетельствует о недостаточном уровне его компетентности. Либо переводчик не смог придумать аналог на языке перевода, равнозначный и по содержанию, и по форме; здесь речь идет уже не о квалификации, а о творческих способностях. Возможен и другой вариант: переводчик намеренно опускает игру слов, исходя из вполне объективных предпосылок – например, в целях соблюдения политкорректности. В таком случае можно говорить о вполне профессиональном подходе.

1. Бижигуева, М. П. Сохранение игры слов – основа адекватного перевода юмористических произведений // Сборник трудов конференции «Научное обозрение: актуальные вопросы теории и практики». – 2024. – С. 109-112.
2. Будник, Е. А., Лукьяненко, М. В. Передача игры слов как переводческая проблема // Язык и культура. – 2015. – № 17. – С. 96-101.
3. Голубчик, Е. Д. Особенности перевода игры слов в кинодиалогах на материале комедийного сериала “Scrubs” («Клиника») // Вопросы лингвистики и переводоведения: опыт начинающих исследователей. – 2019. – № 2. – С. 4-8.
4. Гончарова, Н. И. Трудности перевода игры слов на примере романа В. Набокова «Лолита» // Вестник магистратуры. – 2016. – № 1 (52). – С. 40-42.
5. Зубова, О. А., Подузова, В. Д. Проблема перевода игры слов в зарубежных фильмах на русский язык (на примере англоязычных фильмов) // Перевод, реклама и PR в современной коммуникации. – 2022. – № 1. – С. 52-55.
6. Иванов, С. С. Игра слов и способы её создания: смысловая и звуко-смысловая игра слов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 6 (2). – С. 227-231.
7. Илькина, Р. Р. Переводческий аспект феномена игры слов в немецком политическом дискурсе // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 7. – С. 130-133.
8. Мелвилл, Г. Моби Дик, или Белый кит [Электронный ресурс]. – URL: https://librebook.me/moby_dick_or_the_whale (дата обращения: 29.11.2024).
9. Мироненко, С. А., Каратаева, Л. В. Игра слов в русской и немецкой поэзии // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – 2015. – № 2 (153). – С. 79-84.
10. Сафина, З. М., Терентьев, О. С. Свойства сложной динамической системы в структуре игры слов и переводе // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2021. – № 7 (2). – С. 104-114.
11. Хорохорина, С. Е., Фурменкова, Т. В. Перевод игры слов в детской литературе постмодернизма (на материале серии книг «Лемони Сникет: 33 несчастья») // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 50-10. – С. 54-59.
12. Melville, H. Moby Dick [Электронный ресурс]. – URL: <https://eng360.ru/moby-dick#link2HCH0039> (дата обращения: 29.11.2024).

REPRODUCTION OF WORDPLAY AS THE IMPORTANT ASPECT OF TRANSLATION

© 2024 A.P. Zhuravlev

Alexander P. Zhuravlev, Senior Lecturer of The Department of Foreign Languages

E-mail: palych32@rambler.ru

Samara State Technical University

Samara, Russia

The article deals with the issue of the wordplay reproduction in the translation of literary texts from English into Russian. The article analyzes the notion of wordplay as a powerful tool able not only to express the meaning nuances but also to produce a particular effect on a reader. The article discusses some of the most commonly used types of wordplay and analyzes the ways of creating wordplay, as well as some methods used to reproduce it in the translated text. It is noted that one of the main problems of reproduction of wordplay is preserving both its meaning and its form. Analysis of real cases of wordplay reproduction serves as a tool to form certain competencies required for successful completion of the translation studies course. In conclusion, there listed a number skills and abilities the translator needs to reproduce wordplay in the most efficient manner. Another conclusion drawn is that the reproduction of wordplay to its full extent is not always possible due to some objective causes.

Key words: wordplay, literary work, context, translation studies

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-9-13

EDN: QAXOEB

1. Bizhitueva, M. P. Sohranenie igry slov – osnova adekvatnogo perevoda yumoristicheskikh proizvedenij (Preservation of wordplay as the basis for proper translation of humoristic books) // – 2024. – P. 109-112.
2. Budnik, E. A., Luk'yanenko, M. V. Peredacha igry slov kak perevodcheskaya problema (Reproduction of wordplay as the translation problem) // Yazyk i kul'tura. – 2015. – P. 96-101.

3. Golubchik, E. D. Osobennosti perevoda igry slov v kinodialogah na materiale komedijnogo seriala “Scrubs” (“Klinika”) (Peculiarities of wordplay translation in movie dialogs on the material of the “Scrubs” comedy show) // *Voprosy lingvistiki i perevodovedeniya: opyt nachinayushchih issledovatelej*. – 2019. – P. 4-8.
4. Goncharova, N. I. Trudnosti perevoda igry slov na primere romana V. Nabokova “Lolita” (Issues of wordplay translation on the material of the “Lolita” by V. Nabokov) // *Vestnik magistratury*. – 2016. – P. 40-42.
5. Zubova, O. A., Poduzova, V. D. Problema perevoda igry slov v zarubezhnyh fil'mah na russkij yazyk (na primere angloyazychnyh fil'mov) (The problem of translating wordplay in foreign films into Russian on the example of English films) // *Perevod, reklama i PR v sovremennoj kommunikacii*. – 2022. – P. 52-55.
6. Ivanov, S. S. Igra slov i sposoby eyo sozdaniya: smyslovaya i zvukosmyslovaya igra slov (Play on words and ways of its creation: semantic and acoustic-semantic play on words) // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. – 2009. – P. 227–231.
7. Il’kina, R. R. Perevodcheskij aspekt fenomena igry slov v nemeckom politicheskom diskurse (The translation aspect of the phenomenon of wordplay in German and Russian political discourse) // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. – 2022. – P. 130-133.
8. Melvill, G. *Moby Dik, ili Belyj kit (Moby Dick)* [Elektronnyy resurs]. – URL: https://libre-book.me/moby_dick_or_the_whale (date of access: 29.11.2024).
9. Mironenko, S. A., Karataeva, L. V. Igra slov v russkoj i nemeckoj poezii (Word play in the Russian and German poetry) // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2015. – P. 79-84.
10. Safina, Z. M., Terent’ev, O. S. Svojstva slozhnoj dinamicheskoy sistemy v strukture igry slov i perevode (Properties of a complex dynamic system in the structure of wordplay and its translation) // *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. – 2021. – P. 104-114.
11. Horohorina, S. E., Furmenkova, T. V. Perevod igry slov v detskoj literature postmodernizma (na materiale serii knig “Lemoni Sniket: 33 neschast’ya”) (Translation of wordplay in post-modern children literature (on the material of the “Lemony Snicket: A Series of Unfortunate Events” book series)) // *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*. – 2019. – P. 54-59.
12. Melville, H. *Moby Dick* [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://eng360.ru/moby-dick#link2HCH0039> (date of access: 29.11.2024).

УДК 378.4 (Университеты)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА В ОНЛАЙН-ЛАБОРАТОРИИ РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ ОДАРЕННОСТИ

© 2024 Л.Ю. Калинина¹, Е.В. Бакшаева²

*Калинина Лариса Юрьевна, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник
отдела научных исследований и грантов, доцент кафедры дошкольного образования*

E-mail: klar1992@gmail.com

*Бакшаева Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент,
декан факультета художественного и музыкального образования*

E-mail: lenabakshaeva14@gmail.com

¹Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

²Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
Чебоксары, Россия

Статья поступила в редакцию 04.12.2024

Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации №073-00029-24-04 от 23.08.2024

База исследования: ГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»

Рассматривается педагогическая диагностика одаренности детей 6-7 лет в условиях онлайн-лаборатории, представляющей собой цифровую модификацию прототипа – Лаборатории раннего выявления одаренности и профориентации Самарского государственного социально-педагогического университета. В соответствии с прототипом онлайн-лаборатория «ЛАРНОД» является «живой» игровой педагогической лабораторией. При этом она обладает своеобразием, обусловленным ее характеристиками, соответственно теории дистанционного обучения: постоянной разделенности сотрудника лаборатории – диагноста и детей-респондентов, хотя рядом с детьми находятся взрослые тьюторы, помогающие читать задания и, при необходимости, выполнять их; ведущая роль научного коллектива образовательной организации – разработчика лаборатории – в планировании и подготовке диагностических и развивающих материалов и предоставлении детям сопровождения в процессе деятельности в онлайн-лаборатории; использование технических средств связи для общения сотрудников лаборатории и респондентов (аудио-, видео-, компьютерная коммуникация), обеспечения детей стимулирующим проявлению одаренности цифровым контентом; наличие обратной связи, способствующей развитию диалога ребенка и заинтересованных в выявлении его одаренности взрослых с научным коллективом лаборатории (направление результатов диагностики по запросу педагогам, родителям дошкольников и формирование на основе данных результатов совместной стратегии сопровождения прошедшего тестирования ребенка на индивидуальном образовательном маршруте); практическое отсутствие в течение всего диагностико-развивающего педагогического процесса групп детей, т.е. фактически индивидуальная форма работы.

Ключевые слова: одаренность, педагогическая диагностика одаренности, педагогическая онлайн-лаборатория, взаимосвязь видов одаренности, диагностика одаренности, моделирование творческого процесса

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-14-22

EDN: QLCQYS

Введение. Проблема раннего выявления и сопровождения одаренности сегодня обозначилась вполне отчетливо, и для ее решения требуется соединить новую междисциплинарную методологию с образовательной практикой. Россия – страна, в которой население проживает на очень большой территории, и в изучении одаренности дошкольников требуются специальные мероприятия, чтобы предоставить шанс проявить ее

каждому ребенку, независимо от близости или удаленности его места жительства от центра, крупных городов. Своевременное обеспечение педагогической диагностикой одаренности в некоторой степени компенсирует неравенство возможностей: дети, участвующие в онлайн тестировании, по результатам диагностики уже могут быть замечены тренером, педагогом-музыкантом, специалистом по развитию математической

или лингвистической одаренности. Таких детей в «возрасте одаренности» (от 6 до 7 лет) достаточно много: если учитывать стандартные критерии статистики, не менее 15% от общего числа ровесников, что в 2025 г., учитывая среднегодовую рождаемость по России – 1,5 млн – должно составлять примерно 225 000. Но офлайн диагностика одаренности «не успевает» дойти к своим адресатам в нужное время, а не выявленная одаренность повзрослевших детей, завуалированная знаниями, умениями и навыками как результатом школьного образования, так и остается незамеченной. Тем самым, утрачивается невосполнимый ресурс развития; может проявиться т.н. НУВЭРС – необратимая утрата возможности эффективного развития способностей (Б.П. Никитин [4]).

Противостоять ситуации в наши дни быстрого распространения интернета, компьютеров и смартфонов дает возможность диагностическая онлайн-лаборатория. Она является инструментом, позволяющим непосредственно предлагать к внедрению актуальные продукты, созданные научными коллективами вузов для педагогической диагностики одаренности. На сегодняшний день именно в онлайн-лаборатории теоретико-методологическая база исследования одаренности раскрывается с учетом новейших идей возрастной нейроморфологии, психологии творчества, искусствоведения, теории дистанционного обучения [8].

Конгениальность онлайн-лаборатории образовательным запросам педагогов, родителей, самих детей мы видим в ее демократичном принципе доступности для максимально широкой группы населения. Диагностика создана как относительно кратковременная (скрининговая) и включающая задания, которые можно выполнить и оценить без сложной предварительной подготовки. Информативность тестов при этом сопоставима с информативностью традиционного диагностического инструментария: то, что тесты компактны и для ребенка выглядят как игра, компенсируется, во-первых, расширением поля диагностики (тестирование видов одаренности в дуовекторных парах «музыкально-математическая», «в области изобразительного искусства и спорта», «музыкально-лингвистическая»); во-вторых, прохождением детьми научно обоснованной матрицы педагогических условий, что позволяет рассматривать проявления одаренности как спектра природных и приобретенных качеств, изменяющихся в определенном (выявляемом с помощью статистической обработки данных) направлении.

Методы исследования. На основе анализа источников в рамках статьи уточнено понятие «педагогическая диагностика». Для этого авторы обратились к концепциям К. Ингенкампа [2]; В.А. Сластенина [5]; А.В. Кулемзиной [3].

История вопроса. Педагогическая диагностика одаренности на практике используется со второй половины XX века. Автор термина К. Ингенкамп [2] предполагал, что этот вид диагностики будет способствовать выявлению предпосылок, условий и результатов учебно-воспитательного процесса в целях его оптимизации и обоснования его результативности для развития общества. Под диагностической деятельностью, вслед за К. Ингенкампом, мы понимаем процесс, в ходе которого педагог наблюдает за детьми, проводит научно обоснованное тестирование, первичную обработку данных и сообщает о полученных результатах ученым-диагностам, которые создают характеристики «одаренного поведения» детей, на основе результатов математической статистики объясняют мотивы, прогнозируют поведение в будущем.

В широком смысле, сущность педагогической диагностики одаренности отражает сущность понятия «педагогический процесс» («образование») – это фактор и средство развития обучающегося [5; 10].

В узком смысле сущность педагогической диагностики одаренности заключается в том, что ее ядро образует субстанция знания:

- об одаренности как педагогическом феномене, ее мало изученных формах, включая дуовекторную одаренность (музыкально-математическую, музыкально-лингвистическую, в области изобразительного искусства и спорта, возможно, и других форм);
- о способах продуцирования из знания об одаренности субтестов, изоморфных ее структуре, чувствительных к ответной реакции одаренности на педагогическое воздействие;
- о соотношении индивидуального и возрастного в проявлениях одаренности;
- о динамике процесса количественного и качественного определения параметров одаренности как результата педагогического воздействия, ее идентификации и определения тенденций развития детей, проявляющих одаренность.

Иными словами, педагогическая диагностика одаренности представляет собой процесс и результат количественного и качественного определения параметров [3] какого-либо вида или формы одаренности как результата педагогического воздействия, констатации и определения

тенденций развития проявляющего одаренность ребенка.

Это комплекс способов измерения скорости усвоения детьми знаний, формирования на их основе умений и навыков (для дуовекторной одаренности – синхронно в двух областях деятельности), в результате педагогического воздействия на природный дар / познавательные процессы, а также констатации и определения тенденций в изменениях «одаренного поведения».

Цель исследования: рассмотреть педагогическую диагностику в онлайн-лаборатории раннего выявления одаренности.

Сегодня педагогическая диагностика претерпевает закономерную трансформацию, отражающую глобальные течения в образовании как неотъемлемой части всей жизни человечества в XXI веке.

Ее воплощение в онлайн-формате требует учитывать целесообразность [7]:

- рационализации, дающей возможность расширять диагностический инструментарий неограниченному числу респондентов;
- разделения труда между авторами тестов и теми, кто осуществляет диагностику одаренности;
- механизации труда диагноста и тьюторов (взрослых, заинтересованных в выявлении одаренности детей);
- массовой диагностики одаренности;
- планирования и предварительной подготовки диагностико-педагогического процесса как необходимого предварительного условия для организации самой диагностики;
- предварительных инвестиций для организации и начала работы дистанционной (онлайн) лаборатории;
- стандартизации диагностико-педагогического процесса, в котором общая направленность диагностического инструментария доминирует над частными интересами того или иного диагноста, педагога, родителей (лиц, из заменяющих);
- изменения функций диагноста и мотивации его деятельности – роль диагноста в процессе педагогической онлайн диагностики одаренности сводится к роли провайдера диагностических знаний и умений (создатель онлайн тестов, диагностико-развивающей программы); эксперта, оценивающего результаты диагностики; консультанта (ведущего обучающихся семинаров).

Соответственно, в онлайн-формате основными характеристиками лаборатории раннего выявления одаренности будут нижеследующие.

1. Цифровой формат, обеспечивающий расширение диагностического инструментария без ограничений.

2. Простота, удобство диагностического инструментария в применении любым взрослым, заинтересованным в выявлении одаренности ребенка, в сочетании с контролем научности результатов диагностики учеными – разработчиками онлайн лаборатории.

3. Ускоренный процесс диагностики одаренности благодаря цифровизации труда диагноста и лиц, сопровождающих диагностику одаренности дошкольников.

4. Доминирование в диагностическом процессе игры как ведущей деятельности ребенка – адресата диагностики, стандартизированных с учетом возрастных факторов проявления одаренности заданий, при блокировке доминирования частных интересов того или иного диагноста, педагога, родителя.

5. Научная основа диагностического инструментария (предварительные инвестиции в форме научных исследований феномена одаренности, подходов к ее выявлению, разработке технологии сопровождения).

6. Междисциплинарность в теоретическом и методическом обеспечении онлайн диагностики одаренности, трактовке ее результатов, прогнозировании изменений и преобразования в высокие способности, талант.

7. Транс-профессиональная деятельность педагогов-исследователей, включающая области обнаружения новых знаний в процессе измерений параметров «одаренного поведения» ребенка, проявляющего одаренность, через обращение к психологическим, медико-биологическим, социологическим активностям, в необходимой для объяснения результатов исследования мере.

Чтобы исследовать объект «одаренность», авторами статьи применялся метод онлайн-анкетирования педагогов и родителей (законных представителей) детей 5-6, 6-7 и 7-8 лет. Они сообщали в ответах на вопросы онлайн-анкеты о результатах выполнения каждым ребенком заданий, размещенных в авторской онлайн-лаборатории раннего выявления одаренности «ЛАРНОД» (ссылка на интернет-ресурс: *Государственное задание 2024*).

Тестовые задания были разделены на группы:

- «Искусство+А» - после введения шифра ребенка, выбора возрастной группы и ряда дополнительных параметров для структурирования собираемой информации взрослые-тьюторы

оценивают, удалось ли, и насколько хорошо, ребенку: озвучить последовательность цифр, определить и выделить хлопком в ладоши кульминацию звучащей мелодии, определяя ее по счету (раз-два-три-ЧЕТЫРЕ) и просто вслушиваясь в развитие музыки; рассмотреть орнаменты, создать собственный орнамент из предметов, воплотить формы понравившегося орнамента движениями, под ускоряющуюся музыку; расшифровать речью и музыкальными звуками «послание инопланетян», которое представляет собой рисунок;

– «Искусство+Б1» для детей, в шифре которых первой идет четная цифра; данный тест отличается от «Искусство+А» новым материалом в структуре идентичных заданий, а также тем, что взрослый после каждого выполненного задания одобрительно говорит ребенку: «Молодец!», «Ты справился» и т.п.;

– «Искусство+Б2» для детей, в шифре которых первой идет нечетная цифра; данный тест отличается от «Искусство+А» и «Искусство+Б1» новым материалом в структуре идентичных заданий и тем, что взрослый после каждого выполненного задания произносит отвлекающую фразу, например, «Шел ли сегодня дождь или снег?» и т. п., чтобы дать возможность проявиться устойчивой направленности на выполнение предпочитаемой деятельности;

– «Био-Арт-В» для диагностики особенностей одаренности детей после развивающих занятий в арт-мастерской, размещенных на дополнительной странице онлайн-лаборатории.

В соответствии с природными закономерностями развития человека, природные качества изменяются и скачкообразно переходят на новый, более высокий уровень. С помощью заданий методики «Био-Арт-В» данный процесс ускоряется; качественный скачок можно заметить по новым для ребенка действиям, творческим компонентам поведения, которым его никто не учил. Природный дар ребенка, освоившего тест «Искусство+» (варианты А, Б1 или Б2) и материал «Арт-мастерской», на этапе диагностики по методике «Био-Арт-В» может проявиться как элементарные комплексы способностей: музыкальный, математический, в области изобразительного искусства, спортивный, лингвистический.

Результаты исследования. Таким образом, в онлайн-формат перенесен диагностический инструментарий, уже апробированный в реальном пространстве Лаборатории раннего выявления одаренности и профориентации педагогического вуза, а также – на базе детских садов и

учреждений дополнительного образования. Новым является разделение повторного тестирования на два варианта – «Искусство+Б1» и «Искусство+Б2», с целью более дифференцированного изучения проявлений одаренности дошкольниками. В первом варианте деятельность выполняющих задания детей сопровождается одобрительными репликами взрослого [12], а во втором – есть возможность проверить, устойчив ли интерес ребенка к тому, что он делает. Сосредоточенность на деятельности признана сильным аргументом в пользу наличия одаренности (В.П. Анисимов [1]).

Преобразование диагностических и развивающих материалов лаборатории в онлайн-формат позволило существенно увеличить базу исследования. К образовательным организациям Самарской области, студентам СГСПУ, осваивающим дисциплину «Работа с одаренными детьми», добавились партнеры лаборатории в рамках Государственного задания Министерства просвещения РФ:

- ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»;
- ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»;
- ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»;
- ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»;
- ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»;
- ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матушевского».

Для студентов перечисленных вузов – будущих педагогов и психологов – были проведены обучающие семинары, на которых научный коллектив лаборатории «ЛАРНОД» осветил задачи, алгоритм и технологию работы с данным авторским продуктом.

Онлайн-лаборатория позволяет достаточно быстро пройти диагностику, позаниматься с ребенком в разделе «Арт-мастерская», получить информацию об одаренности ребенка после занятий – то есть узнать, какие ее виды, формы оказалась более чувствительны к педагогическому воздействию с использованием материалов современного искусства [9; 11].

Данные материалы позволили усилить функциональность понятия одаренности, за счет построения диагностических методик на принципах «экспериментирование», «интерактивность», «использование готовых форм», «соединение

несоединимого», «полихудожественность», «главенство идеи над образом», «отражение сиюминутно происходящего». Проходя тестирование и обучение в онлайн-лаборатории, ребенок, таким образом, получает ряд нестандартных возможностей проявить свою одаренность. Поясним сказанное на примерах.

Принцип «экспериментирование». Детям свойственно экспериментировать – воздействовать теми или иными способами на окружающие предметы, явления, чтобы лучше познать, что они из себя представляют, и на основе полученного знания осваивать мир. Онлайн-лаборатория предоставляет для этого широкое поле действий. Условия экспериментирования специально созданы, воспроизводимы, их изменения контролируются. Ребенок, увлеченный творчеством, осуществляет наиболее значимые для познания мира действия, используемые человеком любого возраста, но в формах, свойственных периоду развития от 6 до 7 лет: элементарном художественном творчестве и игре (учитывая их взаимосвязь и отсутствие отчетливой границы между ними). Новизна ситуации, ее неопределенность, обеспечивающая изменение работы мозга ребенка, одаренность которого выявляется, и, соответственно, его поведения, в лаборатории может создаваться такими способами, как: обновление зрительных и акустических компонентов среды; предложение выполнить задания, новые для дошкольника благодаря их разнообразию, отсутствию ориентации на распространенные в дошкольном образовании эталоны. Так, вместо общепринятого сравнения музыкальных средств выразительности с изобразительными (высоты звука с цветом, ритма с чередованием элементов картины), предлагается сопоставить музыку и математику: «озвучить последовательность цифр на музыкальном инструменте или хлопнуть в ладоши столько раз, сколько показывает цифра». Этот несложный эксперимент открывает ребенку путь исследователя к истине, который может быть сокращен благодаря универсализации художественного и научного знания. Конечно, до настоящих открытий дошкольнику надо расти, но сам ход мысли, методология, начинает зарождаться.

Принцип «интерактивность». Ребенок, проходящий педагогическую диагностику одаренности в онлайн-лаборатории, не изолирован от диагностического инструментария, а взаимодействует с ним. Учитывая возраст детей, требуется участие во взаимодействии взрослого, который читает текст заданий и при необходимости

помогает их выполнить. Интерактивность предлагаемого комплекса методик проявляется в том, что их можно проходить в удобном для каждого ребенка темпе, с паузами или ускоренно, по одной или сразу несколько. К тому же, тесты содержат выпадающие списки вариантов оценивания, выбор которых зависит от ключевых выборов при выполнении тестового задания. Так, в субтесте «Сигналы с другой планеты» методики «Искусство+А» возможно три первоначальных выбора. Задание состоит в следующем: «Предложите ребенку расшифровать «послание инопланетян», которое представляет собой рисунок. Спросите, какими способами можно передать то, что сообщили инопланетяне?». Взрослый, соответственно ответу ребенка, выбирает один из следующих вариантов: «Пытается озвучить послание словами, отдельными звуками речи», «Пытается озвучить послание напевами без слов, отдельными музыкальными звуками, хлопками и другими «звучащими жестами», ритмическими импровизациями на инструментах», «Пытается озвучить послание словами и музыкой примерно в одинаковой пропорции». Нажатие с помощью курсора на один из вариантов открывает список вариантов балльного оценивания. Так, для первого варианта можно выбрать: «3 балла – интонации выразительные, разнообразные», «2 балла – пытается варьировать, менять интонации», «1 балл – интонации невыразительные, монотонные». Аналогичные балльные системы предложены для других первоначальных выборов.

Принцип «использование готовых форм». Специфика онлайн-тестирования ограничивает применение материалов для творчества тестируемых дошкольников. Но обратившись к опыту современных авторов мы видим, насколько распространены в их работах уже существующие формы: от классических (таких, как воссоздание образа Джоконды в мраморе скульптором Ф. Виале) до изначально не относящихся к искусству (банки с консервами Э. Уорхола, «Соло для пишущей машинки с оркестром» Л. Андерсона и многое другое). Несомненно, мы имеем дело с акцентированием сущности искусства как игры, уходом от довлеющей серьезности, попыткой чувствовать себя ребенком в любом возрасте. Ценность такого свежего, как бы наивного, взгляда на жизнь, не раз проявлялась в различного рода открытиях, и было бы желательно, чтобы ребенок умел комбинировать готовые формы – это поможет ему в будущем школьном обучении и в освоении выбранной профессии. Для этого в лаборатории

представлены задания на элементарное конструирование художественных образов. Например, развивающее задание в пространстве «Арт-мастерская»:

- прослушайте с ребенком фрагменты произведений: «Основная тема» из кинофильма «Сталкер» – 1 минута 30 секунд; «Парижские прогулки» – вступление, 38 секунд; «Шепталки» – 30 секунд («тема» звучит на слоги «Токо-токо...»):

- спросите, что ребенок представил себе, слушая каждый музыкальный фрагмент («Основная тема» из кинофильма «Сталкер», «Парижские прогулки», «Шепталки»):

- предложите ребенку выбрать картинки, подходящие к каждому музыкальному фрагменту: игрушка-свисток, балетные туфли-пуанты, старая книга сказок.

На музыкальные произведения даны гиперссылки, а изображения представлены непосредственно в «Арт-мастерской», что позволяет выполнить задание, не отвлекаясь на поиски материала, достаточно быстро; избежать утомления ребенка.

Принцип «соединение несоединимого». В художественном поиске, как и в научном, прийти к успеху довольно часто помогает непредвзятость, отношение к источникам без априорного выделения их категорий. Неожиданные комбинации становятся тем новым, которое открывает человеку самого себя с еще неизвестной стороны, помогает увидеть новые реалии, возможности, ресурсы. В данном случае мы сознательно допускаем, что общепринятые эстетические принципы не доминируют в оценке продуктов детского творчества. Главное – чтобы были отодвинуты препятствия развитию творческой деятельности. Например, почему бы не попытаться открыть для себя своеобразную красоту индустриального развития, технического прогресса? В этом поможет задание:

- прослушайте с ребенком музыку, не сообщая ее название (Джон Кейдж. «Случайная Земля»);

- предложите выбрать картинки, с помощью которых звучание музыки можно «увидеть» (книги, открытые на иллюстрациях, картах, формулах; ноты песен, ключи, гайки, чайные ложки, наперсток, линза, елочная игрушка);

- предложите выбрать название музыке («булькающий кипяток в гейзере», «работающий завод», «полет над пустынным полем», «метеоритный дождь», свое название, название в стихах).

Все необходимые произведения и иллюстрации можно найти в «Арт-мастерской» онлайн-лаборатории.

Принцип «полихудожественность». Границы между видами искусств нигде не декларируются как строгие, но есть и раздел сайта, акцентирующий их гибкость, условность – «Субмодуль “Свободная арт-композиция”». Авторы имеют в виду, что ребенок, уже с некоторым опытом создания композиций на основе музыки, визуального объекта, стихотворения, может сам выбирать, какой вид искусства станет первоначальным в его творчестве. Например, создавая «композицию «Подарок для друга»: красивый; музыкальный; с приятным ароматом; одновременно все перечисленное».

Принцип «главенство идеи над образом». В данном случае предлагается прикосновение к концептуальному искусству, чтобы ребенок мог ощутить (хотя еще не осознать), что такое концепция. Это пригодится будущим писателям, режиссерам, изобретателям. А пока речь идет о некотором абстрагировании: предлагается создать обобщенный образ клоуна, рассмотрев несколько изображений артистов этого жанра и прослушав пьесу «Клоуны» Д.Б. Кабалевского. Материал для творчества – буквы К, Л, О, У, Н. Из них ребенку предлагается сложить фигурку клоуна, разумеется, абстрактную, а затем показать, что клоун движется, проявляя фантазию, музыкально-зрительные ассоциации и т. д.

Принцип «отражение сиюминутно происходящего». Некоторая парадоксальность обращения к современному искусству состоит в том, что оно делает «современными» даже произведения, объекты, события, относящиеся к минувшим эпохам. Так, ребенку предлагается рассматривать пейзажи русских художников, слушать пьесу П.И. Чайковского «Зимнее утро», но для этого не нужно идти в музей, на концерт, а достаточно принять картины и музыку как часть обычной жизни, повседневности. Происходящие события теперь есть с чем сравнивать. У ребенка появляется собственный эталон красоты, на который он может ориентироваться, независимо от того, в какой сфере деятельности будет себя реализовывать.

Выводы. Педагогическая диагностика одаренности детей в условиях онлайн-лаборатории, при ее компактности и скрининговом режиме тестирования, обладает рядом преимуществ, по сравнению с другим диагностическим инструментарием.

Во-первых, ребенку предоставляется возможность выполнять тестовые задания играя, в комфортных условиях, при поддержке педагога или родителей. Отсутствие напряженности, как при традиционных тестовых процедурах, помогает быть естественным, проявлять свои возможности наиболее разносторонне.

Во-вторых, в соответствии с логикой дистанционного обучения, сотрудники лаборатории – диагносты – почти всегда разделены с тестируемым, что обеспечивает объективность выводов, непредвзятость оценивания. С этой точки зрения, онлайн-лаборатория «ЛАРНОД» противоположна диагностике, проводимой педагогами при непосредственном контакте с детьми. Лучший вариант – если оба подхода сочетаются, и одаренность может быть выявлена как в образовательном процессе, так и при онлайн-тестировании.

В-третьих, лаборатория находится под постоянным наблюдением ученых – ее разработчиков. Это позволяет своевременно и точно корректировать диагностические и развивающие материалы,

обновлять их, если замечена неактуальность или поступают предложения от участников диагностики. Детям предоставляется индивидуальное [6, с. 80] научно-методическое сопровождение, которое редко бывает на высоком научном уровне реализовано офлайн.

Также выделяет онлайн-лабораторию среди известных методов ранней педагогической диагностики одаренности и воплощение в ее содержании принципов, ранее воспринимавшихся как принадлежность сферы современного искусства. Эти принципы позволили реализовать диагностические и прогностические возможности лаборатории.

В дальнейших исследованиях авторы планируют обратиться к статистическому и качественному анализу проведенных в «ЛАРНОД» тестирований дошкольников. Полученные результаты могут быть рассмотрены с точки зрения совершенствования работы с детьми, проявляющими одаренность.

1. Анисимов, В. П. Диагностика музыкальных способностей детей: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 128 с.
2. Ингенкамп, К. Педагогическая диагностика / Пер. с нем. – М.: Педагогика, 1991. – 238 с.
3. Кулемзина, А. В. Задачи диагностики в рамках педагогики одаренности // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – № 288. – С. 200-205.
4. Никитин, Б. П. Ступеньки творчества или развивающие игры. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
5. Сластенин, В. А. и др. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исмаев, Е.Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с.
6. Knowledge societies: Information technology for sustainable development / Ed. Mansell, R., Wehn, U. – Oxford, 1998. – VI, 323 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/246620449_Knowledge_Societies_Information_Technology_for_Sustainable_Development (дата обращения: 04.12.2024).
7. Peters, O. Distance education and industrial production: a comparative interpretation in outline // Sewart, D., Keegan, D., Holmberg, B. (Eds.) Distance Education. International Perspectives. – London: Croom Helm, 1983. – Pp. 68-94.
8. Drigas, A., Kontopoulou, M.-Th., Gougoudi, A., Kantzavelou, K., Mertzioti L. The education of Gifted in Special Education domain and the role of ICTs / A. Drigas, M.-Th., Kontopoulou, A., Gougoudi, K., Kantzavelou, L. Mertzioti // Technium Education and Humanities. – 2022. – Vol. 2. – №. 4. – Pp. 1-18.
9. Manera, L. Digital Objects' Aesthetic Features. Virtuality and Fluid Materiality in the Aesthetic Education / L. Manera, F. Zanella et al. (Eds.). – 2024. – № 37. – Pp. 147-155.
10. Reis, S. M., Renzulli, S. J., Renzulli, J. S. Enrichment and Gifted Education Pedagogy to Develop Talents, Gifts, and Creative Productivity / S.M. Reis, S.J. Renzulli, J.S. Renzulli // Education sciences. – 2021. – № 11(10). – 615 p. – DOI: 10.3390/educsci11100615.
11. Tertton, U., Greenaway, R., Elsom, S., Burns, R. Empowering children through photography and drawing / U. Tertton, R. Greenaway, S. Elsom, R. Burns // Visual Studies. – 2020. – Pp. 47-54.
12. Watson, J. B. Psychology as the Behaviorist Views It // Psychological Review. – 2020. – № 20 (2). – Pp. 158-177. – doi:10.1037/h0074428. hdl:21.11116/0000-0001-9182-7. S2CID 145372026

PEDAGOGICAL DIAGNOSTICS IN THE ONLINE LABORATORY EARLY DETECTION OF GIFTEDNESS

© 2024 L.Yu. Kalinina¹, E.V. Bakshayeva²

Larisa Yu. Kalinina, Candidate of Pedagogical Sciences, Leading Researcher of the Department of Scientific Research and Grants, Associate Professor of the Department of Preschool Education

E-mail: klar1992@gmail.com

*Elena V. Bakshayeva, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Art and Music Education*

E-mail: lenabakshaeva14@gmail.com

¹Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia

²I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
Cheboksary, Russia

The scientific work has been completed with the financial support of the state assignment
of the Russian Ministry of Public Education No. 073-00029-24-04 dated 08/23/2024

Research base: Samara State University of Social Sciences and Education

The article considers the pedagogical diagnostics of children aged 6-7 years giftedness in an online laboratory, which is a digital modification of the prototype Laboratory for Early Detection of Giftedness and Career Guidance of Samara State University of Social Sciences and Education. According to the prototype, the online laboratory "LARNOD" is a "live" game pedagogical laboratory. At the same time, it has a peculiarity due to its characteristics, according to the theory of distance learning: the constant separation of the diagnostic laboratory employee and the respondent children, although there are adult tutors next to the children who help them read assignments and, if necessary, complete them; the leading role of the research team of the educational organization that develops the laboratory is in planning and preparing diagnostic tests. and educational materials and providing children with support in the process of activities in the online laboratory; the use of technical means of communication for communication between laboratory staff and respondents (audio, video, computer communication), providing children with digital content that stimulates the manifestation of giftedness; the presence of feedback that promotes the development of a dialogue between the child and adults interested in identifying his giftedness with the laboratory's research team (sending diagnostic results on request to teachers, parents of preschoolers and the formation of based on the results of a joint strategy for accompanying a tested child on an individual educational route); the practical absence of groups of children during the entire diagnostic and developmental pedagogical process, i.e., in fact, an individual form of work.

Keywords: giftedness, pedagogical diagnostics of giftedness, pedagogical online laboratory, interrelation of types of giftedness, diagnostics of giftedness, modeling of the creative process

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-14-22

EDN: QLCQYS

1. Anisimov, V. P. Diagnostika muzykal'nyh sposobnostej detej: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenij (Diagnostics of musical abilities of children: Textbook for students of higher educational institutions). – M.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 2004. – 128 s.
2. Ingenkamp, K. Pedagogicheskaya diagnostika (Pedagogical diagnostics) / Per. s nem. – M.: Pedagogika, 1991. – 238 s.
3. Kulemzina, A. V. Zadachi diagnostiki v ramkah pedagogiki odarennosti (Diagnostic tasks in the framework of giftedness pedagogy) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2005. – № 288. – S. 200-205.
4. Nikitin, B. P. Stupen'ki tvorchestva ili razvivayushchie igry (Steps of creativity or educational games). – M.: Prosveshchenie, 1991. – 160 s.
5. Slastenin, V. A. i dr. Pedagogika: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. Zavedenij (Pedagogy: Textbook for students of higher pedagogical educational institutions) / V.A. Slastenin, I.F. Isaev, E.N. Shiyanov; Pod red. V.A. Slastenina. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2002. – 576 s.
6. Knowledge societies: Information technology for sustainable development / Ed. Mansell, R., Wehn, U. – Oxford, 1998. – VI, 323 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/246620449_Knowledge_Societies_Information_Technology_for_Sustainable_Development (data obrashcheniia: 04.12.2024).
7. Peters, O. Distance education and industrial production: a comparative interpretation in outline // Sewart, D., Keegan, D., Holmberg, B. (Eds.) Distance Education. International Perspectives. – London: Croom Helm, 1983. – Pp. 68-94.
8. Drigas, A., Kontopoulou, M.-Th., Gougoudi, A., Kantzavelou, K., Mertzioti L. The education of Gifted in Special Education domain and the role o ICTs / A. Drigas, M.-Th., Kontopoulou, A., Gougoudi, K., Kantzavelou, L. Mertzioti // Technium Education and Humanities. – 2022. – Vol. 2. – №. 4. – Pp. 1-18.
9. Manera, L. Digital Objects' Aesthetic Features. Virtuality and Fluid Materiality in the Aesthetic Education / L. Manera, F. Zanella et al. (Eds.). – 2024. – № 37. – Pp. 147-155.

10. Reis, S. M., Renzulli, S. J., Renzulli, J. S. Enrichment and Gifted Education Pedagogy to Develop Talents, Gifts, and Creative Productivity / S.M. Reis, S.J. Renzulli, J.S. Renzulli // Education sciences. – 2021. – № 11(10). – 615 p. –DOI: 10.3390/educsci11100615.
11. Terton, U., Greenaway, R., Elsom, S., Burns, R. Empowering children through photography and drawing / U. Terton, R. Greenaway, S. Elsom, R. Burns // Visual Studies. – 2020. – Pp. 47-54.
12. Watson, J. B. Psychology as the Behaviorist Views It // Psychological Review. – 2020. – № 20 (2). – Pp. 158–177. – doi:10.1037/h0074428. hdl:21.11116/0000-0001-9182-7. S2CID 145372026.

УДК 372.881.111.1 (Обучение языкам (английскому))

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕСТАНДАРТНЫХ МНОГОУРОВНЕВЫХ ТЕКСТОВЫХ ЗАДАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННО-РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2024 С.Р. Недбайлик¹, В.А. Дмитриева¹, О.Л. Шестак²

Недбайлик Сабина Рудольфовна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Института иностранных языков

E-mail: snedbailik@mail.ru

Дмитриева Валерия Аркадьевна, старший преподаватель кафедры английского языка

E-mail: valeria_67@mail.ru

Шестак Оксана Леонидовна, преподаватель

E-mail: oksanochka.shestak@bk.ru

¹Петрозаводский государственный университет

²Петрозаводская государственная консерватория им. А.К. Глазунова

Петрозаводск, Россия

Статья поступила в редакцию 08.12.2024

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты обучения иноязычному письму и письменной речевой деятельности студентов лингвистических специальностей высших учебных заведений. Авторы делают общий обзор методологических подходов, бытовавших в отечественной практике преподавания иностранного языка в различные периоды, выявляя как их причинную обусловленность, так и основные недостатки. В этой связи приводятся в качестве отправной точки научные подходы к обучению письму и письменной речи, практикуемые в течение нескольких десятилетий в тех или иных зарубежных и российских методических школах. Вместе с тем, в работе освещаются и текущие изменения в современных вузовских учебных программах и учебно-методических комплексах, имеющих отношение к формированию коммуникативно-письменной компетенции, а также наиболее значимые факторы, лежащие в их основе. Акцентируя специфическую природу самостоятельного креативного письма как одного из видов продуктивной речевой деятельности и важного средства коммуникации, исследователи предлагают в качестве альтернативного средства обучения разработанные ими комплексы нестандартных многоуровневых тестовых заданий, используемых в рамках ежегодных проектных дистанционных лингвокультурологических конкурсных викторин по английскому языку как иностранному.

Ключевые слова: письмо, речевая деятельность, креативный, обучение, текст, задание

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-23-32

EDN: QQAZTP

Введение. Как известно, письмо и письменная речь всегда являлись своего рода «болевыми точками» в общей методике обучения иностранным языкам в вузе – как ввиду специфичности, сложности самого характера этого вида речевой деятельности и лежащих в его основе внутренних психофизиологических, ментальных механизмов, так и ввиду тех явных «перекосов» в учебных программах, которые долго имели место в практике преподавания в высших школах. Актуальность исследования в области развития иноязычной письменной речи связана со всё большим использованием письменных форм в межличностной, профессиональной, коммерческой, социальной сферах: от постов и «сториз» в соцсетях, чатов и форумов, блогов и «живых журналов», где письменная речь несёт черты разговорного стиля, до профессионального интернет-творчества в виде статей-обзоров, ре-

кламных продуктов, серьёзной журналистики, литературно-художественного творчества и научного дискурса.

История вопроса. Длительное господство устного (беспереводного) метода, предложенного в свое время зарубежными учеными (Л. Блумфилдом, Дж. Палмером и др.) и не лишённого в своей основе определенного рационального зерна, нашло отражение в отечественной методике в виде так называемого последовательного обучения иностранным языкам (с устно-речевым опережением), что постепенно привело к почти полному устранению письменных форм учебной деятельности не только в средних, но и в высших учебных заведениях [2, с. 117]. Письмо использовалось лишь как вспомогательное, «фоновое» средство обучения другим ВРД (видам речевой деятельности), а также как одно из средств контроля общего уровня сформированности рече-

вых навыков и умений учащихся. Не умаляя роли письма как средства формирования иноязычной коммуникативной компетенции, необходимо актуализировать ценность владения формами письменной речи, как таковыми. При трактовке письменно-речевой деятельности с практических позиций основное внимание уделяется демонстрации того, что должна существовать связь между реальными потребностями и обучением как с точки зрения языка, так и с точки зрения коммуникативной задачи.

Рассматривая письмо как продуктивный речевой навык, можно вспомнить разные подходы к способам его формирования. Например, «моделированное письмо» Терезы Уолтман, основанное на образцах, предлагаемых преподавателем, с их анализом, обсуждением, трансформациями [14]. Сходную уровневую методику от контролируемого письма к самостоятельному предлагает Элти Олштейн, делая акцент на функциональных заданиях-установках и стимулируя обучающихся к определению самого характера сообщения и типа аудитории, которой они хотят его передать. Эффективность коммуникации определяется лингвистической точностью, ясностью изложения и организацией идей – аспекты, которые становятся объектом тренировки [12]. Целый ряд методистов подчёркивают необходимость развития навыков работы с текстами разных жанров, стилей, регистров [13], считая важным научить учащихся определять общие черты текстов (тип, социальное назначение, структуру, языковые элементы), прежде чем знакомить их с различными стратегиями написания, основанными на этих принципах. Согласно точке зрения исследователей И.А. Драгомир и Б.-О. Никулеску, все разнообразные элементы письма как продуктивного вида речевой деятельности (цель, аудитория, содержание, организация, языковые средства) можно свести к трём простым вопросам: *Что?* (о чём писать), *Зачем?* (с какой целью и для какой аудитории) и *Как?* (вопрос об организации и выборе средств) [10, с. 203].

Систематизируя существующие взгляды зарубежных методистов на обучение письму и письменно-речевой деятельности, представляется возможным выделить следующие основные подходы:

- Controlled to Free writing approach (Raimes, 1983) – от контролируемого к самостоятельному письму, с работой над лексиче-

скими, грамматическими, синтаксическими трансформациями и акцентом на правильности.

- The Free Writing approach (Reimes, 1983; Byrne, 1988, p.22) фрирайтинг – практика произвольного письма, выражения своих мыслей без оглядки на правила грамматики и редактуру. Акцент делается на творческое выражение.
- The Paragraph-Pattern approach – подход, ориентированный на формирование навыков организации текста. Упражнения на распознавание главной и второстепенной информации, написание вводного и заключительного предложения и т.п. Именно на этом подходе строится методика вышеупомянутого «моделированного письма» Т. Уолтеп (Walter, 2005).
- The Grammar-Syntax-Organization (GSO) approach – грамматико-синтаксический подход, также описанный Энн Раймс, требует одновременного внимания к грамматике, синтаксису и организации. Понятно, что это возможно только при уже достаточно богатом словарном запасе и развитом инструментарии связующих, текстоорганизующих элементов.
- The Communicative approach – коммуникативный подход возвращает нас к мысли о цели и аудитории письменного высказывания, что созвучно убеждению методиста Бирна, что письменные задания должны быть как можно более аутентичными и что контекстуализация реальной жизни мотивирует учащихся писать лучше (Byrne, 1988).
- The Process approach – подход, описанный у White and Arndt (1991) и Harmer (2001) переносит внимание с конечного письменного продукта на сам процесс. Это развивает личное творчество студентов, позволяет работать в своем темпе и дает им возможность пересмотреть свою работу и усовершенствовать ее по ходу процесса.

В свою очередь, российские исследователи Е.А. Комочкина и Л.В. Яроцкая расширяют общий список такими подходами, как:

- Power Writing Approach – метод грамотного письма, предлагающий алгоритм написания абзацев и помогающий учащимся определить основную идею и развить её в

предложении, содержащем объяснение, доказательство, примеры главной идеи (supporting sentence) (Spack R., 1988).

- Product-oriented – продукто-ориентированный подход опирается на имитацию и преобразование типовых текстов (Raimes, 1983).
- Genre-based Approach – жанровый подход, направленный на изучение топологии текста, который включает в себя некоторые специфические механизмы и практики коммуникации в профессиональном сообществе (Hyland K., 2003).
- Deep-end classroom – методика, основанная на анализе текста, решении проблем и обсуждении как модельных, так и реальных ситуаций (Basturkmen, 2010), образно выражаясь, бросаясь в воду с головой.

Причем авторами отмечается, что обучение навыкам письма и вспомогательным навыкам требует комплексной стратегии обучения, включающей наиболее эффективные компоненты этих подходов и демонстрирующей хороший потенциал для дальнейших инноваций и технологической «настройки» в соответствии с растущими образовательными потребностями общества [11, с. 65].

В целом, возобновление интереса к иноязычному, в том числе креативному, письму, наблюдаемое в последние десятилетия как со стороны обучающихся, так и со стороны самих преподавателей, объясняется теми значительными изменениями в программах и структурах УМК по иностранным языкам, которые используются в большинстве высших школ [2, с. 118]. В большой степени этому способствуют и технические инновации, находящие все большее применение в современном образовательном контексте. Широкое распространение прогрессивных интернет-технологий и методов, повсеместное использование различных дистанционных программ приводят к безусловной необходимости все большего обращения к письменным формам коммуникации, что, в свою очередь, ведет к изменению статуса письма, переходящего из «арьергарда» в разряд наиболее востребованных и важных ВРД. Все это, в свою очередь, диктует необходимость все большего использования разнохарактерных, в том числе нестандартных тестовых заданий, направленных на выработку навыков грамотного письменного изложения, составления самостоятельных разностилевых высказываний, как-то: писем, эссе, рассказов и т.д. [3, с. 79]. Именно такие задания используются при проведении различных лингвистических

и лингвокультурологических конкурсов, викторин, широкого тематического спектра, имеющих как обучающую, так и развивающую направленность.

Методы исследования. В работе использованы методы теоретического анализа, сплошной выборки, обобщения, сравнительный и обзорный метод.

Результаты исследования. Примером подобных конкурсных мероприятий могут служить ежегодные проектные дистанционные лингвострановедческие викторины по английскому языку «Простое и сложное», проводимые в Институте иностранных языков ПетрГУ. Формат этого мероприятия может варьироваться год от года: городской, региональный, межрегиональный, всероссийский, что зависит от его наполняемости, сроков, равно как и от степени задействования высших образовательных учреждений того или иного уровня и статуса. Однако в спектр его основных задач неизменно входят:

- 1) повышение интереса к иностранному языку;
- 2) создание мотивации к речевому творчеству на иностранном языке;
- 3) развитие коммуникативных компетенций средствами сети Интернет;
- 4) выявление одаренных учащихся.

Лингвострановедческие конкурсные викторины, как правило, структурированы в два тура (этапа) по принципу возрастания сложности заданий и предназначены для обучающихся лингвистических специальностей различных курсов высших образовательных заведений. Говоря о содержании конкурсных заданий, необходимо отметить, прежде всего, их дифференциацию по уровням, нестандартность и нешаблонность, а также разнонаправленность. Так, 1-й тур обычно включает тесты страноведческого, общекультурологического характера, предлагаемые на базе несложных лексико-грамматических моделей. Это задания, составленные по типу множественного выбора (multiple choice), загадки, шарады, ребусы, комментирование мини-сюжетов с использованием фольклорного материала (фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний, пословиц, поговорок) и т. д. В ходе их выполнения обучающиеся имеют возможность расширить свой филологический кругозор, повысить эрудицию, закрепить базовые знания, проверить себя на находчивость и сообразительность, наличие чувства языка, задействовать креативность и фантазию.

По итогам выполнения первого тура конкурсанты допускаются к участию во втором туре,

построенном на тестах более высокого уровня сложности. Это такие задания, как, например, описание картинок (сюжетов) по шаблону (модели) с использованием клишированных фраз; структурирование текстов и восполнение имеющихся в них лакун с использованием предложенного лексико-грамматического материала (т. е. задания на компоновку и субституцию); составление тематических эссе по предлагаемому плану (установкам) в рамках развернутых ответов на проблемные вопросы; ответы на вопросы по содержанию (сюжету) прочитанных текстов; изложение с элементами сочинения (композиция), т. е. достраивание до логического конца юмористических мини-рассказов и другие. Естественно, что основными критериями оценки такого рода заданий являются не только грамотность и точность выполнения, правильность выбора нужного варианта, но и нестандартность, индивидуальность творческого подхода, изобретательность, самостоятельность мышления. Вполне очевидно, что наибольший интерес в рамках программы лингвострановедческих конкурсных викторин представляют тестовые задания второго тура, построенные на текстовой основе и имеющие письменно-речевую, творческую направленность. Для их грамотного выполнения необходимо использование целого ряда навыков и умений, характер которых неизбежно определяется самой природой письма как сложного, комплексного продуктивного вида речевой деятельности.

Любое письменно-речевое высказывание имеет коммуникативную направленность и так называемую задачу (установку). Причем эта коммуникативная установка должна создавать заинтересованность у его получателя, адекватно им восприниматься, иначе говоря, иметь перлокутивный эффект [4, с. 112]. Для достижения же этого эффекта любое письменное текстовое сообщение должно быть правильно составлено, что предполагает не только адекватное использование лексико-грамматических форм, но и наличие внутренней логической, смысловой связности, упорядоченной структуры [9, с. 159]. Причем логико-смысловая и коммуникативная целостность текста выражаются в отношениях преемственности между составляющими, сверхфразовыми единствами (СФЕ), которые его образуют. Иначе говоря, каждое последующее предложение в СФЕ как микротексте опирается в коммуникативном плане на предшествующее,

что приводит к образованию различных тематических цепочек, выстраивающих высказывание от известного к новому. Нетрудно предположить, что все предложения, входящие в состав того или иного (микро)текста, связаны не только единством темы и отношением коммуникативной прогрессии, но и разнообразными внешними сигналами, которые указывают на то, что его единицы образуют в своей совокупности некое структурное единство [4, с. 115]. К таким связующим сигналам, обеспечивающим не только необходимую спаянность отдельных фрагментов и частей, но и логичность изложения, можно отнести местоимения, союзы, союзные эквиваленты, предлоги и их сочетания, выбор артикля, употребление времён и многое другое. Однако, помимо таких чисто грамматических элементов («linkers»), очень важную роль в обеспечении текстовой связности и целостности играют лексико-грамматические коннекторы, или «переходы» («transitions») [8, с. 123]. Использование этих элементов значительно способствует четкому структурированию текста и облегчает работу с ним, т.е. его чтение, понимание и перевод. Как правило, их роль сводится не только к простому связыванию абзацев, предложений, фраз и СФЕ дискурсного текста, но и к выражению самых разных лексико-семантических, модальных оттенков, что обеспечивает адекватное программирование его понимания реципиентом, т.е. достижение нужного перлокутивного эффекта [4, с. 118].

В широкий спектр таких лексико-грамматических «переходов» в современном английском языке входят союзно-наречные, предложно-субстантивные слова и сочетания вводно-модальной природы различных функционально-семантических типов, а именно, коннекторы со значением:

- 1) уступки: *however* – однако;
although – хотя; *still* – и все же / все равно;
nevertheless / *all the same* – тем не менее;
despite / *in spite of* – несмотря на;
even though; *anyway* – все же;
- 2) последовательности, следствия:
eventually – со временем, в конечном счете;
moreover – более того;
therefore – следовательно, по этой причине;
in brief – короче говоря;
firstly, secondly, thirdly – во-первых, во-вторых, в-третьих;
for a start – для начала;

consequently / as a result – следовательно / как результат;

after all – в конце концов;

3) дополнения, усиления, уточнения:

for example / for instance – например;

too / as well – также; *also* – тоже; *besides* –

кроме того;

additionally / in addition – в дополнение; к тому же;

furthermore – более того;

4) противопоставления, противоречия:
on the other hand – с другой стороны;

on the contrary – наоборот; *just opposite* – как раз напротив и др.

Кроме того, широкое применение могут иметь и устойчивые отглагольные обороты, составные комплексы типа: *I mean / or rather* – я имею в виду / скорее; *talking of* – относительно, по поводу; *by the way* – кстати; *in other words* – другими словами; *as a matter of fact* – фактически, на самом деле; *to start with* – для начала и др., выражающие значения перехода с одной мысли на другую, изменения темы, предмета; обобщения либо индивидуализации и т. д. [6, с. 243–244].

Вполне очевидно, что сам выбор, равно как и диапазон, частотность использования

(меж)сентенциальных лексико-грамматических «переходов», несущих на себе функциональную нагрузку смысловых, модальных акцентуаторов обусловлены структурно-композиционными и жанрово-стилистическими особенностями тех или иных иноязычных письменно-речевых высказываний, их объемом и тематической направленностью [4, с. 119]. Что касается необходимых навыков и умений их адекватного структурирования, то они вырабатываются постепенно, в процессе выполнения разноуровневых целевых заданий, имеющих преимущественно творческую направленность. К подобным упражнениям, рекомендуемым к использованию на продвинутом уровне изучения иностранного языка, можно отнести: компоновку текстов из предложенных фрагментов с восполнением лакун нужными коннекторами; дотраивание текстов нужными лексико-грамматическими и связующими элементами; написание изложений с элементами сочинения и т. д. Именно такие тестовые задания и используются в лингвострановедческих тематических викторинах. В качестве примеров можно привести следующие:

1. Compose the text of given fragments, uniting them in a logical order; use connectives given below:

The state of Canada¹

A)¹..., the word Canada is derived from the Huron-Iroquois *kanata*, meaning a village or settlement. In the 16th century, French explorer Jacques Cartier used the name Canada to refer to the area around the settlement ²... is now Quebec city. ³..., Canada was used as a synonym for New France, ⁴... from 1534 to 1763 included all the French possessions along the St. Lawrence River and the Great Lakes. After the British conquest of New France, the name Quebec was sometimes used instead of Canada.

B) The name Canada was fully restored after 1791, ¹... Britain divided old Quebec into the provinces of Upper and Lower Canada ²... were renamed in 1841 into Canada West and Canada East, collectively called Canada. In 1867 the British North America Act created a confederation from three colonies (Nova Scotia, New Brunswick, and Canada) called the Dominion of Canada. The act also divided the old colony of Canada into the separate provinces of Ontario and Quebec.

C) ¹... Canada's great size, it is one of the world's most sparsely populated countries. ²... Canadians are comparatively few in number, they have crafted what many observers consider to be a model multicultural society, welcoming immigrant populations from every other continent. ³..., Canada harbors and exports a wealth of natural resources and intellectual capital equaled by few other countries.

Connective word and expressions: *in addition, what, though, although, when, besides, despite, that, which, later, (as) it is known (that), now*

2. Read the text and complete it with connectors; fill-in the gaps with appropriate words, using the lists below:

Modern Babylon²

¹Использован текст Roger D. Hall, Ralph R. Krueger Canada – Encyclopaedia Britannica:
<https://www.britannica.com/place/Canada>

New York is often called modern Babylon, a poem in stone and steel. ¹... many people prefer to give it a title of a «soulless monster». ²... it is unlike any other city in the world. At the beginning of the 17-th century only the wigwams of the Iroquois stood in the places where ^a... now reach to the clouds. In 1626 the Dutch governor, Peter Minuit, ^b... with them what American business experts call the most profitable ^c... in the history of USA. ³... with several bottles of gin and a handful of trinkets that ^d... twenty-four dollars, he ^e... a large island from simple-heated, trusting Indians. ⁴... they named this island Manhatta (present-day Manhattan, the main ^f... of New York), ⁵ ...in Iroquois means: «They ^g... us». ⁶... at the dawn of private enterprise it was ⁷... hard to understand the difference between a commercial deal and cheating, between a miracle of enterprise and robbery. It was not until the end of the 18-th century that the city's real ^h... began. Situated as it is in the ⁱ... of Hudson River, ⁸ ...is open to ocean-going ships all the year round, New York quickly ^j... one of the largest ports in the world. At the turn of the present century millions of people from various countries driven by poverty ^k... to the New World. They ^l... it through New York, ^m... of America. Hundreds of thousands of them ⁿ... in that city. That is what makes people call it the Modern Babylon.

(1...) **Connective words and expressions:** *still, at present, it seems that, as a matter of fact, too, really, later, in any case which*

(a...) **Verbs:** *to settle down, to enter, to conclude, to cost, to move, to cheat, to buy, to come;*

Nouns: *native, gateway, mouth, bargain, borough, growth, skyscraper, emigrant*

Как видно из вышеприведенных заданий, немаловажной составляющей любого тематического письменно-речевого задания является и правильный выбор опорной лексики, также несущей на себе логико-смысловые, равно как и коннотативные, эмоционально-экспрессивные оттенки. Ведь каждый текст должен выстраиваться на основе использования необходимых и разнообразных лексических средств, выбор которых делается с обязательным учетом предлагаемых стилевых норм [5, с. 13]. В этой связи большую значимость могут иметь и разнотипные дотекстовые упражнения предваряющего характера, направленные на отработку лексических моделей, построенные по типу субституции, замены, выбора из предложенных вариантов, трансформации, перефразирования и др. Многие из них являются и хорошим подспорьем для развития самостоятельного логического, комбинаторного мышления [7, с. 134]. Приведем один из примеров таких тестовых заданий, построенных по типу ребуса, которые предлагаются нами в рамках тематических лингвострановедческих викторин:

Solve the puzzle:

Five people from several countries are staying at the Expo Hotel to participate in the International scientific conference in Toronto. They all have different colored hair and eyes. Read the clues and fill in the chart below.

Room 202	Room 203	Room 204
Room 201	LIFT	Room 205

1. The Russian is in the room opposite the lift.
2. The Italian is in room 205, opposite the woman with red hair.
3. The German is 42, and she's got fair hair.
4. The brown-haired man has got blue eyes.
5. The man with black hair is between the lift and the German.
6. The man with grey hair and brown eyes is 54.
7. The Norwegian is in the room between the Brazilian and the man with grey hair.
8. The woman with green eyes is 10 years younger than the Norwegian.
9. The 31-year-old person has got grey eyes.
10. The German is not in room 202.

² Mareeva L.V. Textbook on regional studies "An interesting journey":
https://znanio.ru/media/posobie_po_stranovedeniyu_interesnoe_puteshestvie-53496

11. The Norwegian is 39.

12. The person in room 204 has got hazel eyes.

Room	201	202	203	204	205
Nationality					
Man/Woman					
Age					
Color of hair					
Color of eyes					

Явную творческую направленность несут и практикуемые нами в рамках конкурсных программ тестовые задания, состоящие в описании картинки по предложенной схеме с заполнением

лакун подходящими по смыслу фразами, которые нужно выбрать из предлагаемого списка. Например:

Complete the description of the picture using phrases given below:

Рис. 1. William Strang. «Bank Holiday»



This painting shows two people ¹.... On the right, ²... He`s wearing a brown suit, <sup>3</sup>.... He`s looking ⁴... Opposite him, on the left, ⁵... She`s wearing a large hat <sup>6</sup>... The waiter is standing <sup>7</sup>... He`s wearing a black suit, a white shirt and a black bow tie, ⁸... The table is small and round, ⁹... In the middle of the table, between the young couple, ¹⁰... and there`s a small plate and a knife ¹¹... Next to him, in the bottom right-hand corner of the painting, ¹²... In the bottom left-hand corner of the painting, ¹³... .Beside her, ¹⁴... . Behind the waiter, in the top right-hand corner, ¹⁵...

Phrases:

1* and covered with a white cloth

2* there`s a bunch of yellow flowers on the chair

3* and long white gloves

4* there`s a vase of orange flowers

5* sitting at a table in a restaurant

6* there`s a small black dog on a chair next to the woman

7* in front of the man

8* behind the man

... и т. д.

Возможным логическим продолжением этого тестового задания является самостоятельное описание картинки сходного содержания с ис-

пользованием предложенных ключевых фраз, что также часто практикуется нами в рамках конкурсных викторин. Например:

Write a full description of the picture using given patterns:

In the picture one can see...

The author depicts...

The woman (man) is...

In the middle of...

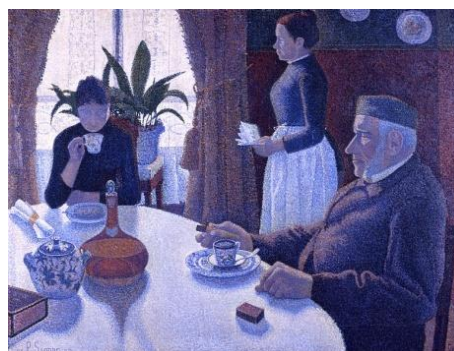
In the background...

Behind the dining table...

In the left-upper corner...

In the right-upper corner...

Рис. 2. Paul Signac. «Breakfast»



The painter uses light (dark) colors to...
The picture is made in a ... style...
It produces an impression of...
It gives the idea of...

Вполне очевидно, что для выполнения таких нестандартных тестовых заданий обучающимся необходимы не только определенные письменные-речевые навыки, знание грамматики, наличие определенного лексического запаса, но и эрудиция, фантазия, а также элементарная смелость. Иначе говоря, они несут в себе как творческую, креативную, так и когнитивную составля-

ющие, что немало способствует развитию самостоятельного мышления, умения ориентироваться в языковом и обще-культурологическом пространстве. Примерно такую же направленность имеют и тесты на домысливание концовок предлагаемых коротких юмористических рассказов. Например:

Rack your brains and show your skills: write the endings to the short funny stories:

A) Quick mind

Once an American guide was showing public the sights of his region. He described the beauties of the country, its landscape and climate. «It's rather cold here with frequent showers in autumn and snow storms in winter», – he said. – «And we have always the north-eastern wind blowing». «But look here!» – remarked someone of the tourist group. «The wind is blowing from the West now». The guide was a clever man and he got out of the mess quickly....

The ending: ...

B) Altius, citius, fortius

Once a famous American boxer dropped in a small restaurant of New York for dinner. Since there was nobody in the cloakroom to give his coat to, he hung it on the hook and left a little message: «This is the coat of a famous boxer. He will come back in fifteen minutes». When he returned. ...

The ending: ...

Как правило, конкурсанты относятся к выполнению таких нестандартных творческих заданий довольно заинтересованно и справляются с ними вполне адекватно, хотя и с определенными огрехами. Основными критериями оценивания результатов в данном случае являются самостоятельность выполнения, индивидуальность, оригинальность решений, лексико-

грамматическая и стилистическая корректность. В качестве итогового теста, логически завершающего серию последовательных, разно-объемных заданий, направленных на развитие навыков самостоятельного, творческого письма, можно использовать составление тематического эссе по предложенному плану. Например:

Write an essay

Topic: Many people think that English language culture will be predominant on the American continent in the nearest future.

Express your opinion: What are possible prospects of French language culture in Canada at the time of globalization?

Use the following plan:

- Make an introduction (state the problem);
- Express your personal opinion and give 2-3 reasons for your opinion;
- Express an opposing opinion and give 1-2 reasons for this opposing opinion;
- Explain why you don't agree with the opposing opinion;
- Make a conclusion restating your position;
- Write about 200-250 words.

В процессе выполнения подобных заданий студенты-лингвисты имеют возможность в комплексе и полно-объемно применить на практике все те стереотипы, навыки, умения, которые они выработали ранее на предыдущих этапах.

Выводы. В целом, результаты нашего многолетнего опыта использования разноуровневых и многоцелевых письменных-текстовых заданий тестового характера в рамках конкурсных лингвострановедческих дистанционных викторин по иностранному языку убедительно показывают как их высокий обучающий потенциал, так и неизменный интерес обучающихся высших школ к подобной самостоятельной творческой деятельности. Тем не менее целый ряд проблем, подлежащих решению, еще существует, что вполне объяснимо, учитывая разнородный со-

став участников дистанционных лингвокультурологических конкурсов. Причем эти различия имеют не только возрастной характер: ведь программные установки, предлагаемые в тех или иных вузах, заметно расходятся. Соответственно, уровень результатов, показываемых в ходе выполнения конкурсных заданий, не всегда соответствует ожидаемому. В этой связи представляется необходимым в большей степени дифференцировать конкурсные требования применительно к уровню подготовки участников, с предоставлением им возможного права альтернативного выбора из нескольких предлагаемых вариантов заданий, а также использовать максимально гибкие критерии оценивания. Именно это и является нашей установкой на ближайшее будущее.

1. Гальперин, И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста. Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – 236 с.
2. Горина О. М. Обучение письму и письменной речи // Очерки по методике обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 2016. – С. 117-126.
3. Киселев, В. М. Устная речь, чтение и письмо на начальном этапе обучения // Иностранные языки в школе. – 2013. – № 5. – С. 79-92.
4. Лебедева, М. Б. Семантическая и синтаксическая структура когерентного текста // Романо-германская филология. – 2001. – Вып. 2. – С.108-120.
5. Мильруд, Р. П. Методика обучения иноязычной письменной речи // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 2. – С. 51-60.
6. Недбайлик, С. Р. О функционально-семантических характеристиках вводно-наречных дискурсно-текстовых «переходов» логического типа в современных французском и английском языках // Древняя и Новая Романия. – 2015. – Т. 16. – Вып. 2. – С. 239-250.
7. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Русский язык, 2015. – 136 с.
8. Тураева, З. Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 178 с.
9. Fries, C. Teaching and learning English as a foreign language. – Michigan, 1989. – 245 p.
10. Dragomir I. A., Niculescu B.-O. Different Approaches to Developing Writing Skills // September 2020. – Land Forces Academy Review 25(3): 201-206.
11. Komochkina, E. A, Yarotskaya, L. V. Integrative Teaching Strategy for Developing Writing Skills in Non-Linguistics Master Students // Высшее образование в России. – 2020. –Т. 29. – №. 5. – С. 64-72.
12. Olshtain, E. (2001). Functional Tasks for Mastering the Mechanics of Writing and Going Just Beyond. In Celce-Murcia, M. (Ed.), Teaching English as a Second or Foreign Language (Third Edition) (pp. 207-218). Boston, MA: Heinle & Heinle Publishers.
13. Turbill, J., Barton, G., & Brock, C. H. Teaching Writing in Today's Classrooms: Looking Back to Look Forward. Norwood: Australian Literacy Educators' Association – 2015.
14. Walter, T. Teaching English Language Learners: Pearson Education ESL – Allyn & Bacon; 2nd edition, 2005. – 143 p.

ON USING NON-STANDARD MULTI-LEVEL TASKS IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE WRITING SPEECH ACTIVITIES

©2024 S.R. Nedbaylik¹, V.A. Dmitrieva¹, O.L. Shestak²

*Sabina R. Nedbaylik, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of
The Department of German and French Languages at the Institute of Foreign Languages*

E-mail: snedbaylik@mail.ru

Valeria A. Dmitrieva, Senior Lecturer at the Department of the English Language

E-mail: valeria_67@mail.ru

Oksana L. Shestak, Lecturer

E-mail: oksanochka.shestak@bk.ru

¹Petrozavodsk State University

²Petrozavodsk Glazunov State Conservatory

Petrozavodsk, Russia

This article discusses some aspects of teaching foreign language writing and written speech activity to students-linguists in higher schools. The authors provide a general overview of methodological approaches that existed in the domestic practice of teaching a foreign language in various historic periods, identifying both their causality and the main shortcomings. In this connection they cite as a starting point some methodology approaches to teaching writing and speech activity, practiced in foreign and Russian scientific schools. At the same time, the paper also highlights the current changes in modern university curricula and educational and methodological complexes related to the formation of written communicative competence, as well as the most significant factors underlying them. Emphasizing a rather specific nature of independent creative writing as one of productive speech activity types and important means of communication, the researchers offer as an alternative means of teaching some complexes of non-standard multi-level test tasks, specifically elaborated and used in the frame of annual distance project linguistic-cultural quiz competitions in English as a foreign language.

Keywords: writing, speech activity, creative, teaching, text, task

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-23-32

EDN: QQAZTP

1. Galperin, I. R. O printsipahsemanicheskogoanalizastilisticheskimarkirovannihotrezkovteksta. (On the principles of semantic analysis of stylistically marked text segments. Principles and methods of semantic research). – Moscow: Nauka, 1976. – 236 s.
2. Gorina, O. M. Obucheniye pismu i pismennoyrechi (Teaching writing) // Essays on the methodology of teaching foreign languages. Moscow: Prosvesheniye, 2016. ss. 117-126.
3. Kiselev, V. M. Ustnayarech, chteniyei pismo nanachalnometapeobucheniya (Oral speech, reading and writing at the initial stage of learning) // Foreign languages at school. – 2013. – No. 5. – S. 79-92.
4. Lebedeva, M. B. Semanticheskaya I sintaksicheskaya struktura kogerentnogo teksta (Semantic and syntactic structure of a coherent text) // Romano-Germanic Philology. – 2001. – Issue 2. – S. 108-1120.
5. Milrud, R. P. Metodika obecheniya inoyazichnoy pismennoy rechi (Methods of teaching foreign written language // Foreign languages at school. – 1997. – No. 2. – S. 51-60.
6. Nedbaylik, S. R. O funktsionalno-semanticheskikh harakteristikah vvodno-narechnih diskursno-tekstovih “perehodov logicheskogo tipa v sovremennih frantsuzskom I angliyskom yazikah (On the functional and semantic characteristics of introductory-adverbial discursive-textual “transitions” of logical type in modern French and English) // Ancient and New Romania. – 2015. – Vol.16. – Vol.2. – S. 239-250.
7. Passov, E. I. Osnovi kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazichnomu obsheniyu (Fundamentals of the communicative methodology of teaching foreign languages). – M.: Russkiy yazik, 2015. –136 s.
8. Turayeva, Z. Y. Lingvistika teksta (Linguistics of the text). – M.: Prosvesheniye, 1986. – 178 s.
9. Fries C. Teaching and learning English as a foreign language. Michigan, 1989. – 245 p.
10. Dragomir I. A., Niculescu B.-O. Different Approaches to Developing Writing Skills // September 2020. – Land Forces Academy Review 25(3): 201-206.
11. Komochkina, E. A, Yarotskaya, L. V. Integrative Teaching Strategy for Developing Writing Skills in Non-Linguistics Master Students // Higher education in Russia–2020. T. 29. №. 5. C. 64-72.
12. Olshtain, E. (2001). Functional Tasks for Mastering the Mechanics of Writing and Going Just Beyond. In Celce-Murcia, M. (Ed.), Teaching English as a Second or Foreign Language (Third Edition) (pp. 207-218). – Boston, MA: Heinle & Heinle Publishers.
13. Turbill, J., Barton, G., & Brock, C. H. Teaching Writing in Today’s Classrooms: Looking Back to Look Forward. Norwood: Australian Literacy Educators’ Association – 2015.
14. Walter, T. Teaching English Language Learners: Pearson Education ESL – Allyn & Bacon; 2nd edition, 2005 –143 p.

УДК 378.4 (Университеты)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ: СУЩНОСТЬ, ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ

© 2024 Е.Н. Чеканушкина

Чеканушкина Елена Николаевна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный»

E-mail: elenacheka@mail.ru

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 02.12.2024

Актуальность формирования социально-экологической ответственности у будущих специалистов техники и технологий в процессе их подготовки в вузе обусловлена совокупностью различного уровня нормативно-правовой документации, в которой указываются требования к осуществлению профессиональных функций и обязанностей, в частности, в области соблюдения правил и норм экологической безопасности, социальной ответственности за принятие решений и их результаты в соответствии с видами инженерной деятельности в области охраны окружающей среды. В связи с этим в статье существенное внимание уделяется анализу сущности дефиниции «социально-экологическая ответственность технических специалистов», а также экологической подготовке с целью формирования социально-экологической ответственности будущих технических специалистов как значимого профессионально личностного качества. Ведущий подход к исследованию основан на теоретическом анализе проблемы социально-экологической ответственности в профессиональной деятельности технических специалистов и значимости её формирования у студентов на этапе обучения в вузе. В результате исследования определена сущность понятия «социально-экологическая ответственность» и представлена её дефиниция. Выявлены и обоснованы основные подходы (компетентностно-модульный, междисциплинарный, системный, холистический, фрагментарно-интровертивный, личностно-ориентированный), принципы (экологизации, научности, региональности, деятельности, непрерывности и систематичности, универсальности) и методы (case-study, рефлексивный, проектный и другие) формирования социально-экологической ответственности будущих технических специалистов. Реализуемые активные методы обучения в образовательном процессе на дисциплинах: введение в специальность, философия, психология, правоведение, проектная деятельность способствуют развитию социально-экологической ответственности, необходимой выпускникам в их профессиональной деятельности при решении задач, неразрывно связанных с окружающей средой и социумом.

Ключевые слова: технические специалисты, социальная-экологическая ответственность, принципы формирования социально-экологической ответственности, интенсивные образовательные технологии

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-33-42

EDN: SZFHAN

Введение. Как известно, добывающие, перерабатывающие предприятия оказывают негативное влияние на окружающую среду и общество. Важное значение приобретает требование большинства государств к социальной стороне бизнеса и деятельности различных производств, реализации задач устойчивого развития, новых подходов, обеспечивающих социально-экологическую безопасность, снижения антропогенного воздействия, улучшение состояния природной среды. «Вовлеченность организаций в решение социальных проблем становится ожидаемой и необходимой: моральное обязательство вести себя социально ответственно. Организация –

член общества. Нормы морали должны управлять ее поведением» (Б.Н. Герасимов, В.Г. Чумак [4]). В 2007-2020 гг. проводился рейтинг российских предприятий, представляющих по собственной инициативе экологическую отчетность агентству Интерфакс-ЭРА по фундаментальной эффективности производства. Ежегодная информация рейтинговой компанией формировалась на основе анализа данных фактического состояния функционирования предприятий в области их энергетической, технологической и экологической эффективности, тем самым подтверждая социальную ответственность за результат своей деятельности. Выявлено, что в данный период происходило увеличение отечественных

отраслевых компаний, которые осуществляют технологическую модернизацию, направленную на снижение экологических рисков для окружающей среды, выстраивают производственную систему предприятия с позиции ценностного отношения к природной среде.

Социальная ответственность предприятий в области экологической безопасности складывается из личного ответственного отношения каждого технического специалиста к выполнению трудовых функций и обязанностей, решению профессиональных задач, поэтому формирование социально-экологической ответственности технических специалистов промышленной сферы представляется весьма актуальной.

Цель исследования – в определении сущности эксплицируемого понятия «социально-экологическая ответственность» в инженерной деятельности и значимости её формирования у студентов на этапе обучения в вузе.

История вопроса. Проблема ответственности исследуется в контексте разных наук. Аристотель указывал об ответственности за поступки, Х. Йонас в своей книге «Принцип ответственности» определял данную категорию в качестве основания этики. Х. Ленк в своей монографии «Прагматический разум» указывал на обязательность социальной ответственности в технической деятельности. В социологическом дискурсе внимание акцентируется на феномене социальной ответственности, её функциях, видах (личной, групповой и государственной) в работах К. Муздыбаевой, А.Н. Славской, В.П. Максимова и др. В психологии ответственность рассматривалась как конструкт человеческого бытия, внутренняя саморегуляция зрелой личности, качество индивида (К.А. Климова, К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Мясищев, Д.А. Леонтьев и др.).

В научной зарубежной и отечественной литературе существенное внимание уделяется исследованиям профессиональной инженерной этики (О. Лапузина, Ю. Романов, Л. Лисачук [21]), развитию экологической, социальной ответственности при подготовке специалистов в области техники и технологий (Дж. К. Квадрадо, Е.П. Феррейра, Ю. Похолков, К. Зайцева; Г. Рулифсон, А. Р. Билефельдт [23; 24]), разработке моделей социально ответственной инженерии (Вито Л. А. Пунци [22]), формированию экологической ответственности в рамках специальных и экологизированных дисциплин, курсов,

учебно-производственных практик, научно-исследовательской работы обучающихся (Е.В. Емец, Н.Н. Михайлова [7]), основам правовой ответственности в сфере инженерной деятельности (С.Ф. Вольская, А.А. Зайцев [2]).

Одними из значимых аспектов профессиональной деятельности современных инженеров, по мнению профессора Л.Н. Харченко, являются социальные, потому, что направлены на «удовлетворение потребностей общества и каждого человека в отдельности в различных бытовых, производственных, информационных и других видах техники и технологий» (Л.Н. Харченко [15]).

Методы исследования. Ведущий подход к исследованию основан на теоретическом анализе проблемы социально-экологической ответственности в инженерной деятельности и значимости её формирования у студентов на этапе обучения в вузе.

Материалы исследования. Теоретический анализ взглядов учёных на дефиницию «социальная ответственность» позволил выявить, что определяется она как «нравственно-ценностное устойчивое личностное образование» (О.В. Донева [6]), «качество, характеризующее социальную типичность личности и её склонность придерживаться в своем поведении общепринятых в обществе социальных норм» (А.А. Попова [12]), квалификационное требование к инженеру и результатам его деятельности (О.Д. Гаранина [3]). Следовательно, социальная ответственность инженера представляется многоаспектной и разноплановой, и рассматривается как необходимое профессионально значимое качество личности сообразно видам трудовой деятельности.

Важность развития социальной ответственности у будущих технических специалистов обусловлено совокупностью документов. Так, «категория социальной ответственности закреплена в Международном стандарте «Социальная ответственность организации. Требования» (ISO 26000), разработанного АНО «Центр экспертных программ Всероссийской организации качества», утверждённого и введённого в действие Международным комитетом по корпоративной социальной ответственности (2011 г.). В данном документе определена область применения стандарта, представлен терминологический аппарат, концептуальные

положения в области социальной ответственности, требования к деятельности организации» (Международный Комитет по Корпоративной социальной ответственности [20]) по предупреждению вредных воздействий на окружающую среду и рациональное расходование ресурсов.

В Российской Федерации был введен и по настоящее время действует Национальный стандарт Российской Федерации по социальной ответственности (ГОСТ Р ИСО 26000-2012), в котором даётся определение указанной дефиниции как «ответственности организации за воздействие её решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение, которое: содействует устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества; учитывает ожидания заинтересованных сторон и согласуется с международными нормами поведения», а также указывается, что «экологическая ответственность является необходимым условием выживания и процветания людей. Поэтому она является важным аспектом социальной ответственности» [5]. В данном стандарте представлены характеристики социальной ответственности, принципы и факторы, технические инструменты, способствующие систематическому решению экологических проблем, добросовестные деловые практики, добровольные инициативы и инструменты в области социальной ответственности.

Исходя из анализа изложенных выше документов можем констатировать, что они разработаны на основе международных соглашений. «Руководство по социальной ответственности» (ГОСТ Р ИСО 26000-2012) предназначено государственным и частным организациям в качестве применения и повышения социальной ответственности в сбережении окружающей природной среды, экологическом благополучии, реализации целей устойчивого развития. «Международный стандарт (IC CSR-08260008000) может добровольно применяться любой организацией, заинтересованной в реализации деятельности в области социальной ответственности, декларирования и сертификации этой деятельности» (Международный Комитет по Корпоративной социальной ответственности [20]).

Отметим, что в Законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды» (2002г.) статья 11, установлены обязанности граждан: «сохранять природу и окружающую среду; бережно относиться к природе и природным бо-

гатствам» [8]. Также представляет интерес проект «Экологический кодекс Российской Федерации» (в части промышленной экологии), где отмечается, что граждане обязаны «не причинять своими действиями (бездействием) экологический вред, не совершать экологические правонарушения» (РСПиП; КпоЭиП; ЦИиВТ «Концепт» [19]). Рассмотренные документы указывают на правовой аспект ответственности инженера, а именно: «следование конкретным законодательным актам различных уровней и нормам госрегулирования» (Б.Н. Герасимов, В.Г. Чумак [4]), в соответствии с видами инженерной деятельности.

В рамках Кодекса профессиональной этики инженера, разработанного Ассоциацией инженерного образования России, отмечается, что «к базовым нравственным ценностям российского инженера следует относить ответственность за выполнение взятых обязательств, реализацию своих идей и последствия инженерной деятельности, открытое признание ошибок» (Общероссийская общественная организация Ассоциация инженерного образования России; Аккредитационный центр [9]). Согласно критериям, предъявляемым для регистрации в качестве международного профессионального инженера EMF определена «ответственность действовать в рамках соответствующих кодексов профессиональной этики инженера EMF» (Ю.П. Похолков, А.И. Чучалин, О.В. Боев [13]), в котором учитывается экологический аспект.

Из вышеизложенного следует, что экологическая ответственность является компонентом социальной ответственности технического специалиста в его профессиональной деятельности. Так, под социально-экологической ответственностью мы понимаем интегративное качество личности, направленное на коэволюционное отношение к природе, прогнозирование и предупреждение антропогенного воздействия на окружающую среду, соблюдение законодательно установленных правил и норм экологической безопасности, готовности отвечать за принятие инженерных решений и их результаты, этического поведения при осуществлении профессиональной деятельности.

Изучив профессиональные стандарты производственной деятельности технических специалистов, отметим, что в перечень трудовых функций входит соблюдение природоохранных требований, экологической безопасности, владение знаниями законодательства Российской

Федерации в области промышленной безопасности, а также ответственности за принятие решений и результаты труда. Согласно должностным инструкциям инженера можем констатировать, что значительное внимание уделяется ответственности за исполнение трудовых обязанностей, правонарушения, причинение материального ущерба в процессе своей профессиональной деятельности в соответствии с законодательством РФ. Следует обратить внимание на то, что по всем видам инженерной деятельности (от проектирования до эксплуатации) реализуемая в неразрывной связи система «человек-природа-производство» обязывает технического специалиста к социально-экологической ответственности за собственные профессиональные решения и их результаты.

Все выше рассмотренные документы свидетельствуют о том, что социальная ответственность технического специалиста является одним из главных требований к осуществлению трудовых функций и обязанностей в области экологической безопасности и сохранения природной среды.

Первостепенную роль в формировании социально-экологической ответственности будущих специалистов техники и технологии отводится образованию, которое является «механизмом обеспечения устойчивого социально-экономического развития, решающим фактором в рассмотрении основных вопросов, связанных с экологией и социальной ответственностью в процессе подготовки инженеров» (Дж. К. Квадрадо, Е.П. Феррейра, Ю. Похолков, К. Зайцева [23]). В контексте требований к оценке качества образовательных программ, которые предъявляются Советом по аккредитации в области техники и технологий (АВЕТ), особое внимание уделяется наличию у выпускников вузов способности «осознавать профессиональные и этические обязанности, социальные последствия инженерных решений» (Ю.П. Похолков, А.И. Чуралин, О.В. Боев [13]).

Требования к социальной ответственности в области экологической безопасности у технических специалистов определены в документах различного уровня, но не всегда они становятся движущим вектором специалистов в системе «человек-техника-природа». Например, в Федеральных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО) по направлению подго-

товки 21.03.01 «Нефтегазовое дело», уровень бакалавриата (Приказ от 12 марта 2015 г. N 226) в состав профессиональных компетенций (ПК) входит (2018 г.):

- ОПК-2. Способен участвовать в проектировании технических объектов, систем и технологических процессов с учетом экономических, экологических, социальных и других ограничений (Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [14]).

Однако во ФГОС ВО данного направления подготовки, имеющем более двадцати профилей, о соблюдении экологической безопасности при выполнении работ, соответствующих профессиональной деятельности, сопряженной с окружающей средой и социумом, не обнаружено. С позиции профессора О.Д. Гараниной, «важнейшим квалификационным требованием инженера, наряду с эрудицией и изобретательностью, считается обеспечение надежности и безопасности, состоящей в умении обеспечить полноту осуществления знаний в технике и ее инструментальном оформлении с минимальным риском непредусмотренных нарушений, приводящих к авариям и катастрофам» (О.Д. Гаранина [3]), влияющих на природную среду и благополучие общества.

Результаты исследования. В Самарском государственном техническом университете проводилось исследование по выявлению значимости социально-экологических компетенций и личностных качеств технического специалиста. В опросе принимали участие студенты 1-2 курса института нефтегазовых технологий – будущие специалисты нефтегазовой отрасли (327 человек).

Респондентам было предложено проранжировать совокупность компетенций (16), указанных в образовательной программе по их направлению подготовки и дополнительные (6), на наш взгляд, имеющие существенное значение для их будущей работы.

Результаты анкетирования показали, что наиболее значимыми для обучающихся являются: готовность действовать в нестандартных ситуациях, нести социальную и этическую ответственность за принятые решения (87%) и способность использовать основы философских знаний, анализировать главные этапы и закономерности исторического развития для осозна-

ния социальной значимости своей профессиональной деятельности (74%); менее важными: «способность к планированию собственной деятельности при решении профессиональных задач и готовность нести индивидуальную ответственность (41%) и готовность осуществлять производственную деятельность в соответствии с социальными, экологическими нормами и профессиональной этикой (22%)» (Е.Н. Чеканушкина, П.А. Митрошина [16]).

Очевидно, что значимость планирования и осуществления производственной деятельности в соответствии с этическими и правовыми нормами студентами недостаточно осознана. Считаем, что одним из условий профессионального становления специалиста техники и технологий является формирование социальной-экологической ответственности в рамках непрерывной экологической подготовки.

В педагогической практике нами осуществлялся компетентностно-модульный, междисциплинарный, системный, холистический, фрагментарно-интровертивный, личностно-ориентированный подходы и основные принципы формирования социально-экологической ответственности в экологической подготовке студентов технического вуза:

1. Принцип устойчивого развития предполагает организацию образовательного процесса сообразно содержанию основных постулатов декларации по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992). Реализация основ стратегии экологической безопасности будущими инженерами в производственной деятельности обеспечат сохранение и защиту окружающей среды, уменьшение антропогенного воздействия на природные системы, соблюдение экологической безопасности в решении технических задач.

2. Принцип экологизации предусматривает обогащение содержания дисциплин общеобразовательного, профессионального циклов модулями экологической направленности, не нарушая научного ядра преподаваемых предметов, формируя компетенции и устойчивые профессионально значимые личностные качества.

3. Принцип научности заключается в разработке содержания экологической подготовки, основанной на научно достоверной информации о глобальных проблемах, законах взаимодействия «человек-техника-природа» и тенденций их развития, организации природных систем, методах исследования и моделирования, сохранение природных ресурсов и среды жизни,

что способствует развитию мотивации к социально-ответственному поведению и деятельности будущих специалистов.

4. Принцип региональности предполагает адаптированность содержания учебного материала к специфике промышленного кластера региона, социо-природным и экономическим условиям, потенциалу территории, региональной политики в обеспечении социально-экологической безопасности, управлению природопользованием.

5. Принцип деятельности характеризуется реализацией обучающимися совокупности социально-экологических знаний на практических занятиях, производственных практиках, в научно-исследовательской и проектной деятельности, различного уровня мероприятиях, стартапах, а также в выборе собственных действий с точки зрения экологической целесообразности.

6. Принципы непрерывности и систематичности актуализируются на всех ступенях высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура). Последовательность и постепенность усвоения обучающимися разноаспектных экологических знаний обеспечивают их прочность, осознание единства человека и природы в рамках предметной области.

7. Принцип универсальности заключается в экологическом образовании будущих технических специалистов по всем специальностям (профилям) подготовки в техническом вузе, что способствует расширению кругозора и усвоению знаний, системному видению проблем взаимодействия общества и природы, социально-экологически ответственным действиям в профессиональной деятельности.

«Вышеизложенные принципы представляются одними из наиболее значимых в процессе экологической подготовки будущих выпускников технического университета при формировании у них социально-экологической ответственности» (Е.Н. Чеканушкина, В.Н. Михелькевич [18]).

С точки зрения ученых В.В. Бушуевой, Н. Бушуева, целесообразность экологической подготовки будущих инженеров видится в «необходимости создания междисциплинарной методологии между оторванными друг от друга техническими и гуманитарными дисциплинами, разработка учебных пособий, скоординированных между собой с позиций различных областей знания, с ориентацией на экологическую проблематику» (В.В. Бушуева, Н.Н. Бушуев [1]).

Следовательно, формирование социально-экологической ответственности технического специалиста возможно обеспечить в полной мере в непрерывной экологической подготовке, под которой понимается процесс обучения и воспитания, ориентированный на осознанное усвоение систематизированных научных знаний об окружающей среде, основных положений устойчивого развития, умений и навыков природоохранной деятельности, формирование готовности к социально-экологически ответственным решениям и действиям при выполнении профессиональных задач, в соответствии с законодательно установленными правилами и нормами.

Приведём примеры некоторых междисциплинарных модулей экологизированных дисциплин (ММД1) («Введение в специальность», «Философия», «Психология», «Правоведение», «Физическая культура», «Педагогика» и др.), которые усваиваются студентами СамГТУ на протяжении всего периода вузовской подготовки, обеспечивая непрерывность и преемственность экологического образования и рассмотрим наиболее эффективные современные методы, применяемые в учебном процессе.

ММД-1 (введение в специальность): права и обязанности инженера в профессиональной деятельности; требования к компетенциям и личностным качествам инженера; профессиональная пригодность и отбор.

ММД-2 (философия): проблема ответственности в различных направлениях философии; философско-этические аспекты ответственности; философский аспект осмысления социально-экологической ответственности.

ММД-3 (психология): профессионально значимые личностные качества инженера; существенные признаки категории ответственности; развитие социально-экологической ответственности будущих инженеров.

ММД-4 (правоведение): законодательные требования к профессиональной деятельности инженера, ответственность технического специалиста (административная, дисциплинарная, материальная).

ММД-5 (проектная деятельность): социально-экологический проект: сущность и содержание; математическое моделирование в решении социально-экологических проблем.

Практика показывает, что изучение вышеизложенных модулей способствует развитию у

обучающихся ценностных ориентаций инженерного труда, комплекса правовых, социальных, экологических знаний, социально-экологической ответственности в определённой производственной системе.

Исследование показало, что одним из методов активизации познавательной деятельности студентов, который используется при обучении, является ситуационный, а именно case-study. Данный метод мы применяли на практических занятиях в курсе дисциплин «Введение в специальность», «Правоведение», «Психология» как для групповой, так и индивидуальной работы. Обучающимся предлагались задания, содержание которых было сформировано на основе актуальных практик. В них излагались реальные конкретные производственные (событийные) ситуации, связанные с социально-экологической ответственностью и поведением технического специалиста на различных этапах инжиниринговой деятельности. В данных задачах рассматривался социальный, экологический, правовой, психологический аспекты, анализировалась производственная действительность, что способствовало приобретению у студентов профессиональных знаний, умений, идентичности.

Заслуживают внимания рефлексивные методы обучения (личностная, групповая рефлексия), которые проводятся по курсам «Психология», «Проектная деятельность» в форме рефлексивных семинаров. Рефлексия – это способность индивида выполнять анализ, сопоставлять, критически мыслить, давать оценку, осознавать собственные действия в поиске уникального решения проблемы. «Организация рефлексивной деятельности в процессе освоения экологизированных дисциплин позволяет студентам осознанно планировать, анализировать, корректировать свою социально-экологическую деятельность, осознать пути и способы повышения ее эффективности в будущем, развивать способность к самоанализу, поиску рациональных путей решения будущих профессиональных задач, предвидеть результаты» (Е.Н. Чеканушкина [17]) своей деятельности и самостоятельно принимать решения, что способствует развитию самоконтроля, социально-экологической ответственности, осознанности, выражающейся в адекватных поступках.

Следовательно, наиболее успешно развиваются рефлексивные способности в условиях спе-

циально организованной деятельности обучающихся, направленной на осмысление имеющегося опыта, понимание реального состояния, прогнозирование последствий для эффективного решения проблемных задач, ситуаций.

В подготовке инженерных кадров значительное место отводится методу проектов, который реализуется в настоящее время на всех уровнях образования и производственной сферы. «Проектная деятельность – это совокупность действий, направленных на решение конкретной задачи в рамках проекта, ограниченного целевой установкой, сроками и достигнутыми результатами (или продуктами)» (Е.В. Михалкина, А.Ю. Никитаева, Н.А. Косолапова [10]). При изучении дисциплины «Проектная деятельность» обучающимися осуществляется работа над исследовательскими проектами в области экологической безопасности, результаты представляются на научных конференциях, форумах, в стендовых докладах; творческими проектами в области охраны окружающей среды, в форме мероприятий: экологические акции, эко-арт-пространство, аукцион эко-знаний, эко-квест, эко-марафон. В процессе работы над проектом используются методы новых парадоксальных решений: «инверсия», «мозговая атака», «мозговая осада»; творческие методы проектирования: методы «анalogии», «ассоциации», «эвристического комбинирования», которые способствуют развитию у студентов исследовательских, поисковых навыков, умений интегрировать различные методы в решении проблемных задач, овладению новым знаниям междисциплинарного характера.

Важным этапом в проектной деятельности является текущая рефлексия (индивидуальная или групповая) – обсуждение целей и идей участников проекта; ретроспективная – анализ выполненных действий; проспективная – планирование действий, прогнозирование результатов; ситуативная – осознанность действий, что является ценным в развитии социально-экологической ответственности и профессиональных компетенций.

Следует отметить, что в процессе экологической подготовки студентов технического университета и формирования у них социально-экологической ответственности, а также других профессионально значимых личностных качеств реализовывались также следующие интенсивные образовательные технологии:

- «методы прямой мозговой атаки, синектики и ролевой игры коллективного поиска инновационных идей по разрешению технических противоречий в области экологии и охраны окружающей среды, в поиске оптимальных проектно-конструкторских решений по обеспечению экологической безопасности и устранению экологических форс-мажорных ситуаций» (В.Н. Михелькевич, Е.Н. Чеканушкина [11]);

- типовые эвристические методы генерирования новых идей при решении многокритериальных оптимизационных задач по проблемам экологии и экологической безопасности;

- метод морфологического синтеза и анализа элементов технических объектов, усовершенствуемых или модернизируемых по критериям обеспечения экологической безопасности;

- методы функционально-ресурсного многокритериального анализа вновь разрабатываемых или усовершенствуемых технических объектов и технологий, обеспечивающих оптимизацию их экологических характеристик и параметров на этапах их разработки и длительного функционирования.

Критериально-диагностический аппарат позволяет осуществлять мониторинг и коррекцию в ходе обучения для эффективной реализации активных методов.

Выводы. Выявлено, что категория «социальная ответственность» в области экологической безопасности, охраны окружающей среды указывается в законодательных документах, профессиональных кодексах, требованиях к аттестации профессиональных инженеров, профессиональных стандартах, должностных инструкциях техническим специалистам, поэтому особо значимо осуществлять комплексную экологическую подготовку в профильных вузах, формировать социально-экологическую ответственность. Реализация вышеизложенных подходов, принципов и применение интенсивных образовательных технологий в обучении экологизированным модулям дисциплин позволяет будущим выпускникам овладеть совокупностью теоретических и практических знаний по разрешению социально-экологических проблем, осмысленно выстраивать профессиональную траекторию, принимать ответственные решения в области экологической безопасности.

1. Бушуева, В. В. Экологические аспекты в работе со студентами в техническом университете / В. В. Бушуева, Н. Н. Бушуев // Наука и образование: научное издание МГТУ им. Н.Э. Баумана. – 2015. – №6. – С.477-479.

2. Вольская, С. Ф. Проблемы формирования правовой грамотности студентов технического вуза / С. Ф. Вольская, А. А. Зайцев // Вестник МГТУ. – 2006. – №4. – С.590-593.
3. Гаранина, О. Д. Инженерная деятельность в контексте социальной ответственности / О. Д. Гаранина // МНИЖ. – 2016. – №4-4 (46). – С.98-100.
4. Герасимов, Б. Н. Социальные технологии в управлении: монография / Б. Н. Герасимов, В. Г. Чумак В. Г. – Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2014. – 396 с.
5. ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности [Электронный ресурс]: Нац. стандарт РФ. – Введ. 15.03.2013 / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: [сайт]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200097847> (дата обращения: 02.11.2024), свободный. – Загл. с экрана.
6. Донева, О. В. Аксиологический контекст социальной ответственности студентов технологического вуза / О. В. Донева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2014. – №171. – С.279-283.
7. Емец, Е. В. Дидактический комплекс формирования экологической ответственности студентов технического вуза / Е. В. Емец, Н. Н. Михайлова // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 3-2. – С. 273-276.
8. Закон РФ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=329197&fld=134&dst=100153,0&rnd=0.595299379539465#06305517780307894> (дата обращения: 02.11.2024), свободный. – Загл. с экрана.
9. Кодекс этики [Электронный ресурс] / Общероссийская общественная организация Ассоциация инженерного образования России; Аккредитационный центр: [сайт]. – URL: http://aeer.ru/ru/sert_ethic.htm (дата обращения: 12.11.2024), свободный. – Загл. с экрана.
10. Михалкина, Е. В. Организация проектной деятельности: учебное пособие / Е. В. Михалкина, А. Ю. Никитаева, Н. А. Косолапова; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – 146 с.
11. Михелькевич, В. Н. Эвристические методы развития творческого потенциала студентов в процессе формирования социально-экологической компетентности / В. Н. Михелькевич, Е. Н. Чеканушкина // Научный журнал «Академический вестник ЭЛПИТ» – Тольятти: Изд-во «ELPIT», 2019. – Том 3. – С.95-100.
12. Попова, А. А. Социальная ответственность как системообразующий фактор профессиональной компетенции инженера / А. А. Попова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – №2. – С.358-361.
13. Похолков, Ю. П. Гарантии качества подготовки инженеров: аккредитация образовательных программ и сертификация специалистов / Ю. П. Похолков, А. И. Чучалин, О. В. Боев // Содержание образования. – 2004. – №4. – С.125-141.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Направление подготовки 21.03.01 «Нефтегазовое дело». Уровень высшего образования – бакалавриат [Электронный ресурс]: Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [сайт]. – URL: <http://fgosvo.ru/210301> (дата обращения: 12.11.2024), свободный. – Загл. с экрана.
15. Харченко, Л. Н. Социальные и информационные аспекты профессиональной подготовки будущего инженера / Л. Н. Харченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – №4. – С. 68-70.
16. Чеканушкина, Е. Н. Выявление значимости компетенций для профессиональной успешности специалистов оборонно-промышленного комплекса / Е. Н. Чеканушкина, П. А. Митрошина // Материалы XII Международной научно-практической конференции, г. Вольск, ВВИМО «Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук», 2019. – №13(70). – 9 ч., кн. – С. 134-137.
17. Чеканушкина, Е. Н. Формирование социально-экологической компетентности у студентов технического университета в процессе их обучения гуманитарным, социально-экономическим и естественнонаучным дисциплинам [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08: защита 24.06.2011: утв. 30.12.2011 / Чеканушкина Елена Николаевна; Поволж. госуд. соц.-пед. академ. – Самара, 2011. – 179 с.
18. Чеканушкина, Е. Н. Социально-экологическая ответственность – важнейший компонент профессионально значимых качеств технического специалиста / Е. Н. Чеканушкина, В. Н. Михелькевич // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. – 2020. – №4. – С. 118-129.
19. Экологический кодекс Российской Федерации» (в части промышленной экологии) / РСПиП; КпоЭиП; ЦИ-иВТ «Концепт» [Электронный ресурс]. – URL: <http://rspp.ru/upload/iblock/a4a/a88e5cd4e7f4ca9df5c0097a2aa2467d.pdf> (дата обращения: 21.11.2024), свободный. – Загл. с экрана.
20. IC CSR-08260008000. Социальная ответственность организации. Требования: Междунар. стандарт / Международный Комитет по Корпоративной социальной ответственности. – 2011. – 32 с.

21. Lapuzina, O. Professional ethics as an important part of engineer training in technical higher education institutions / O. Lapuzina, Y. Romanov, L. Lisachuk // *New Educational Review*, 2018. – №54(4). – Pp. 110-121.
22. Punzi, Vito L. A Social Responsibility Guide for Engineering Students and Professionals of all Faith Traditions: An Overview / Vito L. Punzi // *Science and engineering ethics*. – Том: 24, Выпуск: 4. – Pp. 1253-1277.
23. Quadrado, J. C. Higher education institutions as key players to ensure sustainable development goals / J. C. Quadrado, E. P. Ferreira, Y. Pokholkov, K. Zaitseva // *Proceedings of the LACCEI international Multi-conference for Engineering, Education and Technology: "Industry, Innovation, And Infrastructure for Sustainable Cities and Communities"*, 24-26 July 2019, Jamaica.
24. Rulifson, G. Evolution of Students' Varied Conceptualizations About Socially Responsible Engineering: a Four Year Longitudinal Study / G. Rulifson, A. R. Bielefeldt // *Science and engineering ethics*. – 2019. – Volume: 25 Issue 3. – Pp. 939-974.

SOCIAL AND ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY IN PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITIES: ESSENCE, PRINCIPLES AND METHODS

© 2024 E.N. Chekanushkina

*Elena N. Chekanushkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of «Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language»*

E-mail: elenacheka@mail.ru

*Samara State Technical University
Samara, Russia*

The relevance of developing social and environmental responsibility in future engineering and technology specialists during their training at a university is determined by a combination of various levels of regulatory and legal documentation that specifies requirements for the implementation of professional functions and responsibilities, in particular, in the field of compliance with environmental safety rules and regulations, social responsibility for decision-making and their results in accordance with the types of engineering activities in the field of environmental protection. In this regard, the article pays significant attention to the analysis of the essence of the definition of "social and environmental responsibility of technical specialists", as well as environmental training in order to develop social and environmental responsibility in future technical specialists as a significant professional and personal quality. The leading approach to the study is based on the theoretical analysis of the problem of social and environmental responsibility in the professional activities of technical specialists and the importance of its formation in students at the stage of training at a university. As a result of the study, the essence of the concept of "social and environmental responsibility" is determined and its definition is presented. The main approaches (competency-modular, interdisciplinary, systemic, holistic, fragmentary-introvertive, personality-oriented), principles (greening, scientific, regional, activity, continuity and systematicity, universality) and methods (case-study, reflexive, project and others) of the formation of social and environmental responsibility of future technical specialists are identified and substantiated. The active teaching methods implemented in the educational process in the disciplines: introduction to the specialty, philosophy, psychology, law, project activities contribute to the development of social and environmental responsibility necessary for graduates in their professional activities when solving problems inextricably linked with the environment and society.

Keywords: technical specialists, social and environmental responsibility, principles of formation of social and environmental responsibility, active teaching methods

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-33-42

EDN: SZFHAH

1. Bushueva, V. V. Environmental aspects in working with students at a technical university / V. V. Bushueva, N. N. Bushuev // *Science and education: scientific publication of Bauman Moscow State Technical University*. – 2015. – No. 6. – P. 477-479.
2. Volskaya, S. F. Problems of forming legal literacy of students of a technical university / S. F. Volskaya, A. A. Zaitsev // *Bulletin of Moscow State Technical University*. – 2006. – No. 4. – P. 590-593.
3. Garanina, O. D. Engineering activity in the context of social responsibility / O. D. Garanina // *MNIZH*. – 2016. – No. 4-4 (46). – P. 98-100.
4. Gerasimov, B. N. Social technologies in management: monograph / B. N. Gerasimov, V. G. Chumak V. G. – Samara: Publishing house of the SamNC RAS, 2014. – 396 p.
5. GOST R ISO 26000-2012. Guide to social responsibility [Electronic resource]: National standard of the Russian Federation. - Introduced. 15.03.2013 / Electronic fund of legal and normative-technical documentation: [website]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200097847> (date obrashcheniia: 02.11.2024), free. – Title from the screen.

6. Doneva, O. V. Axiological context of social responsibility of students of a technological university / O. V. Doneva // Bulletin of the Herzen State Pedagogical Univ. – 2014. – No. 171. – P. 279-283.
7. Yemets, E. V. Didactic complex for the formation of environmental responsibility of students of a technical university / E. V. Yemets, N. N. Mikhailova // Fundamental research. – 2012. – No. 3-2. – P. 273-276.
8. Law of the Russian Federation "On Environmental Protection" dated 10.01.2002 N 7-FZ [Electronic resource]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=329197&fld=134&dst=100153,0&rnd=0.595299379539465#06305517780307894> (date obrashcheniia: 02.11.2024), free. – Title from the screen.
9. Code of Ethics [Electronic resource] / All-Russian public organization Association of Engineering Education of Russia; Accreditation Center: [website]. – URL: http://aeer.ru/ru/sert_ethic.htm (date obrashcheniia: 11.12.2024), free. – Title from the screen.
10. Mikhalkina, E. V. Organization of project activities: a tutorial / E. V. Mikhalkina, A. Yu. Nikitaeva, N. A. Kosolapova; Southern Federal University. – Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, 2016. – 146 p.
11. Mikhelkevich, V. N. Heuristic methods for developing students' creative potential in the process of forming social and environmental competence / V. N. Mikhelkevich, E. N. Chekanushkina // Scientific journal "Academic Bulletin of ELPIT" - Tolyatti: Publishing House "ELPIT", 2019. – Volume 3. – P.95-100.
12. Popova, A. A. Social responsibility as a system-forming factor of professional competence of an engineer / A. A. Popova // Actual problems of humanitarian and natural sciences. – 2009. – No. 2. – P. 358-361.
13. Pokholkov, Yu. P. Quality assurance of training engineers: accreditation of educational programs and certification of specialists / Yu. P. Pokholkov, A. I. Chuchalin, O. V. Boev // Content of education. – 2004. – No. 4. – P. 125-141.
14. Federal state educational standard of higher education. Direction of training 21.03.01 "Oil and Gas Business". Level of higher education - bachelor's degree [Electronic resource]: Portal of Federal state educational standards of higher education [website]. – URL: <http://fgosvo.ru/210301> (date obrashcheniia: 12.11.2024), free. – Title from the screen.
15. Kharchenko, L. N. Social and information aspects of professional training of a future engineer / L. N. Kharchenko // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2016. – No. 4. – P. 68-70.
16. Chekanushkina, E. N. Identification of the importance of competencies for the professional success of specialists in the defense industry complex / E. N. Chekanushkina, P. A. Mitroshina // Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, Volsk, VVIMO "Actual Problems of Humanitarian and Socio-Economic Sciences", 2019. – No. 13 (70). – 9 parts, book. – P. 134-137.
17. Chekanushkina, E. N. Formation of social and environmental competence of students of a technical university in the process of their learning humanitarian, social and economic and natural science disciplines [Text]: dis. ... cand. ped. sciences: 13.00.08: defense 24.06.2011: approved 30.12.2011 / Chekanushkina Elena Nikolaevna; Volga region state social and ped. academ. – Samara, 2011. – 179 p.
18. Chekanushkina, E. N. Social and environmental responsibility – the most important component of professionally significant qualities of a technical specialist / E. N. Chekanushkina, V. N. Mikhelkevich // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology. – 2020. – No. 4. – P. 118-129.
19. Environmental Code of the Russian Federation" (in terms of industrial ecology) / RSPiP; KpoEiP; CliVT "Concept" [Electronic resource]. – URL: <http://rspp.ru/upload/iblock/a4a/a88e5cdae7f4ca9df5c0097a2aa2467d.pdf> (date obrashcheniia: 21.11.2024), free. – Title from the screen.
20. IC CSR-08260008000. Social responsibility of the organization. Requirements: International standard / International Committee on Corporate Social Responsibility. – 2011. – 32 p.
21. Lapuzina, O. Professional ethics as an important part of engineer training in technical higher education institutions / O. Lapuzina, Y. Romanov, L. Lisachuk, // New Educational Review, 2018. – No.54(4). – Pp. 110-121.
22. Punzi, Vito L. A Social Responsibility Guide for Engineering Students and Professionals of all Faith Traditions: An Overview / Vito L. Punzi // Science and engineering ethics. – Volume: 24, Issue: 4. – Pp. 1253-1277.
23. Quadrado, J. C. Higher education institutions as key players to ensure sustainable development goals / J. C. Quadrado, E. P. Ferreira, Y. Pokholkov, K. Zaitseva // Proceedings of the LACCEI international Multi-conference for Engineering, Education and Technology : "Industry, Innovation, And Infrastructure for Sustainable Cities and Communities", 24-26 July 2019, Jamaica.
24. Rulifson, G. Evolution of Students' Varied Conceptualizations About Socially Responsible Engineering: a Four Year Longitudinal Study / G. Rulifson, A. R. Bielefeldt // Science and engineering ethics. – 2019. – Volume: 25 Issue 3. – Pp. 939-974.

УДК 378.4 (Университеты)

МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ И АНАЛИЗА СФОРМИРОВАННОСТИ ВЕРБАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ НАЧАЛЬНЫХ КУРСОВ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

© 2024 Е.Н. Чеканушкина, Л.А. Марченкова

Чеканушкина Елена Николаевна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный»

E-mail: elenacheka@mail.ru

Марченкова Лариса Александровна, старший преподаватель кафедры «Геология и физические процессы нефтегазового производства»

E-mail: Larisa.mw@mail.ru

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 04.12.2024

Предмет исследования: формирование вербальных компетенций у студентов технического университета. Объект исследования: анализ сформированности вербальной компетентности у студентов начальных курсов технического университета. Цель работы: определение уровня сформированности вербальных компетенций студентов в процессе их профессиональной подготовки в вузе. Исследование показывает, что большинство студентов технического университета имеют недостаточный уровень сформированности вербальных компетенций, что затрудняет их общение как в учебном, так и профессиональном окружении. Основные проблемы заключаются в неудовлетворительном владении профессиональной лексикой, слабой структурированности устных высказываний, а также неумении эффективно выражать свои мысли и идеи. Область применения: результаты работы могут быть использованы в сфере высшего образования для разработки и внедрения новых программ обучения, направленных на подготовку будущих специалистов, а также при оценке качества образования и эффективности образовательных программ, что позволит оптимизировать процессы обучения и повысить конкурентоспособность выпускников. В результате исследования был получен материал, позволивший заключить, что для студентов начальных курсов технических специальностей характерен средний уровень сформированности вербальных компетенций, что в свою очередь требует разработки адекватной модели формирования речевых умений будущих инженеров в период обучения в вузе.

Ключевые слова: педагогическая система, вербальные компетенции, компетентностный подход, методики и технологии обучения

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-43-50

EDN: TIZGWM

Введение. В связи с тем что современное индустриальное общество меняет характер инженерного образования и ориентирует его на овладение современным инженером более широким диапазоном знаний, умений и навыков, в настоящее время происходит смещение акцента от подхода «ресурсориентированного», что было характерно для предыдущего столетия, к «результаториентированному», как в подготовке обучающихся технических вузов, так и в высшем образовании в целом. Современные технологии и оборудование, требуют абсолютно иного подхода к решению производственных проблем. То есть техническое образование должно быть ориентировано на развитие и внедрение передовых высокотехнологических направлений, на создание новых, передовых технологий.

Целью исследования является определение уровня сформированности совокупности вербальных компетенций обучающихся в процессе их профессиональной подготовки в техническом вузе.

История вопроса. В докладе Госсовета РФ «Об образовательной политике России на современном этапе», говорится: «развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать решения выбора, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, готовы к межкультурному взаимодействию, обладающие чувством ответственности за судьбы страны, за ее социально-экономическое процветание» (Д.В. Шамсутдинова, А.В. Сысоенко [10]).

По мнению Б. Ремо (B. Remaud), «универсальные (личностные) навыки: это умения, имеющие широкий спектр применения в инженерной практике, в том числе: способность эффективно работать как индивидуально, так и в качестве члена команды; использование различных методов с целью эффективного взаимодействия с инженерным сообществом и обществом в здравоохранения, безопасности, юридических аспектов и ответственности за инженерную деятельность, понимание влияния инженерных решений на социальный контекст и окружающую среду; способность демонстрировать осведомленность в сфере бизнеса и проектного менеджмента; осознание необходимости самостоятельного обучения в течение всей жизни» (Б. Ремо (B. Remaud) [8]).

Нельзя не заметить, что противоречие между современными требованиями работодателей и качеством подготовки будущих инженеров порождает дополнительные задачи как в изменении подхода к образовательным технологиям, так и в совершенствовании механизма контроля качества подготовки обучающихся технических вузов.

Как показывает международная практика, требования работодателей к квалификации инженера могут иметь различный формат, который определяется характером взаимодействия системы профессионального образования и рынка труда (Д.В. Шамсутдинова, А.В. Сысоенко [10]). Например, в одних странах работодатели могут требовать наличие определенных сертификатов или лицензий, которые подтверждают те или иные навыки и знания инженера. В других странах работодатели могут оценивать кандидатов на основе портфолио проектов, опыта работы или рекомендаций. Также существует практика проведения тестов или интервью для оценки знаний и способностей кандидата.

В любом случае важно, чтобы профессиональное образование соответствовало потребностям рынка труда и обеспечивало выпускников необходимыми навыками и знаниями для успешной карьеры. Поэтому современные инженерные программы обучения стремятся адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка труда и учитывать новейшие технологии и методы работы.

Вхождение европейских государств в постиндустриальную эпоху инициировало ряд трансформаций в сфере профессионального обучения

и побудило к разработке инновационного подхода в стратегии образовательных программ. Это в свою очередь в 2004 г. побудило к созданию Европейской системы квалификационных критериев, цель которой заключалась в гарантировании универсальности образовательных аттестатов, полученных в различных странах, чтобы они были легко интерпретируемы и понятны во всех государствах Евросоюза. ЕКР была утверждена Рекомендацией Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 23 апреля 2008 г., и задачей ее стало связать национальные системы квалификаций и квалификационные рамки различных стран с общей европейской системой, в которую входят восемь справочных уровней, охарактеризованные с точки зрения результатов обучения. ЕКР является «метасистемой» и подразумевает доступ к обучению в течение всей жизни (М. Коулз, О.Н. Олейникова, А.А. Муравьева [4]).

В соответствии с уровнями квалификаций в обязательном порядке выделяются коммуникативные компетенции, которые должны быть свойственны всем циклам высшего образования и включать в себя умение составлять четкие и лаконичные сообщения, быть грамотным и четким в описании сложных концепций или проблем, демонстрировать умение прислушиваться и адаптироваться к аудитории, а также умение эффективно использовать различные коммуникационные методы и технологии для передачи информации.

Специалисты в различных областях должны иметь возможность плодотворно общаться как с коллегами и экспертами в своей области, так и с широкой аудиторией, включая неспециалистов, представителей общественности и принимающих решения на различных уровнях а также уметь адаптировать свое сообщение к разным типам аудитории, быть гибким и эмпатичным в процессе коммуникации.

Эффективные коммуникационные навыки играют ключевую роль в успешном решении проблем, разработке инноваций, создании стратегий и принятии важных решений в различных сферах деятельности. Они способствуют улучшению профессиональной репутации специалиста, укреплению отношений с коллегами, клиентами и партнерами, а также повышению общественной значимости своей работы.

Новая редакция общей Рамки квалификаций для Европейского пространства высшего образования была разработана в ходе встречи 24-25 мая 2018 г. в Париже руководителями образовательных организаций стран Европы. Наряду с прочими изменениями в этой редакции, были значительно расширены требования, предъявляемые к коммуникативным умениям выпускников всех циклов обучения. Если говорить в общих чертах, коммуникативные компетенции в данном случае описываются как способности коммуникации, анализа, критического мышления, решения проблем и социальной ответственности у человека, работающего в определенной сфере профессиональной деятельности. Эти навыки и компетенции помогают специалисту успешно выполнять задачи, обмениваться информацией, принимать взвешенные решения и эффективно взаимодействовать с другими людьми, способность четко и ясно сообщать свои выводы и профессиональные знания, достижения коллегам,

научному сообществу и широкой общественности (Б. Ремо (B. Remaud) [8]).

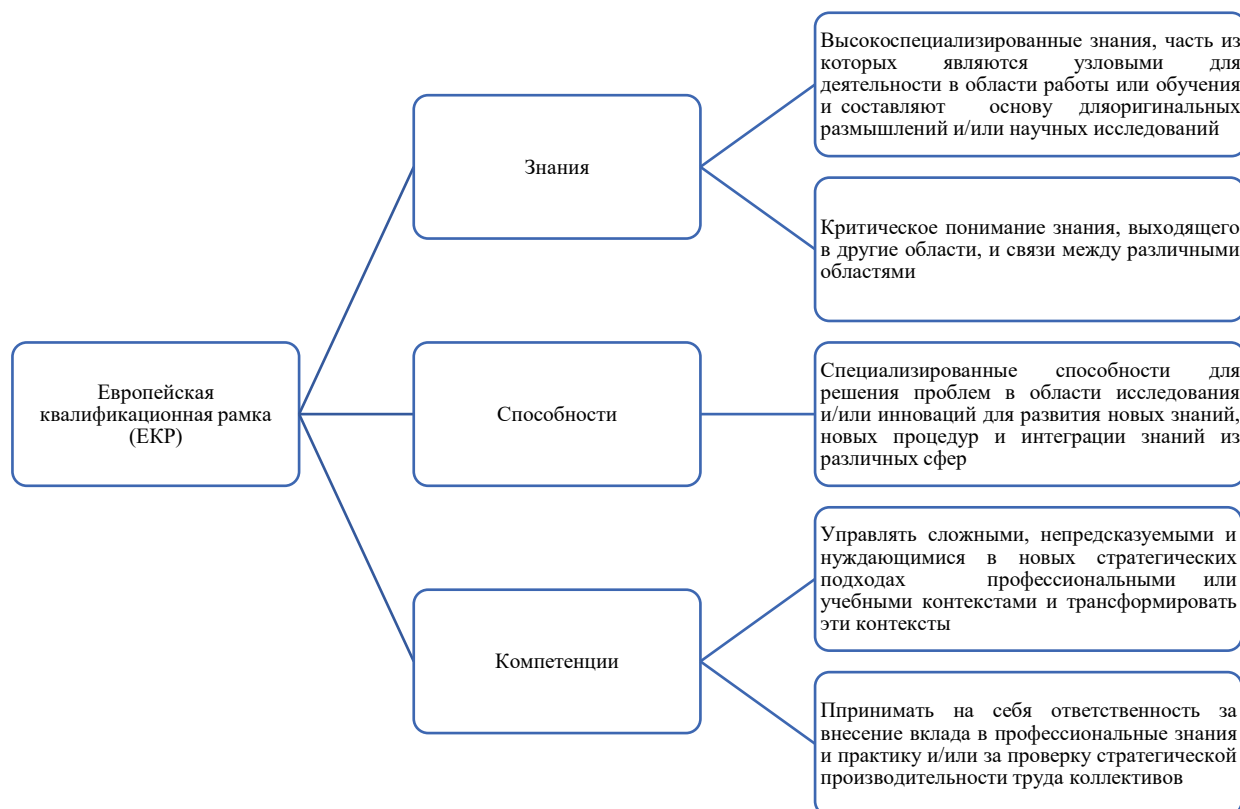
В свою очередь ориентация российской системы профессионального образования на интеграцию в европейское образовательное пространство привела к процессу трансформации, которую в настоящее время переживают российские университеты, связанной не в последнюю очередь с созданием эффективной национальной системы квалификаций, отвечающей потребностям как сегодняшнего дня, так и будущего.

В соответствии с Национальной рамкой квалификаций России (НРК) и Европейской квалификационной рамкой (ЕКР) и подготовка специалистов направления 21.05.02 Прикладная геология ведется в соответствии с 7 уровнем, который подразумевает формирование следующих коммуникативных компетенций среди прочих результатов обучения (рис. 1-2).

Рис. 1. Коммуникативные компетенции 7 уровня обучения, выделяемые в соответствии с Национальной рамкой квалификаций России (НРК) (Communicative competencies of the 7th level of training, allocated in accordance with the National Qualifications Framework of Russia (NQF))



Рис. 2. Коммуникативные компетенции 7 уровня обучения, выделяемые в соответствии с Европейской квалификационной рамкой (ЕКР) (Communicative competences of level 7 of study, identified in accordance with the European Qualifications Framework (EQF))



Исходя из этого одной из основных задач современных университетов является подготовка конкурентоспособных выпускников, способных к саморазвитию в условиях современного мира.

Методы исследования. Определение уровня компетенций у обучающихся технического университета осуществлялось посредством анкетирования.

Материалы исследования. Исследователи к настоящему времени выделяют несколько различных аспектов в рамках основных коммуникативных навыков. К примеру, некоторые эксперты включают в эту категорию такие элементы, как анализ ситуации (умение вести диалог – способность наладить контакт; умение принимать информацию – способность обрабатывать отзывы), установление контакта (оптимальное расстояние; внешние атрибуты), ораторское искусство (словесная и несловесная коммуникация); экстралингвистические средства (мимика, жесты, ключевые фрагменты, метафоричность), умение принимать информацию, эмпатическое восприятие (отражение, поддержка), а также понимание общения (осознание себя и окружающих) (А.К. Болотова, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская [2]).

Еще одна классификация коммуникативных умений, предложенная Е. Сидоренко, включает в себя умение эффективно использовать языковые средства для передачи информации и умение адаптировать свое поведение к культурным особенностям собеседника (И.Ф. Толкч [9]).

В основе понятия «коммуникативная компетентность» лежит определенный набор знаний и навыков, которые гарантируют успешность коммуникативных процессов. Коммуникативная компетентность включает в себя понимание компонентов коммуникации, умение правильно интерпретировать и передавать информацию, эффективно использовать языковые и нелингвистические средства в общении. Также важными аспектами коммуникативной компетентности являются умение адаптироваться к различным собеседникам, умение слушать и выражать свои мысли четко и лаконично, умение управлять своими эмоциями и учитывать мнение собеседника (А.К. Болотова, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская [2]).

Кроме того, коммуникативная компетентность также включает в себя комплекс психологических знаний о себе и окружающих, то есть умение адаптироваться к разным культурным

контекстам, понимание вербальных и невербальных средств общения, таких как жесты, мимика, интонация и т. д. Эта компетенция играет важную роль в жизни человека, влияя на его личностный рост, профессиональную карьеру, социальные и межличностные отношения. Поэтому развитие коммуникативной компетентности является важной задачей образования и саморазвития личности (И.Н. Зотова [3]).

В ходе своего исследования Р.А. Максимова выделила ключевые элементы коммуникативного потенциала личности: способность легко налаживать и поддерживать социальные контакты, уверенность в себе в обществе и умение завоевывать симпатию окружающих, а также дружелюбное отношение к людям. Анализ, проведенный автором, выявил тесную взаимосвязь между этими качествами. Р.А. Максимова приходит к заключению, что высокий коммуникативный потенциал человека связан с наличием у него общительности, которую он осознает в себе и которую отмечают окружающие. Таким образом, общение, умение установить контакт, быть доброжелательным и привлекательным для окружающих является важными составляющими коммуникативного потенциала личности (Р.А. Максимова [5]).

На основании вышеизложенного можно констатировать, что немаловажное значение среди коммуникативных умений занимает развитие профессионально-речевого общения, способность грамотно излагать свои мысли как в процессе обучения, так и дальнейшей профессиональной деятельности, то есть развитие вербальных компетенций.

Результаты исследования. В Самарском государственном техническом университете проводилось анкетирование среди обучающихся начальных курсов Института Нефтегазовых технологий (по направлению подготовки 21.05.02 Прикладная геология, уровень специалитета) на выявление понимания и значимости категорий «вербальная компетенция» в процессе их обучения и будущей профессиональной деятельности, с использованием Google Формы. В опросе принимало участие 44 респондента очной формы обучения. В процессе исследования были получены следующие результаты: более

половины студентов (80.3%) считают, что в профессиональной деятельности вербальные коммуникативные способности будут необходимы. На вопрос «важна ли способность корректно задавать вопросы в процессе полемики и дискуссии?» большая часть опрошенных (82,9%) ответили положительно.

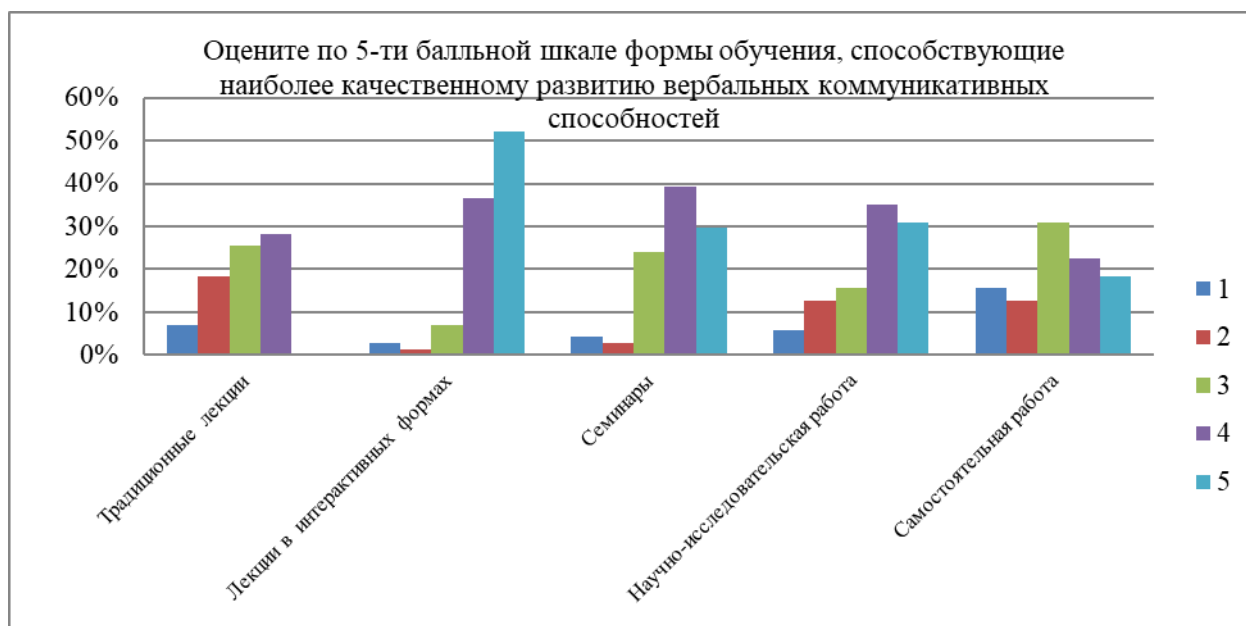
Практически все обучающиеся (90%) осознают, что «обладание большим словарным запасом, улучшает вербальные коммуникативные способности» и 84% согласны с утверждением: «изменение интонации, акцент на тех или иных словах в процессе беседы, делает речь выразительнее». 85.4% респондентов сходятся во мнении, что «ведение диалога с соблюдением психологии и этики речевого общения необходимо при взаимодействии с другими членами коллектива». С точки зрения большинства анкетированных (92 %): «умение публично выступать, аргументировано излагать собственную точку зрения, вести полемики и дискуссии», является значимым в будущей профессиональной деятельности.

Однако следует отметить слабую осведомлённость обучающихся (более 65 % студентов первого и 30% второго курсов) о навыках и умениях, характеризующих суть понятия «вербальные компетенции». Например, 46,4 % опрошиваемых студентов 1 курса и 29% 2 курса считают, что наличие в речи выражений чуждых литературному языку, слов «паразитов», делает речь выразительнее.

Следует подчеркнуть, что формирование вербальных компетенций происходит в рамках различных форм организации образовательного процесса, независимо от учебной дисциплины образовательной программы и не привязаны к конкретному образовательному модулю (И.Г. Афанасьева, Л.А. Сивицкая [1]).

По мнению опрошенных, наиболее результативно развитие речевых навыков происходит в процессе чтения лекций в режиме диалога, дискуссии и в др. интерактивных формах (более 50%), проведении семинаров (39.4%) и занятиями научно-исследовательской работой (35.2%). Традиционные лекции и самостоятельная работа, по мнению обучающихся, оказывают меньше влияния на формирование вербальных навыков (рис.3).

Рис. 3. Оценка формирования вербальных компетенций, происходящая относительно различных форм организации образовательного процесса (The assessment of the formation of verbal competencies occurs in relation to various forms of organization of the educational process)



Выводы. В результате проведенного анкетирования был получен материал, позволивший заключить, что большая часть обучающихся начальных курсов понимают важность формирования вербальных компетенций в процессе обучения и осознают их значимость в будущей профессиональной деятельности, так как речевые умения и навыки не только охватывают все стороны общения в целом, но и служат фундаментом для совершенствования навыков профессионального общения (И.Ф. Толкач [9]).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать и некоторые частные выводы о том, что формирование вербальных компетенций в процессе преподавания общеобразовательных и специальных дисциплин становится еще более актуальным, так как одна из основных задач образовательной среды технического вуза – развитие у обучающихся желания стать успешной, компетентной личностью, способной самостоятельно обучаться в течение всей жизни и применять полученные знания, умения и навыки для решения профессиональных задач.

1. Афанасьева, И. Г. Мотивационная основа формирования универсальных компетенций студентов младших курсов технического вуза / И. Г. Афанасьева, Л. А. Сивицкая // Научно-педагогическое обозрение. – 2020. – № 5 (33). – С. 68–77.
2. Болотова, А. К. Социальные коммуникации : учеб. пособие / А. К. Болотова, Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская. – М.: Гардарики, 2008. – 279 с.
3. Зотова, И. Н. Характеристика коммуникативной компетентности / И. Н. Зотова // Известия ТРТУ. – 2006. – № 13. – С. 225–227.
4. Коулз, М. О. Национальная система квалификаций. Обеспечение спроса и предложения квалификаций на рынке труда / М. Коулз, О. Н. Олейникова, А. А. Муравьева. – М.: РИО ТК им. А.Н. Коняева, 2009. – 115 с.
5. Максимова, Р. А. Коммуникативный потенциал личности / Р. А. Максимова // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга: тез. докл. – Краснодар, 1975. – С. 302–303.
6. Марченкова, Л. А. Проблемы формирования речевых компетенций при реализации дистанционного обучения в техническом вузе / Л. А. Марченкова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – №83. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-rechevyh-kompetentsiy-pri-realizatsii-distantsionnogo-obucheniya-v-tehnicheskom-vuze> (дата обращения: 04.11.2024).
7. Реализация компетентного подхода в высшем профессиональном образовании : коллективная монография / [Астанина С. Ю. и др.] ; под ред. С. Ю. Астаниной, Н. В. Шестак ; Современная гуманитарная акад. – Москва : Изд-во СГУ, 2009. – 171 с.
8. Ремо, Б. (Remaud B.) Компетенции выпускников инженерных специальностей: европейские перспективы / B. Remaud // Инженерное образование. Международный опыт аккредитации образовательных программ. – 2013. – №12. – С.12–21.

9. Толкач, И. Ф. Коммуникативные умения как показатель сформированности профессиональных компетенций студентов технических специальностей / И. Ф. Толкач // Вестник Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. – 2015. – № 4 (8). – С. 22-27.
10. Шамсутдинова, Д. В. Научно-методические аспекты формирования профессиональных компетенций в современном высшем учебном заведении / Д. В. Шамсутдинова, А. В. Сысоенко // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – №19-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-metodicheskie-aspekty-formirovaniya-professionalnyh-kompetentsiy-v-sovremennom-vysshem-uchebnom-zavedenii> (дата обращения: 21.11.2024), свободный. – Загл. с экрана.
11. Шкляр, А. Х. Теория и методика профессионального образования / А. Х. Шкляр // Сборник научных статей. Выпуск 2. – Минск : РИПО, 2015. – 264 с.

METHOD OF IDENTIFYING AND ANALYSING THE DEVELOPMENT OF VERBAL COMPETENCES IN PRIMARY-COURSE STUDENTS OF THE TECHNICAL UNIVERSITY

© 2024 E.N. Chekanushkina, L.A. Marchenkova

*Elena N. Chekanushkina, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of «Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language»*

E-mail: elenacheka@mail.ru

*Larisa A. Marchenkova, Senior Lecturer at the Department
of Geology and Physical Processes of Oil and Gas Production*

E-mail: Larisa.mw@mail.ru

*Samara State Technical University
Samara, Russia*

Subject of the article: Formation of verbal competences of students of the technical university. Object of the article: Analysis of the development of verbal competence of first-year students of the technical university. Objective of the work: determination of the level of development of students' verbal competences in the process of their professional training at the university. Results of the work: the analysis of the research shows that the majority of students of the technical university have an insufficient level of development of verbal competences, which complicates their communication both in the educational and professional environment. The main problems are poor proficiency in professional vocabulary, poor structuring of oral statements, as well as the inability to effectively express their thoughts and ideas [6]. Scope: the results of the work can be used in the field of higher education for the development and implementation of new training programs aimed at training future specialists, as well as in assessing the quality of education and the effectiveness of educational programs, allowing to optimize the learning processes and increase the competitiveness of graduates. Conclusion: as a result of the study, the material was obtained, the analysis of which allowed us to conclude that for initial-year students of technical specialties, an average level of verbal competence is characteristic, which in turn requires the development of an adequate model for the formation of speech skills of future engineers during their studies at the university.

Key words: pedagogical system, verbal competences, competence-based approach, teaching methods and technologies
DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-43-50
EDN: TIZGWM

1. Afanasyeva, I. G. Motivational basis for the formation of universal competencies of junior students of a technical university / I. G. Afanasyeva, L. A. Sivitskaya // Scientific and pedagogical review. – 2020. – No. 5 (33). – P. 68-77.
2. Bolotova, A. K. Social communications: textbook / A. K. Bolotova, Yu. M. Zhukov, L. A. Petrovskaya. – M.: Gardariki, 2008. – 279 p.
3. Zotova, I. N. Characteristics of communicative competence / I. N. Zotova // Izvestiya TRTU. – 2006. – No. 13. – P. 225-227.
4. Coles, M. O. National qualifications system. Ensuring supply and demand of qualifications in the labor market / M. Coles, O. N. Oleynikova, A. A. Muravyova. – M.: RIO TK im. A. N. Konyaev, 2009. – 115 p.
5. Maksimova, R. A. Communicative potential of the individual / R. A. Maksimova // Theoretical and applied problems of the psychology of people's knowledge of each other: report summary. – Krasnodar, 1975. – P. 302-303.
6. Marchenkova, L. A. Problems of forming speech competencies in the implementation of distance learning in a technical university / L. A. Marchenkova // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences. – 2022. – No. 83. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny>

[formirovaniya-rechevyh-kompetentsiy-pri-realizatsii-distantsionnogo-obucheniya-v-tehnicheskoy-vuzakh](#) (date obrashcheniya: 04.11.2024).

7. Implementation of the competency-based approach in higher professional education: collective monograph / [Astanina S. Yu. et al.]; edited by S. Yu. Astanina, N. V. Shestak; Modern humanitarian academy. – Moscow: Publishing house of Saratov State University, 2009. – 171 p.

8. Remo, B. (Remaud B.) Competencies of graduates of engineering specialties: European perspectives / B. Remaud// Engineering education. International experience of accreditation of educational programs. – 2013. – No. 12. – P.12-21.

9. Tolkach, I. F. Communicative skills as an indicator of the formation of professional competencies of students of technical specialties / I. F. Tolkach // Bulletin of the Nizhny Novgorod State Agricultural Academy. – 2015. – No. 4 (8). – P. 22-27.

10. Shamsutdinova, D. V. Scientific and methodological aspects of the formation of professional competencies in a modern higher educational institution / D. V. Shamsutdinova, A. V. Sysoenko // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. - 2012. - No. 19-1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-metodicheskie-aspekty-formirovaniya-professionalnyh-kompetentsiy-v-sovremennom-vysshem-uchebnom-zavedenii> (date obrashcheniya: 21.11.2024), free. - Title from the screen.

11. Shklyar, A. Kh. Theory and methods of professional education / A. Kh. Shklyar // Collection of scientific articles. Issue 2. – Minsk: RIPO, 2015. – 264 p.

УДК 821.161.1: 168.522 (Русская литература / Гуманитарные науки. Культурология)

**АПОФАТИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
(ФЕНОМЕН «ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ» В ПОЭЗИИ ВАЛЕРИЯ ДУДАРЕВА)**

© 2024 М.А. Дударева^{1,2}, А.С. Митронова³

Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии, доктор филологических наук,

¹заведующий кафедрой общей и славянской филологии

Института славянской культуры,

²профессор кафедры журналистики

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Митронова Анна Сергеевна, старший преподаватель кафедры рекламы

и медиакоммуникаций факультета журналистики

E-mail: annamillennium@mail.ru

¹РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Москва, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

³Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского

Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 03.12.2024

Объектом статьи выступает феномен апофатики в современной художественной культуре. Предметом научной работы является анализ процессов апофатизации и цифровизации в современном искусстве. Материалом послужило раннее творчество русского поэта и главного редактора журнала «Юность» Валерия Федоровича Дударева, представляющего поэзию конца 1990-х гг. В центре герменевтического анализа — известное стихотворение «Желтые заборчики», переложенное на музыку солистом из ансамбля Л. Утесова Анатолием Шамардиным и позднее проиллюстрированное видеорядом в форме музыкального клипа поэтессой Ниной Красновой. Актуальность предпринятого исследования обусловлена нарастающей необходимостью осмыслить новое положение поэзии, классической и современной, в медиaprостранстве, а именно онтологически и аксиологически проанализировать эту проблему «цифрового поворота» в искусстве, который сегодня приводит к массовизации и десакрализации поэтического слова. Авторы исследования уделяют большое внимание пограничным этосам в стихотворении поэта, феномену обратной перспективы, связанному в тексте с игрой цвета и света, что показывает необходимость культурфилософского и филологического анализов поэтического слова вопреки поверхностному прочтению, считыванию смыслов средствами современной медиасреды. В противовес процессу цифровизации, которая ведет к излишней доступности и массовости современного искусства, в культуре происходит противоположный процесс апофатизации творчества, требующий глубинной литературоведческой и культурологической рефлексии.

Ключевые слова: апофатика, обратная перспектива, творчество Валерия Дударева, русская поэзия XXI века, медиасреда

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-51-57

EDN: SKKMWL

Введение. Иногда мы не видим вблизи то, что необходимо увидеть, что онтологически важно. С. Есенин писал в своем знаменитом «Письме к женщине»: «Лицом к лицу // Лица не увидеть. // Большое видится на расстояньи» [6, с. 123]. Культурологически это можно понять через проблему *аурного* и *аретного* взгляда в искусстве, которую подробно разрабатывал филолог В.П. Раков, описывая меональность стиля М. Цветаевой [15, с. 88], а также через приемы *обратной перспективы*.

С одной стороны, мы привыкли вглядываться в детали, в чем, собственно, и состоит суть литературоведческого анализа, с другой стороны, иногда эти детали излишне отвлекают, переключая все внимание на себя, подобно тому как отвлекает нас от главного, метафизически важного, густой яркий и даже кричащий цвет во фресках храма. Об этом много размышлял о. П. Флоренский в работе «Обратная перспектива», где опи-

сываются все подводные камни в восприятии обратной перспективы в живописи, в иконописи: «“неправильные” и взаимно противоречивые подробности рисунка представляют сложный художественный расчет, который, если угодно, можно называть дерзким, но — никак не наивным» [17, с. 182-183]. Но необходимо, по замечанию философа, также помнить о смене взгляда, точке зрения, которая постоянно перемещается. Важны при этом и детали, густой красочный центр: «...особенности рисунка тут не только не проскальзывают мимо сознания через применение в соответственных местах каких-нибудь нейтральных красок или смягченные общим цветовым эффектом, но, напротив того, выступают как бы с вызовом, почти крича на общем красочном фоне» [17, с. 180-181]. Но также важно общее впечатление, которое задается почти *невидимыми* метафизически значимыми линиями ассиста. Именно такая перспектива, характерная для русской иконописи, передает *незримое*, выражает сакральное пространство: «Таково свойство того духовного пространства: чем дальше в нем нечто, тем больше, и чем ближе, — тем меньше. Это — обратная перспектива» [17, с. 225]. В словесном творчестве этот прием мы также обнаружим, особенно он органичен для творчества поэтов Серебряного века, для эстетики и поэтики символистов. Эта туманность, неясность, выраженная в поэтическом языке символизма (преимущественно в местоимениях [2; 5]), связана с апофатикой творческого процесса. Исследователь в силу понятных причин и задач, поставленных ему наукой, стремится все рационально объяснить. Но филология (любовь к Логосу, понимание Логоса) теперь нуждается в обновлении и расширении литературоведческого аппарата, который должен соотноситься с проблемами апофатики культуры, ее имажинативного комплекса. И вот почему.

С одной стороны, мы наблюдаем «цифровой поворот» в искусстве, глобальная цифровизация дарит нам возможность посещать любые музеи мира, осматривать достопримечательности, знакомиться с культурами разных народов не выходя из дома, не покупая билет на самолет в Париж или Лондон. С другой стороны, отстраняясь от искусства, не проникая в его ауру, мы *не остраиваемся*, и в этом заключается большое упущение в имажинативном восприятии произведений мировой культуры, особенно живописи, иконописи, в которых важно опуститься, по наблюдению Ж.-Л. Марьона, за ватерлинию художественного вместе с автором, то есть «ниже уровня видимости»

[12, с. 58]. Таким образом, *апофатический горизонт*, то есть непостижимое в искусстве становится все более недостижимым с отпадением нас от лона сакральной космологии. Однако Логос, выйдя из апофатической сферы, дает нам надежду на приобщение к сакруму культуры. Конечно, мы помним великое тютчевское «Мысль изреченная есть ложь» (стихотворение «Silentium!»), потому что она уже высказана, само изречение не передает всей истинности в нем таящегося. Но в то же время, и это парадоксально, именно поэзия апофатична, поскольку нет поэзии без тайны. Об этом писали и философ С. Франк в фундаментальном труде «Непостижимое»: «...быть поэтом и значит в конечном счете не что иное, как быть в состоянии выразить в словах и дать нам почувствовать непостижимое и несказанное» [18, с. 55], и русский литературовед В. Кожин, размышляя о *космической* природе стиха: «...поэзия же схватывает то органическое единство внешнего и внутреннего, в котором и осуществлены живая жизнь и живой смысл явления, уходящие корнями в бесконечность Вселенной» [7, с. 83]. Феноменальное и ноуменальное, явное и навное, долнее и горнее всегда взаимосвязаны, как материальная и нематериальная культуры. Но как уловить эту точку перехода, понять, когда перед читателем ризомно мерцает иерофания? Иерофания, сакральная реальность, которая, по М. Элиаде, открывается человеку в определенный пороговый момент: «Человек узнает о священном потому, что оно *проявляется*, обнаруживается как нечто совершенно отличное от мирского. <...> Пожалуй, история религий, от самых примитивных до наиболее изощренных, есть не что иное, как описание иерофаний, проявлений священных реальностей» [21, с. 17]. Художественное слово позволяет максимально приблизиться к *апофатическому горизонту* культуры, то есть к непостижимым предельным абсолютам культуры (любовь, смерть, красота), особенно в России, поскольку Россия литературоцентричная страна, хотя характер этого литературоцентризма трансформировался, испытав на себе воздействие медиасреды [8], и эта проблема все чаще начала волновать современных филологов [9], философов [16] и историков [3; 19].

Методы исследования. В данной работе мы обращаемся к герменевтико-интерпретационному методу исследования поэтического текста, уделяя большое внимание этосам с пограничной семантикой. В центре герменевтического анализа

стихотворение Валерия Федоровича Дударева «Желтые заборчики».

Результаты исследования. Мы теперь имеем почти неограниченные возможности мгновенно знакомиться с поэзией современных авторов, наблюдать за литературным процессом, который существует в том числе и в медиаформате. Не только теле- и радиопередачи, посвященные литературе, такие как «Вслух», «Игра в бисер» (телеканал «Культура»), «Формат юности» (радиопонда «Русский мир»), «О русском искусстве замолвите слово: назад в прошлое» (интернет-радиоканал фонда «Русский мир»), но и сами авторы своими усилиями, создавая ролики на свои стихи, свободно публикуясь в пабликах, на разных сайтах, например, «Стихи.ру», социальной платформе «ВКонтакте», на YouTube, способствуют тем самым активному распространению

современного творчества. С одной стороны, это позволяет нам быть осведомленными в плане литературных новинок, быстро ориентироваться на литературном рынке, с другой стороны, назревает проблема осмысления новых медиаформ, в которые облекается поэтическое слово, и этот разговор требует онтологического и аксиологического ракурса. Ярким примером того, как изменяется наше восприятие известного поэтического текста, попадающего в медиасреду, является стихотворение Валерия Дударева, современного русского поэта, главного редактора журнала «Юность» (2007–2019 годы), переложенное на музыку солистом из оркестра Утесова Анатолием Шамардиным и им же исполненное. Но важно то, что эту песню проиллюстрировала, создав видеоряд из фотографий, современный поэт Нина Краснова. Сам текст стихотворения выглядит так:

Желтые заборчики.
Синие оконца.
Столики дубовые.
Блинчики из солнца.

Небо отражается
В маленьком окне —
И оконце кажется
Целым небом мне!

И светлы наличники,
Все до одного!
Но светлее маслица
Нету ничего!

А когда потянутся
Клин, тоска и дым:
Лавочки — дубовые,
Все пересидим!

Палочки да прутики —
Только и всего!
Желтые заборчики
Детства моего [4, с. 97–98].

Видеоклип с песней А. Шамардина, в которой ни одно слово не изменено, начинается с картины русского застолья: за столом сидит известная поэтесса, а перед ней стоят тарелки с блинами. Фоторяд удачно подобран для этого, на первый взгляд, простого и хорошо иллюстрируемого стихотворения Валерия Дударева. Весьма соблазнительно «блинчики из солнца» сравнить с реальными блинами, воображение так и подсказывает этот *визуальный ход*. В фоторяд включены даже

желтые заборчики, невысокие маленькие, почти кукольные ограды, которые авторы клипа нашли в одном из заброшенных садов Подмосковья. Кажется, что все понятно и видеоряд облегчает восприятие текста, но это мнимая простота, требующая большого интеллектуального напряжения.

Если пристально герменевтически всмотреться в стихотворение, то мы понимаем, что поэт держит нас в *апофатическом напряжении* —

мы доподлинно не знаем, где мы находимся в художественном пространстве: в доме вместе с лирическим героем или вне его, то есть мы сразу не можем определить точку зрения. Валерий Дударев любил «играть» с пространством, для него всегда были важны перепады, «верх» и «низ» (сيميотически это точно выражалось в жестикологии руки даже во время декламирования стихов); мир художественного пространства всегда соотносится с «представлениями автора, его замыслом и художественным методом» [10, с. 7]. В этом стихотворении две точки зрения, две пространственные локализации. Герой смотрит в дом с улицы, как бы заглядывая в окно (небо отражается в маленьком окне, в стекле, как в зеркале, мы видим облака). В этом случае мы следуем за ним с улицы — в дом, попадаем в *сакральное* пространство, и причем в его центр — к столу, а стол, по народным славянским представлениям, является одним из культурных кодов, значимых элементов традиционной культуры [1; 13, с. 36]; стол как знак обладает семантической напряженностью, он аккумулирует духовные силы, соединяет мирское и священное, поскольку на стол ставят не только еду для повседневного употребления, но и подношения для предков. Таким образом, дом — этос жизни и смерти одновременно, и здесь этос, вслед за М. Хайдеггером, понимаем как *местопребывание*, жилище [20, с. 214–215]). В русской культурно-философской мысли эту хайдеггеровскую традицию развивает и дополняет в своих трудах В.П. Океанский, прочитывает этос как *на-селенную* в-селенную, культурно освоенный топос [14].

В стихотворении В. Дударева в доме, в пространстве стола, в свою очередь мы наблюдаем игру света и тени — блинчики из солнца являются не только реальным угощением из выпечки, что уловила визуально в ролике на стихи поэта Нина Краснова, но и кругами света, преломленного в маленьком окне, солнечными зайчиками. Через окно открывается потаенный интимный мир одного человека или семьи (показательны глаголы во множественном числе «потянутся», «пересидим»), и это тоже тонко проиллюстрировала поэтесса, подобрав фото большой филологической семьи журнала «Юность» из его архива.

Дом и стол, по мировым мифологическим представлениям, являют собой сакральное пространство, оберегающее человека. Лирический герой Валерия Дударева, возможно, ребенок, для которого весь мир со всеми предстоящими страстями и испытаниями «тоской, дымом» кажется

огромным, и поэтому поэт намеренно уменьшает все предметы для этого человека — заборчики, столики, оконца, блинчики. Ребенок, архетипически лиминальное существо, ищет защиты и опоры в доме. В этом случае такой вектор движения с улицы — в дом понятен, и первая строфа нас в этом убеждает. Окно — потайная дверь в дом, в него заглядывает лирический герой. Дальше мы следуем за ним в этот сакральный мир, молимся перед иконой (светлее маслица в лампадке нет ничего), переживаем рост души, становление личности этого человека — лавочки дубовые, *все пересидим*, то есть все перемелется, жизнь и смерть здесь сходятся (латентно здесь проявляется и фольклорный подтекст выражения «печки-лавочки», которое аккумулирует возникновение фигур Танатоса и Эроса). Из бытового домашнего пространства (блинов, столиков), которое тоже важно для поэта, мы попадаем в бытийное и инобытийное, на что указывает и маслица, которое светится неповторимым (фаворским) светом, оно светлее наличников, озаренных солнцем, и введение в текст онтологически и аксиологически важных категорий «тоска», «дым».

Герой смотрит в окно, которое теперь символизирует выход в инобытие, выход из дома — возврат и в детство, к своим истокам, на что указывает вновь появившийся образ ярких желтых заборчиков, и в *смерть*, в горнее пространство. В этом случае продуктивно вспомнить последнюю большую работу М.Ю. Лотмана «Культура и взрыв», в которой ученый пишет о взрыве в культуре как о чем-то *непредсказуемом*, когда «выбор будущего реализуется как случайность» [11, с. 22]. Таким *взрывом* в художественном пространстве в онтологическом смысле является тот самый желтый заборчик, выполняющий функцию границы, разделяющей дом и улицу, свое и чужое, мир детства и мир взрослого человека, бытие и инобытие. Эта деталь с кричащим желтым цветом, заставляющая удивиться читателя, поверить в то, что это стихотворение о детских впечатлениях, воспоминаниях ребенка, выполняет также функцию *мнимого центра* как на храмовых фресках, построенных по законам обратной перспективы. Читатель сам должен решить, по какую сторону этого заборчика он хочет оказаться. Интересно то, что у В. Дударева есть еще одно стихотворение (расположено в сборнике «Интонации» перед «Желтыми заборчиками»), в котором явно обыграна эта онтологическая *ситуация выбора*:

Бывает: метель закрутит!
Сидишь за чайком в тепле,
Думаешь: где-то люди
По снежной бредут земле.

Бывает: метель закрутит!
По снежной бредешь земле,
Думаешь: где-то люди
Сидят за чайком в тепле [4, с. 96].

Здесь также уже в большей мере обыграна ситуация лотмановского «взрыва», которая ведет человека или к метафизической отрешенности, онтологическому одиночеству, или к возврату к своим корням, к очагу.

Вывод. Раннее стихотворение «Желтые заборчики» Валерия Дударева — неординарный по квинтэссенции смыслов текст. С одной стороны, он короткий и простой, на первый взгляд предельно понятный, без художественной вычурности, что характерно для поэзии Новейшего времени, с другой стороны, он онтологически напряженный, требующий глубинной культурфилософской и филологической рефлексий, необходимость которых становится очевидной, как ни странно, именно при визуализации этого текста. На примере онтогерменевтического анализа этого стихотворения показан его культурфилософский потенциал для изучения современного словесного космоса культуры, который сегодня существует в новых условиях медиапространства.

«Цифровой поворот» в искусстве амбивалентен, он дарует мнимую простоту в восприятии художественной культуры, десакрализуя в ней многие образы. По этим причинам в современной художественной культуре, литературе, которая стремится к визуализации, массовости с целью своей популяризации и доступности, протекают два процесса — цифровизация и апофатизация, и последняя, вполне возможно, перерастает в *онтологическую проблему*, связанную уже не только с познанием предельных абсолютов культуры через отрицание их предикатов как ложных или частично ложных, но и с тотальным отдалением от них, отпадением человека от сакрального космоса культуры. В этой связи проблема «цифрового поворота» в искусстве требует целостного освещения специалистами из разных областей гуманитарного знания с целью поисков решения надвигающейся цифровой катастрофы и предотвращения возможных неотвратимых ее последствий для бытия человека.

1. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — Л.: Наука, 1983. — 188 с.
2. Беглярова, А. Л. Неопределенное местоимение как компонент образной структуры художественного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. — 2011. — № 2. — С. 66–71.
3. Гарскова, И. М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. — 2019. — № 3. — С. 57–75. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31251
4. Дударев, В. Интонации: стихотворения. — М.: Художественная литература, 2010. — 192 с.
5. Дударева, М. А. Апофатика русского языка и культуры в творчестве Н. С. Гумилева (на примере стихотворения Жирафа) // Наследие веков. — 2020. — № 1. — С. 98–104.
6. Есенин, С. А. Письмо к женщине // Собр. соч.: в 7 т. — М.: Наука; Голос, 1997. — Т. 2. — С. 122–125.
7. Кожин, В. В. Стихи и поэзия. — М.: Сов. Рос., 1980. — 304 с.
8. Кондаков, И. В. «Зричитель»: новый субъект современной культуры / И. В. Кондаков // Обсерватория культуры. — 2016. — Т. 3, № 5. — С. 516–525.
9. Красильников, Р. Л. Современная российская поэзия на телевидении (на примере передачи «Вслух») // Вестник МГПУ. — 2017. — № 4 (28). — С. 16–24.
10. Лихачев, Д. С. Художественная среда литературного произведения // Симпозиум «Проблемы ритма, художественного времени и пространства в литературе и искусстве». Тезисы и аннотации. — Л.: Советский писатель, 1970. — 73 с.
11. Лотман, Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2010. — 704 с.
12. Марьон, Ж.-Л. Перекрестья видимого. — М.: Прогресс-традиция, 2010. 176 с.
13. Мороз, А. Б. Стол в севернорусских поверьях и обрядах // Традиционное русское застолье. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. — С. 36–43.
14. Океанский, В. П. Этосы жизни и смерти у Хомякова и Шопенгауэра (культурологические размышления к обоснованию сопоставления) // Соловьевские исследования. — 2011. — Вып. 3 (31). — С. 125–136.

15. Раков, В. П. «Неизреченное» в структуре стиля М. Цветаевой // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: Исследования и материалы. — Иваново: Ивановский государственный университет, 1998. — С. 87–101.
16. Симонова, С. А., Аталян, Г. Б. К вопросу об эволюции искусства в XX– XXI вв.: культурологический анализ // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2022. — Т. 24, № 84. — С. 84–92.
17. Флоренский, П. Обратная перспектива // Иконостас. Избранные труды по искусству. — СПб.: МИФРИЛ, Русская книга, 1993. С. 175–281.
18. Франк, С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. — М.: АСТ, 2007. — 512 с.
19. Фролов, А. А. «Цифровой поворот» в исторической науке и историческая геоинформатика // Историческая информатика. — 2019. — №3. — С. 115–123. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.30770.
20. Хайдеггер, М. Время и бытие. Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
21. Элиаде, М. Священное и мирское. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 144 с.

**APOPHATIC HORIZON IN CONTEMPORARY ARTISTIC CULTURE
(THE PHENOMENON OF «REVERSE PERSPECTIVE» IN THE POETRY
OF VALERIY DUDAREV)**

© 2024 M.A. Dudareva^{1,2}, A.S. Mitronova³

Marianna A. Dudareva, Doctor of Philology, Doctor of Culturology,

¹*Head of The Department of General and Slavic Philology
Institute of Slavic Culture*

²*Professor of the Department of Journalism*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Anna S. Mitronova, Senior Lecturer, Department of Advertising and Media Communications,
Faculty of Journalism*

E-mail: annamillennium@mail.ru

¹*Russian State University named after. A.N. Kosygin
Moscow, Russia*

²*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia*

³*University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovskiy
Moscow, Russia*

The object of the article is the phenomenon of apophaticism in modern artistic culture. The subject of the research is the analysis of apophatisation and digitalisation processes in contemporary poetry. The research material is based on the early literary essays by Valery Dudarev, a Russian poet and chief editor of magazine “Yunost”, a representative of the 1990’s poetry. The focus of the hermeneutic analysis is a widely known poem “Yellow Fences” set to music by Anatoly Shamardin, soloist of Leonid Utesov’s band, and further illustrated by a music video clip, as narrated by poetess Nina Krasnova. The relevance of the undertaken research is accounted for by the growing need to conceptualise the new status of poetry, classical and modern, in the media space, in particular, to analyse the problem of digital turn in art in ontological and axiological terms, since the latter is leading to massification and desacralisation of the poetic word today. Much attention is paid to hermeneutic reconstruction of life and death ethos in the poet’s verse, as well as the reverse perspective technique associated with the play of light and colour in the text. This shows the need for cultural, philosophical and philological analysis of the poetic word contrary to skimming, reading the sense through the tools of modern media environment. In counterbalance to the process of digitalisation which leads to excessive accessibility and massification of contemporary art, the culture is developing an opposite process of apophaticism of creative activities, which requires profound literary and culturological reflexion.

Keywords: apophatics, reverse perspective, works of Valery Dudarev, Russian poetry of the 21st century, media environment

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-51-57

EDN: SKKMWL

1. Bajburin, A. K. Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan (Dwelling in the Rites and Representations of the Eastern Slavs). — Leningrad: Nauka, 1983. — 188 s.
2. Begljарova, A. L. Neopredelennoe mestoimenie kak komponent obraznoj struktury hudozhestvennogo teksta (Indefinite Pronoun as a Component of the Figurative Structure of a Fiction Text) // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Filologija i iskusstvovedenie. — 2011. — № 2. — S. 66–71.
3. Garskova, I. M. «Cifrovoj povorot» v istoricheskikh issledovanijah: dolgovremennye trendy (“Digital Turn” in Historical Research: Long-Term Trends) // Istoricheskaja informatika. — 2019. — № 3. — S. 57–75. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31251.
4. Dudarev, V. Intonacii: stihotvorenija (Intonations: Poems). — Moscow: Hudozhestvennaja literatura. 2010. — 192 s.
5. Dudareva, M. A. Apofatika russkogo jazyka i kul'tury v tvorchestve N. S. Gumileva (na primere stihotvorenija Zhiraf) (Apophatics of the Russian language and culture in the works of N. S. Gumilev (on the example of the poem Giraffe)) // Nasledie vekov. — 2020. — № 1. — S. 98–104.
6. Esenin, S. A. Pis'mo k zhenshhine (Letter to a woman). In Sobr. soch.: v 7 t. Vol. 2. — Moscow: Nauka; Golos. 1997. — S. 122–125.
7. Kozhinov, V. V. Stihi i poezija (Poems and poetry). — Moscow: Sov. Ros., 1980. — 304 s.
8. Kondakov, I. V. «Zrichitel'»: novyj subekt sovremennoj kul'tury (“The Spectator”: a new subject of modern culture) // Observatorija kul'tury. — 2016. — Vol. 3. — № 5. — S. 516–525.
9. Krasil'nikov, R. L. Sovremennaja rossijskaja poezija na televidenii (na primere peredachi «Vsluh») (Contemporary Russian Poetry on Television (Based on the TV Show “Vslukh”)) // Vestnik MGPU. — № 4 (28). — S. 16–24.
10. Lihachev, D. S. Hudozhestvennaja sreda literaturnogo proizvedenija (Artistic Environment of a Literary Work) // Simpozium «Problemy ritma, hudozhestvennogo vremeni i prostranstva v literature i iskusstve». Tezisy i annotacii. — Leningrad: Sovetskij pisatel'. 1970. — 73 s.
11. Lotman, Ju. M. Semiosfera (Semiosphere). — Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 2010. — 704 s.
12. Mar'on, Zh.-L. Perekrest'ja vidimogo (Crossroads of the Visible). Moscow, Progress-tradicija, 2010. — 176 s.
13. Moroz, A. B. Stol v severnorusskikh pover'jah i obrjadah (Table in Northern Russian Beliefs and Rituals) // Tradicionnoe russkoe zastol'e. — Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora, 2008. — S. 36–43.
14. Okeanskij, V. P. Jetosy zhizni i smerti u Homjakova i Shopengaujera (kul'turologicheskie razmyshlenija k obosnovaniju sopostavlenija) (Ethoses of Life and Death in Khomyakov and Schopenhauer (Cultural Reflections on the Substantiation of Comparison)) // Solov'evskie issledovanija. — 2011. — Vyp. 3 (31). — S. 125–136.
15. Rakov, V. P. «Neizrechennoe» v strukture stilja M. Cvetaevoj (“The Unspeakable” in the Structure of M. Tsvetaeva's Style) // Voprosy ontologicheskoi pojetiki. Potaennaja literatura: Issledovanija i materialy. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet. 1998. — S. 87–101.
16. Simonova, S. A., Ataljan, G. B. K voprosu ob jevoljucii iskusstva v XX–XXI vv.: kul'turologicheskij analiz (On the evolution of art in the 20th–21st centuries: a cultural analysis) // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. — 2022. — Vol. 24. — № 84. — S. 84–92.
17. Florenskij, P. Obratnaja perspektiva In Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu (Reverse perspective). — Sankt-Peterburg, MIFRIL, Russkaja kniga, 1993. — S. 175–281.
18. Frank, S. L. Nepostizhimoe: Ontologicheskoe vvedenie v filosofiju religii (The Incomprehensible: An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion). — Moscow: AST, 2007. — 512 s.
19. Frolov, A. A. «Cifrovoj povorot» v istoricheskoi nauke i istoricheskaja geoinformatika (“Digital turn” in historical science and historical geoinformatics) // Istoricheskaja informatika. — 2019. — №3. — S. 115–123. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.30770.
20. Hajdegger, M. Vremja i bytie. Stat'i i vystuplenija (Time and Being. Articles and speeches). — Moscow: Respublika, 1993. — 447 s.
21. Jeliade, M. Svjashhennoe i mirskoe (Sacred and secular). — Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1994. — 144 s.

УДК 821.161.1: 168.522 (Русская литература /Гуманитарные науки. Культурология)

АПОФАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ В.Ф. ДУДАРЕВА

© 2024 М.А. Дударева^{1,2}, О.Ю. Рождественская³

Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии, доктор филологических наук,

¹заведующий кафедрой общей и славянской филологии

Института славянской культуры,

²профессор кафедры журналистики

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Рождественская Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов

E-mail: o.rozhdestvo@gmail.com

¹РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Москва, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 03.12.2024

Объектом исследования выступает феномен апофатики культуры, проявившийся в русской поэзии. Предметом научной работы являются образные реализации этого феномена в творчестве современного поэта. Материалом для статьи послужила поэзия Валерия Дударева (главный редактор литературного журнала «Юность» с 2007 по 2019 г.), а именно его стихи из зимнего раннего цикла, представленного в сборниках «На склоне двадцатого века» и «Ветла». В центре герменевтического анализа — образные реализации феномена апофатики в поэтической подборке поэта, в которой проявились апофатическая традиция цвета и света, связанная с экзистенциалом одиночества, познанием Другого. Обращаемся на типологическом уровне к пушкинскому тексту, взглядам на искусство художников эпохи модернизма, В. Кандинскому. Подробно рассматриваем понятие «апофатика», без которого невозможно совершить методологический прорыв в плане понимания онтологических вопросов творчества. Результаты исследования заключаются в выявлении культурфилософского потенциала современной поэзии для дальнейшего изучения проблемы апофатики как феномена русской художественной культуры, ее национального бытия. Настоящее исследование может быть интересным для литературоведов, включающих литературу в пространство большого бахтинского диалога культур, а также преподавателям курсов культурологии и философии.

Ключевые слова: русская культура, современная литература, апофатика, танатологический текст, А.С. Пушкин, творчество В.Ф. Дударева, символ

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-58-63

EDN: SJVBOS

Введение. Литературные критики Л. Аннинский, И. Ростовцева относили поэзию В. Дударева к «тихой лирике», хотя его художественное слово вызревало в очень неудобных и страшных социальных условиях распада страны, который поэт предчувствовал еще в конце 1980-х в сборнике «На склоне двадцатого века». Казалось бы, громким событиям нужен был громкий голос, например, стилистика В. Маяковского, нежели размышления о русских тропинках, ветлах (осевой образ в поэтике В. Дударева [10]), колодцах, колокольнях и звездах. Однако в «эпоху смут и

революций селиться лучше в далеке», пишет поэт Валерий Дударев, как бы заставляя нас повернуть голову в сторону русской провинции, русской деревни и русской вечности, переживание которой онтологически важно для русского человека. Не поэтому ли у поэта такие простые (внешне, по форме) стихи и краски? Критик и литературовед И. Ростовцева в своей программной о дударевской творческой мастерской статье «До игры» тонко подмечает: «Очень многое в этом видимом мире закрыто от нас завесой, спрятано от наглого, назойливого — в упор — взгляда. Не

случайно, чтобы охранить тайну, поэт выбирает самую темную краску: его излюбленный эпитет — «тёмный» [7, с. 187].

История вопроса. Под апофатикой здесь подразумеваем не только и не столько метод познания сакральной реальности через отрицание всех возможных ее предикатов как ложных или частично ложных, сколько феномен (ноумен) непостижимого, неведомого, приоткрывающегося нам ризомно, едино (множественно) в пороговый час бытия. Об этом в связи с иерофанией писал этнограф М. Элиаде: «Человек узнает о священном потому, что оно *проявляется*, обнаруживается как нечто совершенно отличное от мирского. <...> Пожалуй, история религий, от самых примитивных до наиболее изощренных, есть не что иное, как описание иерофаний, проявлений священных реальностей» [16, с. 17].

Апофатичны, непредсказуемы для нашего радио Красота, Любовь, Смерть. Литературоведы, исследующие русский художественный апофатизм, обращаются именно к этим Абсолютам культуры [10], которые связаны с *текстом судьбы*. В отечественном космо-психо-логосе (диалектическая триада Г.Д. Гачева [4]) особым

апофатизмом наделена и природа, космос русской равнины, о географии которой уже писал В.П. Океанский [15, с. 241]. Через равнину и на равнине мы апофатически переживаем *трансцендентное*. В русском (преимущественно зимнем) поле совершаются судьбоносные встречи — одна из самых ярких у А.С. Пушкина в «Капитанской дочке». Ощущение открытого пространства, нашей равнины, которая апейронна по своей сути, обостряется во время метели. Метель в нашем художественном космосе связана с *текстом судьбы*, пишущей свои законы. Метель в поэтике В. Дударева апофатична и судьбоносна, о чем уже писали литературоведы [9], но она также сопряжена с экзистенциалом *одиночества* и ситуацией нравственного выбора (стихи «Напредчувствую снег...», «Дорога сумрачна. Луна...»).

Методы исследования: онтогерменевтический анализ трех «метельных» стихотворений поэта, в которых проявляется его *апофатическое мышление*.

Результаты исследования. Первое стихотворение — «Предзимье» — раннее, является программным для сборника «На склоне двадцатого века» (1994), который оно и открывает:

Снег созрел под утро.
Ветер налетел.
Черная дорога бьется о метель.

Ах, зачем же биться
Да себя крошить? —
Ведь на целом свете не сыскать души!

И никто не вспомнит, если б и хотел,
Как моя дорога
Билась о метель! [6, с. 5].

Справедливо замечание филологов В.Э. Морозова и Е.Л. Черкашиной о метафизичности цвета в данном тексте: «Для поэта важна эта метафизика движения, борьбы со снегом, с наступающей зимой, которая выражена в двух колоративах, белом (имплицитно) и черном (эксплицитно)» [14, с. 152]. Черный и белый здесь не просто выступают в качестве колоративов, а являются кодами Тьмы и Света, которые *со-существуют*, *со-положены* друг другу. В этом мы также наблюдаем проявление *апофатической традиции* света в мировой культуре. В статье Н.В. Брагинской, А.И. Шмаиной-Великановой подробно представлена апофатическая традиция переживания Божественного света, утреннего и вечернего [3]. В этом аспекте обратим внимание на утренний час

у В. Дударева, когда созревает снег, являющийся символом предзимья, состояния лиминального по своей сути: мы уже распрощались с золотой осенью, но еще не вступили в зиму. С одной стороны, лирический герой понимает внешнюю бесполезность борьбы со стихией («Ах, зачем же биться? / Да себя крошить?»), с другой стороны, эта борьба носит *онтологический* характер, представляя собой *агон* (*агон* — греч. ἀγών — «борьба, состязание», космическая борьба как элемент древней мистерии), космическое состязание в данном случае с самим собой, которое разрешается в последней строфе: никто не вспомнит обо мне из людей, но я сам на себя другого гляжу со стороны, из будущего времени. Об этом отстранении от себя самого писали и М.М. Бахтин, и

близкий к нему В.В. Биbihин. Последний — в работе «Лес»: «...нам не надо смотреть дальше, чем в нас самих, в энциклопедии или кого-то спрашивать, что такое Бог. Это все равно что я пошел бы у кого-то разузнавать, кто такой я. Это в нас всегда, хотя чаще в привативном модусе» [1, с. 42].

Бывает: метель закрутит!
Сидишь за чайком в тепле,
Думаешь: где-то люди
По снежной бредут земле.

Бывает: метель закрутит!
По снежной бредешь земле,
Думаешь: где-то люди
Сидят за чайком в тепле [7, с. 67].

Здесь усиливается *апофатизм* художественного мышления поэта, который заключается в ситуации нравственного выбора: ты остаешься дома, в кругу близких, «за чайком в тепле», или ты выходишь в этот мир, идешь в метель, чтобы повстречаться с Богом (или обратным его проявлением, как в пушкинских «Бесах»).

В. Дударев — поэт нравственного выбора, к которому он всегда подводит своего читателя. Легко остаться дома, выбрать уют и комфорт, и трудно скитаться по Руси, постигая метельность жизни. В двух строфах, в этой короткой форме, которую высоко ценил поэт, с одной стороны, разрешается опасный экзистенциал одиночества, с другой стороны, В. Дударев погружает нас во множественность возможных решений ситуации. Здесь можно вспомнить феномен лотмановского взрыва (работа «Культура и взрыв»), ведущего к разным исходам одной ситуации: «выбор будущего реализуется как случайность» [13, с. 22]. Такой «взрыв» в поэтике В. Дударева часто

Но чтобы понять свою *предельность*, надо от себя, своей самости отстраниться, трансцендировать за пределы своего «Я», что и происходит во втором «метельном» стихотворении цикла того же творческого периода:

встречается (стихотворение «Желтые заборчики» показательны в этом отношении) и иногда вмещается в какую-нибудь вещь, как, например, в разбираемом тексте: в образе-символе чашки чая выражен и домашний мир с его радостями, отношениями домочадцев, и остранение и отстранение от этой чашки, которая не только полезна для лирического героя, но и губительна. Это противоречие можно понять через *пушкинский код*, присутствующий в поэтике В. Дударева. У А.С. Пушкина в стихотворении «Зимняя дорога», к которому открыто обращается современный поэт в своем творчестве (имеется в виду стихотворение «Все дальше в северную сторону...»), лирический герой томится скукой в домашнем кругу, в объятиях милой, ожидая своего полночного часа, встречи с Ниной, проводником, своего рода даймоном, знаменующей конец инициационного пути. Этот любовный парадокс, русская *метафизика разъятия* еще очевиднее в стихотворении В. Бокова (1973):

На лесах позолота, листопад за окном
Не хватает кого-то в добром сердце моем
И любимая рядом, и любовь по плечу,
Но душою и взглядом я куда-то лечу

Кто-то манит и манит в далекую даль
Словом ласковым ранит говорит – ожидай,
И лечу я куда-то, и покоя мне нет
И летит позолота на тревожный мой след [2].

Эти переложенные на музыку стихи, исполненные другом В. Дударева, Анатолием Шамардиным из ансамбля Утесова, весьма показательны в контексте наших размышлений об

апофатизме творчества русских поэтов: любимая, но земная женщина не может удовлетворить духовного побуждения к имажинативному абсолюту, поэт ищет Ту, которой в мире (зримом) нет.

Метафизика разъятия, девальвация секса по-русски (определение Г.Д. Гачева из книги «Русский эрос») присуща и поэтам-символистам, и творчеству С.А. Есенина с софийными образами в «Персидских мотивах» и поздних, предсмертных коротких стихах [8], поэтический голос которого часто слышен в художественном мире В. Дударева. И кажется, что «метельное» стихотворение не о

любви, у поэта не так много любовных стихотворений (они появятся только в поздний период творчества), но эту метафизику разъятия себя с самим собой, себя с Другим, мы чувствуем.

В третьем раннем «метельном» стихотворении, замыкающем этот своеобразный триптих, можно также наблюдать диалектику движения, круговорот жизни и смерти:

Метель рождает корабли
И надрывается при этом,
Но только летом, только летом
Они уходят от земли.

Метель жалеет корабли,
Что летом жмурятся от сини,
Но за огнями грусти зимней
Они уходят от земли [6, с. 22].

Образ-символ корабля отсылает нас к корабельно-лодочной традиции, мощно проявившейся в отечественной словесности. Стоит культурологически обратить внимание на два момента: во-первых, лодка, ладья, челн, корабль (не исключают друг друга) в нашей культуре выполняют медирующие функции, участвуя в погребальной обрядности, во-вторых, этот архетип, известный нам еще по разным жанрам русского фольклора (загадки, былины, драма), связан также с текстом судьбы.

Степан Разин на стенах темницы рисует расписную ладью (одна далекая точка в нашей художественной словесной культуре), герой любимого Дударевым стихотворения Н. Рубцова «В горнице» чинит загнившую лодку под ночной звездой и думает о своей судьбе (вторая, близкая онтологически, точка в словесности). Метель рождает корабли — этот образ можно понять только апофатически на уровне инстинкта культуры, имажинативно срабатывающего в творчестве поэта. Здесь под имажинативным (Абсолютом), вслед за Я.Э. Голосовкером, понимаем высший образ культуры, связанный с Абсолютом, который рождается в душе художника, если он допускает работу инстинкта культуры в себе [8]. Этот процесс узнавания искусства, постижения его *ауры*, В. Кандинский емко обозначил одним

определением — «настроения» искусства, которые есть и в живописи, и в музыке, и в литературе и которые реципиент должен прочувствовать, суметь погрузиться в ауру произведения: «Тот же период материализма воспитал во всей жизни, а значит и в искусстве, зрителя, который не может воспринимать картины просто (особенно “знаток искусства”) и ищет в картине все что угодно... не ищет он только восприятия внутренней жизни картины, не пытается дать картине непосредственно воздействовать на себя» [12, с. 127].

Вывод. В трех стихотворениях В.Ф. Дударева, организуя своеобразный «метельный» триптих, выразилась апофатика художественного мышления поэта, который своего читателя постоянно ставит в ситуацию нравственного выбора. В чем суть этого выбора и отчего он так труден для нас? Мы, люди цифровой зоны, привыкшие к комфорту, готовые получать быстрый доступ ко всем благам цивилизации, стали метафизически отрешенными, и нас нужно привести самих к себе, вернуть в сакральное лоно Вселенной, заставить трансцендировать за пределы собственного «Я», любить этот мир и видеть Другого, а это может сделать в литературоцентричной России только поэзия как высшая форма бытия для русского человека.

1. Библихин, В. В. Лес. — СПб.: Наука, 2011. — 425 с.
2. Боков, В. Собрание сочинений. Том 3. Песни. Поэмы. Над рекой Истермой (Записки поэта). [Электронный ресурс]. — URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/359457-19-viktor-bokov-sobranie-sochineniy-tom-3-pesni-poemy-nad-rekov-istermoy-zapiski-poeta.html> (дата обращения: 02.12.2024).
3. Брагинская, Н.В., Шмаина-Великанова, А. И. Свет вечерний и свет не вечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. — С. 73–92.
4. Гачев, Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. — М.: Академический проект, 2007. — 511 с.

5. Голосовкер, Я. Э. Имагинативный абсолют. — М.: Академический проект, 2012. — 318 с.
6. Дударев, В. На склоне двадцатого века. — М.: Радунца, 1994. — 116 с.
7. Дударев, В. Ветла и другие стихотворения. — М.: Художественная литература, 2016. — 196 с.
8. Дударева, М. А. Апофатические формулы русского фольклора: образы смерти в стихотворении С. А. Есенина «Голубая кофта. Синие глаза...» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2024. — Т. 2, № 5. — С. 23–31.
9. Дударева, М. А., Арипова, Д. А. Лексико-семантическое поле «зима» в поэзии Валерия Дударева: апофатика метели // Казанская наука. — 2023. — № 11. — С. 149–151.
10. Дударева, М. А., Никитина, В. В. Лексико-семантическое поле «родина» в поэзии Валерия Дударева: национальная топика // Казанская наука. — 2023. — № 8. — С. 29–31.
11. Елепова, М. Ю. Эстетика В. А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. — 2012. — № 4 (22). — С. 176–178.
12. Кандинский, В. О духовном в искусстве. — Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1967. — 159 с.
13. Лотман, Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2010. — 703 с.
14. Морозов, В. Э., Черкашина, Е. Л. Семантика цвета в поэзии Валерия Дударева (о стихотворении «Предзимье») // Казанская наука. — 2024. — № 9. — С. 151–153.
15. Океанский, В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. — Иваново: ШГПУ, 2010. — 358 с.
16. Элиаде, М. Священное и мирское. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 143 с.

APOPHATICS OF ARTISTIC THINKING OF V.F. DUDAREV

© 2024 M.A. Dudareva^{1,2}, O.Yu. Rozhdestvenskaya³

Marianna A. Dudareva, Doctor of Philology, Doctor of Culturology,

¹Head of The Department of General and Slavic Philology

Institute of Slavic Culture

²Professor of the Department of Journalism

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Olga Y. Rozhdestvenskaya, PhD of Philology, Senior Lecturer of the Department Russian

as a Foreign Language for Students of Faculties of Natural Sciences

E-mail: o.rozhdestvo@gmail.com

¹Russian State University named after. A.N. Kosygin

Moscow, Russia

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

³Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

The object of the study is the phenomenon of cultural apophatics, manifested in Russian artistic verbal culture, in poetry. The subject of scientific work is the figurative realizations of this phenomenon in modern poetry. The material for the article was the poetry of Valery Dudarev (editor-in-chief of the literary magazine "Youth" from 2007 to 2019), namely his poems from the early winter cycle, presented in the collections "On the slope of the twentieth century" and "Vetla". The center of the hermeneutic analysis is the figurative realizations of the phenomenon of apophatics in the poet's poetry collection, which manifested the apophatic tradition of color and light associated with the existential loneliness, knowledge of the Other. We turn to Pushkin's text, views on the art of artists of the modernist era, V. Kandinsky at the typological level. We consider in detail the concept of "apophatics", without which it is impossible to make a methodological breakthrough in terms of understanding the ontological issues of creativity. The results of the study consist in identifying the cultural-philosophical potential of modern poetry for further study of the problem of apophatics as a phenomenon of Russian artistic culture, its national existence. The results of the work may be of interest to literary scholars who include literature in the space of the great Bakhtinian dialogue of cultures, and can also be used in teaching courses on cultural studies and philosophy.

Keywords: Russian culture, modern literature, apophatics, thanatological text, A.S. Pushkin, works of V.F. Dudarev, symbol

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-58-63

EDN: SJVBOS

1. Bibihin, V. V. Les (Forest). — SPb.: Nauka, 2011. — 425 s.
2. Bokov, V. Sobranie sochinenij. Tom 3. Pesni. Poemy. Nad rekoj Istermoj (Zapiski poeta) (Collected Works. Volume 3. Songs. Poems. Over the Isterma River (Notes of a Poet)) [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/359457-19-viktor-bokov-sobranie-sochineniy-tom-3-pesni-poemy-nad-rekoy-istermoy-zapiski-poeta.html> (data obrashhenija: 02.12.2024).
3. Braginskaja, N. V., Shmaina-Velikanova, A. I. Svet vechernij i svet nevechernij (Evening light and non-evening light) // Dva venka: Posvjashhenie Ol'ge Sedakovej. — M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2013. — S. 73–92.
4. Gachev, G. D. Kosmo-Psiho-Logos: Nacional'nye obrazy mira (Cosmo-Psycho-Logos: National Images of the World). — M.: Akademicheskij proekt, 2007. — 511 s.
5. Golosovker, Ja. Je. Imaginativnyj absoljut (Imaginative Absolute). — M.: Akademicheskij proekt, 2012. — 318 s.
6. Dudarev, V. Na sklone dvadcatogo veka (On the Slope of the Twentieth Century). — M.: Radunica, 1994. — 116 s.
7. Dudarev, V. Vetla i drugie stihotvorenija (Vetla and Other Poems). — M.: Hudozhestvennaja literatura, 2016. — 196 s.
8. Dudareva, M. A. Apofaticheskie formuly russkogo fol'klora: obrazy smerti v stihotvorenii S. A. Esenina «Golubaja kofta. Sinie gla-za...» (Apophatic Formulas of Russian Folklore: Images of Death in S. A. Yesenin's Poem "Blue Jacket. Blue Eyes...") // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. — 2024. — T. 2, № 5. — S. 23–31.
9. Dudareva, M. A., Aripova, D. A. Leksiko-semanticheskoe pole «zima» v poezii Valerija Dudareva: apofatika meteli (The lexical-semantic field "winter" in the poetry of Valery Dudarev: the apophatics of a blizzard) // Kazanskaja nauka. — 2023. — № 11. — S. 149–151.
10. Dudareva, M. A., Nikitina, V. V. Leksiko-semanticheskoe pole «rodina» v poezii Valerija Dudareva: nacional'naja topika (The lexical-semantic field "homeland" in the poetry of Valery Dudarev: national topics) // Kazanskaja nauka. — 2023. — № 8. — S. 29–31.
11. Elepova, M. Ju. Jestetika V. A. Zhukovskogo v apofaticheskom kontekste (Aesthetics of V. A. Zhukovsky in the apophatic context) // Diskussija. — 2012. — № 4 (22). — S. 176–178.
12. Kandinskij, V. O duhovnom v iskusstve (On the Spiritual in Art). — N'ju-Jork: Mezhdunarodnoe literaturnoe sodruzhestvo, 1967. — 159 s.
13. Lotman, Ju. M. Semiosfera (Semiosphere). — SPb.: Iskusstvo-SPB, 2010. — 703 c.
14. Morozov, V. Je., Cherkashina, E. L. Semantika cveta v poezii Valerija Dudareva (o stihotvorenii «Predzim'e») (Semantics of Color in the Poetry of Valery Dudarev (on the Poem "Before Winter")) // Kazanskaja nauka. — 2024. — № 9. — S. 151–153.
15. Okeanskij, V. P. Chelovek i total'nost': pojetika prostranstva i ee krizis (Man and Totality: The Poetics of Space and Its Crisis). — Ivanovo: ShGPU, 2010. — 358 s.
16. Jeliade, M. Svjashhennoe i mirskoe (Sacred and secular). — M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994. — 143 s.

УДК 821.161.1: 168.522 (Русская литература / Гуманитарные науки. Культурология)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ НАД КНИГОЙ «ПОЭЗИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ.
ЭНТЕЛЕХИЯ КУЛЬТУРЫ (ОЧЕРКИ О ЛЮБВИ)»:
ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ САМОСТЬ ПОЭТА XXI ВЕКА**

© 2024 С.А. Конькова

*Конькова Стефания Антоновна, соискатель степени кандидата филологических наук
по кафедре русского языка и межкультурной коммуникации*

E-mail: vsem@poezii.ru

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 04.12.2024

Объектом статьи выступает феномен современной поэзии. Предметом научной работы являются взаимоотношения поэта XXI века и его онтологической самости. Материалом для работы послужила монография под редакцией доктора культурологии, доктора филологических наук М.А. Дударевой «Поэзия в цифровую эпоху. Энтелехия культуры (Очерки о любви)». В центре герменевтического и компаративного анализа — пристальное академическое прочтение культовых поэтов, причастных к сообществу альманаха «День поэзии — XXI век». Онтологическая самость поэта XXI века проступает через засилье экранной культуры и торжество симулякра. Актуальность принятого исследования обусловлена необходимостью возведения коммуникативного моста между вдумчивым читателем и современным поэтом в диалоге с традицией, вдали от выхолащенной поп-культуры. Автор исследования уделяет большое внимание природным, архетипичным символам (дорога, Солнце, река, дождь, зима), метафорически объясняющим положение дел современной поэзии. В противовес поп-идолам современной поэзии в культуре происходит процесс медленного и верного возвращения к онтологической самости поэта, без пагубного влияния эпохи цифровизации. Этот процесс требует глубинной филологической рефлексии.

Ключевые слова: русская поэзия XXI века, онтологическая самость, поэт XXI века, экранная культура, Космо-Психо-Логос, апофатика, Марианна Дударева

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-64-70

EDN: RZNQUQ

Введение. Концепт «XXI век» ассоциируется с такими дискурсивными характеристиками, как клиповое мышление, информационная избыточность, нелинейность времени, центонность, глобальная цифровизация и господство экранной культуры. Новый онтологический модус экрана (само слово *esran* с французского переводится как «ширма») [8] создает барьер между бумагой и самой жизнью, ее традиционными восприятием и аксиологией. В связи с тем, что сегодня поэтом может назвать себя кто угодно, вне традиций предметности, нередко выхолащивается корневое, аполлоническое понимание собственно поэзии. Аристотелевская энтелехия и беньяминовская аура поэтического слова тускнеют и блекнут перед роем вирулентных текстов, свободно распространяющимися по самопровозглашенным поэтическим площадкам онлайн- и оффлайн. По В.В. Калмыковой, «критерии оценки произведений сегодня если не отсутствуют, то находятся на периферии интеллектуальной деятельности» [7,

с. 5]. Массовый, неискушённый читатель охотно и слепо верит громкому, «раскрученному» имени, количеству «лайков», «репостов» и подписчиков — атрибутам сетевой успешности как гарантам качества.

Однако подобно тому, как в советское подцензурное время набирало силу контркультурное диссидентское творчество, на фоне тотального захвата рынка и господства поэтического симулякра незаметно крепнут позиции онтологически цельной поэзии, не отрицающей традицию, но реактуализирующей таковую.

История вопроса. Объектом нашего исследования стала еще не получившая пристального внимания в науке коллективная монография 2024 г. М.А. Дударевой, Д.А. Ариповой, В.В. Никитиной, Е.Л. Черкашиной «Поэзия в цифровую эпоху. Энтелехия культуры (Очерки о любви)» [10], посвященная космо-психо-логосу сообщества литературного альманаха «День поэзии — XXI век», са-

ним названием отстаивающего право современности на звание хранителя национальной идеи в русском слове.

Методы исследования: метод включённого наблюдения, поскольку сам автор является участником литературного процесса; герменевтико-интерпретационный и компаративный методы. В центре герменевтического анализа главы о творчестве В. Дударева, А. Орлова, Н. Гранцевой.

Результаты исследования. Экранная культура выводит на первый план (не стоит путать с поэтами первого ряда) поп-поэтов, продуцирующих эмоциональный фастфуд: Анну Егоян («я держу тебя за запястье // и вдыхаю нашу любовь»), Ах Астахову («я вытрясла душу в унынии кресел»), Яну Мкр («просто стой и свети»), Владимира Понкина («в миг, когда тебе трудно // я смогу выслушать и обнять»), Шахназ Сайн («такая простая и одновременно сложная // девочка-океан, душой тревожная») и т.п. Эти поэты — голоса поколения миллениалов и зумеров, а их популярность сравнима с той, что была у шестидесятников, только вместо стадионов и многомиллионных тиражей в «Юности» — полные залы домов культуры и сетевые паблики. Их строки больше похожи на арт-терапию, запись в личном блоге или позитивную установку от модного коуча. По бескомпромиссному замечанию поэта М.В. Кудимовой, «попса спрямляет и омертвляет смыслы, примитивизирует даже самое по сути примитивное, ибо ее главный страх — остаться непонятой, а следовательно, потерять аудиторию» [9, с. 36]. Вышеприведённые отрывки, если оценивать их с точки зрения художественной ценности, создают стойкое ощущение рекурсивной третичности и эхоталичной центонности: это где-то уже было, вероятно, у поэтов минувших дней, только там еще была некая сила, стоящая за словами, а здесь ее нет. По В. Беньямину, главное отличие произведения *ауратического* (такого, за которым стоит эта некая сила) от лишенной ауры копии в том, что подлинник с его аурой укоренён в традиции, в то время как копия лишена места в ней, «поэтому любое оригинальное произведение обладает уникальным ощущением дали, как бы близок при этом предмет ни был» [2, с. 24]. По словам Р. Ханукаевой, редактора сайта ЭКСМО — лидера книжного рынка России, «стихи Шахназ покорили десятки тысяч пользователей социальных сетей <...> они — образец современной женской поэзии» [12]. Слово «образец» печально свидетельствует о том, что номинативность, вторичность-третичность и плоскость мышления, пре-

тендующего на художественное — и есть характерные черты поэзии XXI века. К таким выводам можно прийти, лишь поддавшись соблазну поверхностного подхода и скороспелым результатам выдачи поисковых систем. Но что, если прибегнуть к возможностям поисковой системы мира академического?

Открыв оглавление «Поэзии в цифровой эпохе...», читатель Астаховой и Понкина вряд ли встретит знакомые имена. Однако эти персоналии в литературном процессе являются онтологически знаковыми: главный редактор журнала «Юность» Валерий Дударев, главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век» Андрей Шацков, главный редактор журнала «Север» Елена Пиетилиянен, заведующая отделом поэзии журнала «Наш современник» Карина Сейдаметова, главный редактор журнала «Нева» Наталья Гранцева, главный редактор «Литературной газеты» Максим Замшев... Перед нами монография о поэтах-подвижниках литературного процесса, которые создают оный, руководя его фундирующими институтами. Поскольку поэзия — не бизнес, не профессия, не ремесло, а нечто, не подлежащее огранке определением, чтобы развивать её, мало возглавлять журнал, альманах или союз. Нужно создавать сам язык, не играть в поэта, а быть им, не просто жить в языке как в хайдеггеровском «доме Бытия», но и выходить из этого дома на дорогу и возвращаться не с пустыми руками, свидетельствуя язык в его причудливой синхронии. А дорога, ширь, путь, огромное пространство, тянущееся в бесконечность — константа, первооснова космо-психо-логоса человека русского, согласно учению Г.Д. Гачева.

Здесь раскрывает себя второе имя исследуемой книги — «Очерки о любви», так как, по Г.Д. Гачеву же, «русские пути-дороги — словно маршруты любвей» [4]. Монография начинается с эйдологии любви поистине гачевского человека, русского поэта Валерия Дударева, чьи путь-дорога, трагическая судьба до последних дней была неразделима и с поэзией, и с любовью, и удивительно параллельна судьбе корневого русского художника Бориса Кустодиева: за обоими, прикованными к постели на малой родине, беззаветно ухаживали супруги, «идеальные возлюбленные» из русской поэзии. Подобен их историям и союз сердец легендарного поэта-шестидесятника Андрея Дементьева и его жены Анны Пугач-Дементьевой, продолжающей дело мужа с 2018 года. К удивительным выводам можно прийти, сравнивая истории космо-психо-логических союзов Ку-

стодиевых, Дударевых и Дементьевых с множимися ризомой поэтических пабликов современные кейсы человеческих взаимоотношений, овеванные губительным либеральным дыханием Запада, где мимолётное очарование называется «любовью всей жизни», а бытовая ссора — «личным адом». Примечательно, что и Марианна Андреевна Дударева, и Анна Давыдовна Пугач-Дементьева шествуют по жизни в метафизической одежде Ксении Петербургской, «ставшей» своим мужем Андреем и несущей его сквозь время и расстояние по дорогам жизни, смерти и бессмертия. Таких спутниц жизни онтологически неверно было бы назвать вдовами, так как своими действиями по сохранению культурного наследия и преумножению памяти супругов-творцов они стирают границы между *этим и тем* мирами, ведь, согласно В. Дудареву, «для истинно верующего и любящего человека смерти нет» [10, с. 13].

Нет смерти и для поэтов-классиков, чьи голоса звучат эхом в онтологических потопках. Современная поэтическая культура центонна: за поэтом вытягивается длинная линия традиции, генетическая цепь преемственности — его поэтических «праотцев», восходящая к праматери-Античности. Однако центонность может быть как прямой, неуклюже бьющей читателя «в лоб», так и косвенной, аккуратной, дополняющей новым смыслом подземный источник древней поэтической традиции. Согласно пословице, корни которого берут начало в разных языковых картинах мира, *глубокие реки неслышно текут*. По чуткому замечанию вице-президента Русского ПЕН-центра Б.Т. Евсеева, «зеркальные воды русской письменной мысли — нежны и бездонны. Живая вода русской речи — тайно отражает будущее. Глядя в зеркальные воды, часто себя не узнаём: их бездонность делает глубже каждого из нас» [6, с. 8]. В том и задача учёных, авторов монографии — слышать это течение самим и дать другим причаститься.

«Работая (над «Творцами речей недосказанных». — С.К.), я удивлялась, как много знаний требуется, чтобы добросовестно разобрать один катрен. Поэзия — надежный источник познания, только приходит оно иначе, чем в других случаях», — утверждает В.В. Калмыкова, автор монографии о другом, не менее любопытном срезе поэтов рубежа XX-XXI века [7, с. 13]. Обратимся к главе «Эйдология пути в творчестве Александра Орлова», базирующейся на сборнике поэта «Ожившее солнце», в котором филигранная, при-

стальная и глубокая центонность является, по выражению авторов монографии, «энергообразующей, стержнеобразующей» [10, с. 58]. Стоит отметить «говорящесть» названия, отражающего природную цикличность солнца: оно умирает с каждым закатом и оживает с каждым рассветом. Это символ рассвета культуры, развивающейся по спирали, наворачивающей за кругом круг, от упадка к возрождению и обратно. Лирический герой А. Орлова в поисках «иног царства», в пути «за предел» отчетливо осознаёт: «исчезну на рассвете вековом», но не боится этого исхода: ведь он растворится в солнечном свете. Этот герой — не что иное, как онтологическая самость поэта, служителя и жителя Логоса как Дома Бытия, не настоящего, а вневременного (мы помним, что современность в синхронии гетерогенна, и еще не прошла пекло этого Солнца, обжиг временем). Ризома может сколь угодно множить симулякры и «стихоиды» *астаховых и понкиных*, создавать рейтинги и возводить на их вершины — но «священные яви», «звездные сны» и «слова преподобных» [10, с. 59] отнюдь не там. Лирический герой «Ожившего солнца» противостоит холодной зиме, это его инициация, к которой он готов «без торговли, грызни, вопросов»: «ты теперь — лишь моя зима, // от снежинок и до торосов» [10, с. 61]. Русская зима архетипично белого цвета, и это практически свадебная клятва — «в радости и горести, в здравии и болезни, и даже смерть не разлучит нас», потому что за смертью снова воследует солнечный свет.

Однако «солнца луч» может быть и «мёртворожден»: никто не обещал хэппи-энда, ведь в цифровую эпоху свет экрана порой затмевает свет солнца, и «движеньё новых рас», как брουνовское движение, нарезает новые и новые круги... впрочем, солнце непременно взойдет, переродившись в архетип Желającego сберечь. В самом слове «сберечь» таится *«речь»*, *река*, течение новой жизни, чьё торжество неизбежно, как весна. Сам «Желající сберечь» — апофатически подразумеваемый Бог, Творец, автор и читатель всей мировой поэзии, в начале поставивший Слово. Лирический герой А. Орлова может быть как самим русским словом, претерпевающим темные времена, так и его носителем, у которого неколебимое знание соседствует с иррациональной верой в то, что его бесконечный путь сквозь *льды и снега* непременно озарится солнцем. И свет этого солнца — непременно рассветный, неведный, Божественный [10, с. 92]; а значит, самое

время исследовать третий столп «Поэзии в цифровую эпоху»: апофатику.

В современной гуманитарной среде апофатика понимается как отрицание любого определения Бога как ложное или частично ложное, в то время как истинное определение, по Н.В. Брагинской и А.И. Шмаиной-Великановой, «можно постичь лишь “внутренним оком”» [3, с. 73-92]. Еще Н.А. Померанцева в эссе «Похвала пустыне», посвященном Пушкину, говорит почти идентичное: «присутствие невидимого открыто лишь внутреннему оку...» [11, с. 427]. Поэзия истинная исполнена апофатики, растворяющей в себе любую назывность: Бог не именуется Богом, любовь — любовью, холод — холодом, всё передано через литературные тропы, по *неведомым тропам*, о которых писал и которыми ходил ещё А.С. Пушкин.

Авторы монографии задаются вопросом, ключевым для исследователя поэзии в цифровую эпоху: «не потерялись ли пушкинские нити в мире цифровой, сетевой поэзии сегодня?» [10, с. 93]. Вопрос этот — лишь кажимость риторического. Ещё В.Ф. Одоевский метко именовал А.С. Пушкина «солнцем русской поэзии», которое закатилось. Лучи пушкинского слова и есть пресловутые нити, тянущиеся сквозь крошечную диахроническую тьму; их великое множество, следовательно, померкнуть всем явно не суждено, и даже затмения преходящи. По В.В. Калмыковой, «во всех случаях от искусства люди ждут просвещения от слова “свет” — просветления» [7, с. 20]. Обратим внимание на стихотворение Натальи Гранцевой, не приведённое в монографии, однако раскрывающее уверенный взгляд на положение дел поэта сегодня:

*Весенний, ночной, на копытцах стеклянных,
Как фавн обнажённый, как маленький бес,
Как в детском этюде пассаж фортепьянный,
Промчался по городу дождь — и исчез.
Быть может, он прыгнул в Неву или Фонтанку,
Быть может, он в небо взбежал, испарясь,
Но прежде он вывернул тьму наизнанку,
Чтоб солнечный луч дотянулся до нас.
Чтоб вновь сквозняки поиграли с геранью,
С твоим завитком молодым у виска,
Чтоб в дом залетел холодок мирозданья,
По тихому сердцу прошли облака.
Чтоб вновь зазвучал в геометрии света,
Как страсть, возвращённый на круги своя,
Подобный душе Афанасия Фета,
Забывший сиреневый сад бытия [5].*

Дождь — это падающая с неба, наполняющая обезвоженные реки речь (вспомним, что Н.А. Гранцева возглавляла журнал «Нева» — а это имя реки поэтической столицы России), символ обновления поэзии со-временностью. Только дождю, этой нитевидной вертикальной воде-благословению свыше, суждено вывернуть тьму наизнанку, проредить собой её, служащую пресловутым *экраном*, не пропускающим солнечные лучи, *свет Просвещения*. «Сквозняки» — новые веяния, ветерки, пробирающие, согласно восторженным комментаторам сетевой поэзии, «до мурашек», но эфемерные и конечные. Им далеко до могучих смерчей русской классики, но, может статься, и к кому-то из «сквозняков» однажды можно будет применить пушкинское: «ветер, ветер, ты могуч!» «Холодок мирозданья» — отсылка к зиме, конфликт солнца с которой не может быть

исчерпан, ибо он смыслопорождающ для всего мирового искусства; «по тихому сердцу прошли облака» — постоянное спокойствие выхолащивает душу, ей необходимы хотя бы легкие волнения, и здесь поэзия в помощь. «Геометрия света» подчеркивает структурированную, не хаотичную сущность ауративной поэзии: в ней есть свои каноны и высший закон, это оксюморон, мистическая наука, сколь богемы бы ни казался ее носитель. «Возвращённый на круги своя» — жизнеутверждающий гимн спиральности истории, развития русла языка через текущие воды-реки речи, что вернется в русло онтологии, не боясь обмелений и наводнений, ибо жизнь мудрее живущего. И уже прямо называется имя великого русского классика А. Фета, возвращающего к корням хрестоматийными строками: «учись у них —

у дуба, у березы...». Наконец онтологическая самость поэта XXI века, освежившись молодыми веяниями, возвращается в Дом Бытия, окружённый цветущей сиренью, воспеваемой С. Есениным, Б. Пастернаком, Н. Гумилёвым, А. Вознесенским, А. Кушнером и многими другими. Это свидетельствует о том, что преемственная, благодатная, «цветущая» центонность так же естественна для культуры, как пресловутая сирень, на пятилистниках которой принято загадывать желания.

Однако не только животворящий оптимизм, похожий на весенний дождь, присущ лирической героине Н. Гранцевой. Так, в стихотворении «Я разлюбила Серебряный век» [10, с. 95] поэтесса говорит о неумолимом разрыве современности с культурой века Серебряного: «Вот и закрыло руками лицо // Вечное слово. // Вот и катится, свернувшись в кольцо, // Тень Гумилева». Нельзя в этой связи не упомянуть вновь ключевой образ главы об «Ожившем солнце» А. Орлова: тень не бывает без источника света. Лицо, закрытое руками — еще не покотившаяся оземь с плеч гипсовая голова, не навсегда смежённые веки, а «катиться» — всё ещё глагол движения, а не остановка. Закольцованная, рекурсивная, ретроспективная «тень Гумилёва» еще здесь, и по её присутствию можно отмерять солнечными часами время русской поэзии, не думающее заканчиваться. Поэтесса умалчивает, какой именно Гумилёв: Николай или Лев, отец или сын, поэт или историк, а значит, поэзия с историей рука об руку идут, катятся, движутся по этой спирали в будущее, попутно стремясь разобраться в уроках прошлого. Поэт Н.А. Гранцева не просто вступает в диалог с «вчерашним днем русского искусства» [10, с. 99], но достигает коммуникативного результата: договаривается с ним, сохраняя верность одним традициям и отпуская отжившие.

Выводы. Монография «Поэзия в цифровую эпоху. Энтелехия культуры» — фундаментальный коммуникативный мост (термин О.А. Валиковой [1]) между вдумчивым читателем и поэтами XXI века, находящимися чем дальше от первых строчек выдачи поисковых систем, тем ближе к чистой онтологии. Название альманаха «День поэзии — XXI век» предлагает взглянуть глубже и дальше темпоральных маркеров эпохи. Поэты-подвижники, создающие литературу как внешне (через руководство журналами и союзами), так и внутренне (через сам язык), не просто бросают перчатку-вызов экранной культуре, цифровизации и клиповому мышлению, но и мужественно длят эту бескрайнюю битву за онтологическую самость, *молитву* о новом солнце, *ловитву* верного слова и *клятву* верности оному, чтобы *жатва* случилась не только из хлеба и зрелищ. В процессе этой битвы исследуемые поэты могут как проигрывать (лирическая героиня Н. Гранцевой, разлюбившая Серебряный век) [10, с. 95], так и выигрывать («уцелел на свете // бьющийся человек» Е. Пиетияйнен) [10, с. 80], и даже брать реванш — так «после смерти будет дождь», как у М. Замшевой [10, с. 109], и это очередное доказательство, что смерть — не финал, а новое предначалье, а красивый проигрыш лучше случайной или нечестной победы. Неслучайно греческое слово «троп» (оборот) и русское «тропа» так созвучны: только неноминативное и притом меональное, апофатическое, многослойное творчество может вести читателя *per aspera ad astra*: пушкинскими *неведомыми дорожками*, апофатическим, Космо-Психо-Логосовым, традиционным русским путем сквозь цифровые дебри XXI века к звездам: путеводной, Вифлеемской, и той, что по имени Солнце.

1. Бахтикиреева, У. М., Валикова, О. А., Кинг, Ж. Транслингвизм: коммуникативный мост или “культурная бомба”? // Полилингвистичность и транскультурные практики. — 2017. — Т. 14. — №1. — С. 116-121.
2. Беньямин, В. Избранные эссе / Немецкий культурный центр им. Гёте. — М.: Медиум, 1996. — 240 с.
3. Брагинская, Н. В., Шмаина-Великанова, А. И. Свет вечерний и свет не вечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. — С. 73–92.
4. Гачев, Г. Д. Русский эрос [Электронный ресурс]. — URL: <https://philologos.narod.ru/texts/gachev-eros.htm> (дата обращения: 23.12.2024).
5. Гранцева, Н. А. Подборка в журнале “Глагол” 2018 г. на сайте “Читальный зал” [Электронный ресурс]. — URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=22169> (дата обращения: 23.12.2024).
6. Евсеев, Б. Т. Письмена на коже: Опыты и раздумья. — М.: Русский ПЕН-центр, 2024. — 384 с.
7. Калмыкова, В. В. Творцы речей недосказанных. О поэтах рубежа XX-XXI веков. — М.: Русский импульс, 2021. — 240 с.
8. Козьякова, М. И. [Электронный ресурс] Эволюция экрана: мифы современной культуры // Культура культуры. 2018. №1 (17). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ekrana-mify-sovremennoy-kultury> (дата обращения: 23.12.2024).

9. Кудимова, М. В. Фобия длинных слов: Записи 2013-2020 гг. — М.: Русский ПЕН-центр, Библио ТВ, 2023. — 573 с.
10. Поэзия в цифровую эпоху. Энтеlexия культуры (Очерки о любви): монография / М. А. Дударева, Д. А. Арипова, В. В. Никитина, Е. Л. Черкашина / под общ. ред. профессора, доктора культурологии М. А. Дударевой. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 122 с.
11. Пушкин в XXI веке. Сборник в честь Валентина Семёновича Непомнящего. — М.: Русский мир, 2006. — 640 с.
12. Ханукаева, Р. [Электронный ресурс] Пять причин прочитать стихи Шахназ Сайн // ЭКСМО. — URL: <https://eksmo.ru/articles/pyat-prichin-prochitat-stikhi-shakhnaz-sayn-05-24-ID15679884/> (дата обращения: 23.12.2024).

PHILOLOGICAL REFLECTION ON THE BOOK “POETRY IN THE DIGITAL EPOQUE. ENTELECHY OF CULTURE (ESSAYS ON LOVE)”: ONTOLOGICAL STATUS OF THE POET OF XX CENTURY

© 2024 S.A. Kon'kova

Stefania A. Kon'kova, Candidate for Ph.D. Degree at the Department of Russian Language and Intercultural Communication

E-mail: vsem@poezii.ru

*Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia*

The object of the article is the phenomenon of modern poetry. The subject of the research is the relationship between the poet of the 21st century and his ontological status in the digital epoque. The material for the work is the monograph edited by professor of cultural studies M. A. Dudareva “Poetry in the Digital Age. Entelechy of Culture (Essays on Love)”. At the center of the hermeneutic and comparative analysis stands intent academic reading of cult poets referred to the almanac “Poetry Day - 21st Century”. The ontological self of the poet of the 21st century is revealed, emerging through the dominance of screen culture and the triumph of simulacrum. The relevance of the research is due to the need to build a communicative bridge between the avid reader and the modern poet dialoguing with tradition and being estranged from the pop culture. The author of the study pays great attention to natural, archetypal symbols (road, sun, river, rain, winter), metaphorically explaining by them the state of modern poetry. In contrast to the pop idols of 21 century poetry, the culture is undergoing a process of slow but sure return to the poet's ontological self, without the harmful influence of the digitalization. This process requires deep philological reflection.

Keywords: Russian poetry of the 21st century, ontological self, poet of the 21st century, screen culture, Cosmo-Psychology, apophatics, Marianna Dudareva

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-64-70

EDN: RZNQUQ

1. Bahtikireeva, U. M., Valikova, O. A., King, Zh. Translingvizm: kommunikativnyj most ili “kul'turnaja bomba”? (Translinguality: The Communicative Bridge or ‘Cultural Bomb’?) // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. — 2017. — Т. 14. — №1. — С. 116-121.
2. Ben'jamin, V. Izbrannye jesse (Selected Essays) / Nemeckij kul'turnyj centr im. Gjote. — М.: Medium, 1996. — 240 s.
3. Braginskaja, N. V., Shmaina-Velikanova, A. I. Svet vechernij i svet nevechernij // Dva venka: Posvjashhenie Ol'ge Sedakovoju. (The Evening Light and Non-Evening Light // Two Wreathes: A Tribute to Olga Sedakova) of М.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2013. — S. 73-92.
4. Gachev, G. D. Russkij jeros (Russian Eros) [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://philologos.narod.ru/texts/gachev-eros.htm> (data obrashhenija: 23.12.2024).
5. Granceva, N. A. Podborka v zhurnale “Glagol” 2018 na sajte “Chital'nyj zal” (Poetry Works in the “Glagol” journal on “Reading Hall”) [Digital resource]. — URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=22169> (data obrashhenija: 23.12.2024).
6. Evseev, B. T. Pis'mena na kozhe: Opyty i razdum'ja. (Writing On The Skin: Experiments And Thoughts) — М.: Russkij PEN-centr, 2024. — 384 s.
7. Kalmykova, V. V. Tvorcy rechej nedoskazannyh. O pojetah rubezha XX-XXI vekov. (The Creators of Unspoken Speeches. About the Poets of XX-XXI centuries) — М.: Russkij impul's, 2021. — 240 s.
8. Koz'jakova, M. I. [Digital resource] Jevoljucija jekrana: mify sovremennoj kul'tury (The Evolution of Screen: Myths of Modern Culture) // Kul'tura kul'tury. 2018. №1 (17). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ekrana-mify-sovremennoj-kultury> (data obrashhenija: 23.12.2024).
9. Kudimova, M. V. Fobija dlennyh slov: Zapisi 2013-2020 gg. (The Phobia of the Long Words: Notes 2013-2020) — М.: Russkij PEN-centr, Biblio TV, 2023. — 573 s.

10. Pojezija v cifrovuju jepohu. Jentelehija kul'tury (Ocherki o ljubvi): monografija (Poetry of Digital Age. Entelechy of Culture (Essays on Love): monograph / M. A. Dudareva, D. A. Aripova, V. V. Nikitina, E. L. Cherkashina / pod obshh. red. professora, doktora kul'turologii M. A. Dudarevoj. — M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2024. — 122 s.
11. Pushkin v XXI veke. Sbornik v chest' Valentina Semjonovicha Nepomnjashhego. (Pushkin in XXI century. The Collection of Articles in the name of V. S. Nepomnyashchiy) — M.: Russkij mir, 2006. — 640 s.
12. Hanukaeva, R. [Digital resource] Pjat' prichin prochitat' stihi Shahnaz Sajn (Five Reasons to Read the Poems of Shahnaz Sain) // JeKSMO. — URL: <https://eksmo.ru/articles/pyat-prichin-prochitat-stikhi-shakhnaz-sayn-05-24-ID15679884/> (data obrashhenija: 23.12.2024).

УДК 168.522: 821.161.1 (Гуманитарные науки. Культурология / Русская литература)

К ВОПРОСУ О РУССКОМ ШЕЛЛИНГИАНСТВЕ: ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТИУТОПИЯ Е.А. БАРАТЫНСКОГО

© 2024 Н.В. Патроева

*Патроева Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка*

E-mail: nvpatr@list.ru

*Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия*

Статья поступила в редакцию 04.12.2024

Объектом исследования выступают экзистенциальная тема и гипнологические мотивы в русской философской романтической лирике в аспекте ее связи с сочинениями Ф. Шеллинга, немецкой натурфилософией и жанром антиутопии. Материалом анализа является стихотворение «поэта мысли» Е.А. Баратынского «Последняя смерть». Проводятся параллели с библейскими текстами, а также жанром «видения» и поэзией Дж.Г. Байрона (стихотворение «Тьма»). Результаты исследования заключаются в выявлении философского потенциала русской лирики в целом и поэзии Е.А. Баратынского в частности, а также во введении в литературоведческий тезаурус и генристику понятия поэтической антиутопии. Фантастическое полотно Е.А. Баратынского является мрачным пророчеством о будущем Земли. Причиной постепенной деградации цивилизации и вымирания человечества является забвение людьми сферы чувств, гипертрофия рационального начала, разрыв связи с природным миром. Глубоким психологизмом отличается зачин поэтической антиутопии, характеризующий пограничное состояние сознания. Гениальное пророчество в антиутопии Е.А. Баратынского предвосхищает открытия фантастов и философов XX века. Результаты работы могут быть интересны литературоведам, а также при изучении и преподавании курсов философии и истории русской культуры.

Ключевые слова: русская философская лирика, антиутопия, русское шеллингианство, эсхатологические мотивы, романтизм, поэзия пушкинской эпохи

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-71-79

EDN: SXCAED

Введение. Создание «поэзии мысли», которая бы гармонично соединила в себе лирическое начало с «философическим», – задача, поставленная перед отечественной словесностью русскими шеллингианцами, в 1823 г. объединившимися в «Общество любомудрия». Членами этого известного кружка были В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский, Н.М. Рожалин, А.И. Кошелев. К «Обществу» примыкали также С.П. Шевырев, АС. Хомяков, Н.А. Мельгунов, В.П. Титов (о русском шеллингианстве см. работы З.А. Каменского [8], [9]; Т.И. Липич [11]; А. Носова [16]; В.И. Сахарова [17]; О.В. Филатовой [20]; Р. V Rezvykh [28]; W. Setschkareff [31], [32]; а также ряд других изданий [21]; [29]; [30]). В философии Ф. Шеллинга «любомудры» искали ключ к осмыслению национального прошлого и определению путей будущего развития России.

С талантливыми писателями и критиками веневитинского кружка знакомится приехавший в январе 1826 г. в Москву Е.А. Баратынский. 1829–1833 гг. – пора наибольшего увлечения Е.А. Баратынского шеллингианством. Особенно теплые

отношения складываются у поэта с И.В. Киреевским, оставившим нам замечательные своей проницательностью и глубиной разборы произведений «поэта мысли» (однако в 1834 г. по не совсем ясным причинам Киреевский и Баратынский отделились друг от друга, прервалась их переписка).

В предлагаемой статье предпринята попытка выявить глубинный уровень проблемы «Лирика Баратынского и русское шеллингианство» на примере анализа одного из программных произведений «поэта мысли» – стихотворения «Последняя смерть», впервые опубликованного в альманахе А.А. Дельвига «Северные цветы на 1828 год».

История вопроса. Исследователи высказывают различные, порой и полярные, мнения о степени влияния шеллингианских идей на творчество Е.А. Баратынского. При этом равно не выдерживающими критики нам представляются как попытка свести чуть ли не все написанное Баратынским после 1821 г. к идеям Шеллинга (например, W. Setschkareff [32]), так и отрицание сколько-нибудь значительного влияния шеллингианской философии на Баратынского (см., например, Н.Р.

Мазепа [12]). В сохранившихся письмах Е.А. Баратынского находим множество примет внутреннего перелома в его взглядах и настроениях, происходившего не без участия молодого «любомудра». Так, в письме к А.С. Пушкину от января 1826 г. Е.А. Баратынский замечает, правда, не без иронии: «Надобно тебе сказать, что московская молодежь помешалась на трансцендентальной философии. Не знаю, хорошо ли это или худо; я не читал Канта и, признаюсь, не слишком понимаю новейших эстетиков... Не зная немецкого языка, я очень обрадовался случаю познакомиться с немецкой эстетикой. Нравится в ней собственная ее поэзия, но начала ее, мне кажется, можно опровергнуть философически» [3, с. 164-165]. Однако позже, в 1831 г., Баратынский уже призывает Ивана Киреевского «положить на бумагу все, что тот знает о Шеллинге и других отличных людях Германии. Загадывать их не нужно, ибо надо их знать, чтобы ценить их; а многие ли с ними знакомы, не только лично, но и по сочинениям» [3, с. 226-227]. «Нам очень нужна философия» [3, с. 164]. В другом письме И.В. Киреевскому, поддержав его идею о необходимости для России собственной философии, Е.А. Баратынский отмечает: «Всякий писатель мыслит, следовательно, всякий писатель, даже без собственного сознания, - философ. Пусть же в его творениях отразится собственная философия, а не чужая.., и я указываю на современную философию для современных произведений, как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках» [3, с. 207]. Следует упомянуть и о том, что Е.А. Баратынский намеревался, как он сообщал об этом в письме к матери, посетить во время планируемого путешествия в Германию Мюнхен, «ставший теперь Германскими Афинами, ибо город этот - место пребывания Шеллинга, Гейне.., да и почти всех великих умов нашего времени» [3, с. 256].

Прославленный автор психологических элгий 1820-х гг., Е.А. Баратынский на новом этапе своего творчества, как заметил в одном из писем Н.А. Мельгунов, «возвел личную грусть до общего философского значения, сделался элегическим

поэтом современного человечества» [3, с. 431]. И действительно, грандиозное по силе своего художественного воздействия полотно, которое разворачивается перед читателем «Последней смерти», поражает глубиной и пронизательностью взгляда Баратынского-мыслителя.

Методы исследования. В процессе предпринятого в рамках данной работы анализа использовались герменевтический, интертекстуальный и сопоставительный методы, позволяющие интерпретировать содержание, композиционный замысел и жанровую природу произведения, а также выявить возможные реминисценции и аллюзии, связывающие стихотворение «Последняя смерть» с предшествующими и современными ему источниками.

Результаты исследования. Стихотворение, повествующее о «последней судьбе всего живого», является своего рода антиутопией, мрачным пророчеством-предостережением поэта-романтика, утратившего веру в прогресс цивилизации, в возможность установления всеобщей гармонии усилиями «просвещенного разума». Как отмечает Е.М. Неелов, «именно повествовательное начало лирического сюжета и является тем элементом художественной структуры стихотворения, через который научная фантастика проникает в поэзию» [14, с. 100]. Видимо, именно масштабность проблем, поставленных Баратынским в этом его творении, обусловила высказанное современными автору критиками и не получившими впоследствии никакого документального подтверждения мнение, согласно которому «Последняя смерть» является «отрывком из поэмы». Ссылаясь на высказанные в «Московском телеграфе» (1828, № 1, С. 125) и в «Московском вестнике» (1828, № 2, С. 192) мнения рецензентов, С.А. Шахвердов отмечает, что причиной такого восприятия «Последней смерти» «мог послужить не только ее объем, но и размер Я5, приобретший в это время (конец 20-х годов) связи с эпосом» [25, с. 312].

Произведение открывается описанием странного состояния, промежуточного «между уходом из жизни и возвратом к ней» [10, с. 103], между сознанием и бессознательным:

*Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем как волны на него
Одни других мятеежней, своенравней,*

*Видения бегут со всех сторон:
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.*

*Созданье ли болезненной мечты,
Иль дерзкого ума соображение,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуясь подобно облакам
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого [2, с. 137-138].*

Замена местоимения «я» на «он», устранение на время первого лица, отчуждение от самого себя позволяет представить состояние лирического субъекта предельно обобщенно.

«Аналитический метод, созданный романтиками, - подчеркивает В.И. Хрулев, - выявлял психику в ее контрастах, необычных сочетаниях и внутренних переходах... Романтическая диалектика открыла тончайшие стороны духовного мира человека, проникла в область подсознательного и интуитивного» [23, с. 35]. Поэт – избранник, пророк, погруженный в глубины своего «я», путем озарения постигает то, что неподвластно разуму, зрению обычного человека. Творческое сознание, в концепции романтиков, свободно и может выполнять функцию опережающего отражения реальности. Однако поэт ограничен в возможности «перевода» своих прозрений на обыкновенный язык, отсюда – романтическая ирония, подчеркивающая «невывразимость» истины и допускающая иные истолкования, номинации: *Есть бытие; но именем каким Его назвать?..* В этом – скрытая диалогичность, «полифонизм» (в терминах М.М. Бахтина) в монологе лирического «я» (диалог «внутри одного сознания» [7, с. 5-6]), пришедшие на смену декларативности

возводившихся в ранг абсолютной истины суждений поэтов-классицистов.

Воспоминание о древнем «хаосе» («отчизне давней»), из которого вышло все живое и неживое, рождающая прозрение стихия бессознательного в размышлениях Е.А. Баратынского – мотивы, возникшие, несомненно, под влиянием шеллингианских идей. «Родство стихии и человеческой жизни, – указывает И.М. Семенко, – источник натурфилософского оптимизма... Но Е.А. Баратынскому в «Последней смерти» его... «виденье» ...приносит неутешительные откровения» [18, с. 253].

За первыми двумя строфами, посвященными скрупулезному анализу «чудесного», неуловимого мгновения, «ускользающей точки соприкосновения двух миров» [10, с. 103], развертывается описание пророческого видения о будущем Земли. Начальная картина повествует о достижениях «просвещенного» разума, подчинившего себе природные стихии. Лирический субъект наблюдает жизнь будущих людей, находясь не внутри их мира, а как бы с высоты птичьего полета, что придает воссоздаваемой панораме масштабность, всеохватность при отсутствии излишней детализации:

*Сначала мир явил мне дивный сад:
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,*

*Уж рассекал небесные равнины
По прихоти им вымышленных крил;
Всё на земле движением дышало,
Всё на земле как будто ликовало.*

*Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода;
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов и в высоте небес
И в бездне вод сраженный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение! [2, с. 138]*

Победы человека над природой одержаны, однако, ценой нарушения естественных законов. Не случайно модальная частица «как будто» («ликовало») вносит в описание цветущего светлого мира ощущение смутной тревоги, некоего обмана зрения.

Если в первой части стихотворения преобладают абстрактные имена («бытие», «сон», «бдение», «безумие», «разуменье», «смятение», «мечта», «свет», «ум», «соображение», «глубина», «темнота», «судьба», «виденье»), раскрывающие суть удивительного состояния лирического субъекта, то в третьей и четвертой строках преобладает лексико-конкретная, изобразительная, цель

которой - в деталях, с максимальной объективностью и убедительностью передать картину будущего, без искажения правды «откровения», не выдуманного рассказчиком, а нахлынувшего по воле таинственных сил, переданного извне сверхъестественным способом. Таков долг отмеченного свыше избранника, непосредственно постигающего истину, прозревающего грядущее.

Следующий период в истории цивилизации уже не прельщает, а смущает прорицателя, не оправдывая его надежд - достигнутое благо (победа над природой) вдруг оборачивается злом:

*Прошли века. Яснеть очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? что вновь открыто им?
Я гордо мнил, и что же мне предстало?
Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилью дольных благ,
На всё они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах,
Что мысли их, что страсти их, бывало,
Влечением всеильным увлекало.*

*Желания земные позабыв,
Чуждаясь их грубого влечения,
Душевных снов, высоких снов призыв
Им заменил другие побужденья,
И в полное владение своё
Фантазия взяла их бытие,
И умственной природе уступила*

*Телесная природа между них:
Их в Эмпирей и в хаос уносила
Живая мысль на крыльях своих.
Но по земле с трудом они ступали
И браки их бесплодны пребывали [2, с. 139].*

Человечество, отъединившееся от натуры, постепенно деградирует в результате глубокого и неизбежного разрыва между чувством и разумом, вследствие дисгармонии телесной и подавляющей ее умственной природы. Гипертрофия разума, «фантазии», наслаждение завоеванной свободой от материальных нужд, порождают пресыщение, равнодушие, бессилие чувств и желаний. По замечанию Ю. Манна, «вырождение человечества происходит вследствие слишком легкого пользования “благами”, отсутствия напряжения, тревог и борьбы, и ослабления жизненной силы» [13, с. 162].

Интересно, что в этой композиционной части, повествующей о победе «умственного начала», почти отсутствует лексика «вещная». Большой удельный вес слов, называющих отвлеченные субстанции, в этой и других частях стихотворения объясняется, видимо, тем, что Баратынского-

философа занимает не столько изображение в избыточных, случайных подробностях картин будущего мироустройства, сколько выявление, исследование причин, закономерностей, пружин исторического развития, истоков грядущей трагедии, поскольку будущее – ключ к пониманию настоящего. То, что в произведениях антиутопического жанра (в отличие от утопий), аналитическое начало берет верх над описательным, объясняется необходимостью критического рассмотрения, переоценки концепций и схем идеального мироустройства (см.: Т.А. Чернышева [24, с. 324-326]).

Заключительная композиционная часть являет читателю страшную картину вселенского масштаба: Земля без людей, конец человеческой истории и цивилизации, вселенское молчание природы, отомстившей возгордившемуся разуму:

*Прошли века, и тут моим очам
Открылась ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалась живущего судьбина.
Где люди? где? скрывались в гробах!
Как древние столпы на рубежах
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям загложнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье:
Мне слышалось их гладное блеянье.*

*И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дику порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло;
Но на земле ничто его восходу
Произнести привет не могло:
Один туман над ней синев вился
И жертвою чистительной дымился [2, с. 139-140].*

Стихотворение «Последняя смерть», на наш взгляд, может быть вписано в широкий интертекстуальный спектр: начиная с Апокалипсиса Иоанна Богослова, «откровения» становятся

полноправным литературным жанром (анонимные средневековые «видения», некоторые апокрифы и духовные стихи, «Видение о Петре-Пахаре» У. Ленгленда, «Божественная комедия» Данте; в русской поэзии – «Видение Мурзы» Г.Р. Державина, «Сон» В.А. Жуковского, «Тень друга» К.Н. Батюшкова, «Море сна» В.К. Кюхельбекера, «Наполеон» М.Ю. Лермонтова, «Сон» С.П. Шевырева, «Видение» А.С. Хомякова, «Видение» и «Сон на море» (о поэтической гипнологии см., например, работы Д.А. Нечаенко [15]; Л.А. Ходанен [22]) Ф.И. Тютчева и др.).

Если в библейских пророчествах (Иезекииля, Иеремии, Иоили) описывается приход тьмы на опустошенную Землю, то в финале «Последней смерти» «на небосклон светило дня возшло», Солнце и Луна не погашены, апокалиптическим символом является синий туман.

Еще одним вполне вероятным источником «Последней смерти» видится стихотворение Дж. Байрона «Тьма» («The Darkness»), написанное в Женеве в 1816 г., в т. н. «год без лета», когда из-за извержения индонезийского вулкана Тамбора даже в летние дни и в Европе стояли холод, а тьма покрывала небосвод круглосуточно. Стихотворение «Тьма» (или «Мрак») известно в русских журнальных переводах уже, по крайней мере, с 1822 г. (см., например, работы А. Воейкова [4]; М. Вронченко [5]; Ф. Глинки [6]; О. Сомова [19]). Описание чудесного состояния, дающего лирическому герою способность прорицать будущее, у Баратынского в «Последней смерти» (*Есть бытие... Ни сон оно, ни бденье...*) очень похоже на байронический зачин: *I had a dream, which was not all a dream* (буквально: «Мне приснился сон, который не совсем был сном»). Между тем концовка у Байрона, скорее, являет библейское пророчество воцарения вселенской тьмы перед Страшным Судом: *The waves were dead... The moon, their mistress, had expir'd before; The winds were wither'd in the stagnant air, And the clouds perish'd; Darkness ... was the Universe* (буквальный перевод: «Волны были мертвы... Луна, их хозяйка, умерла раньше; Ветры иссякли в застоявшемся воздухе, И облака исчезли; Тьма... была Вселенной»), - в отличие от финала «Последней смерти».

Мотив вечной, самоорганизующейся независимо от воли человека активной природы (природа, по Ф. Шеллингу, самодостаточна, «она есть ее собственный продукт – из себя самой организованное и само себя организующее целое» [26, с. 130]. Природа только кажется пассивной, но, если затронута ее суть, нарушены ее законы, она бурно

реагирует, активно мстит за отношение к себе только как к объекту использования. Природа есть одновременно субъект и объект, цель и средства) и дарованного избранным предвидения могли быть почерпнуты из натурфилософии Ф. Шеллинга, как и восходящая к «Новой науке» Дж. Вико идея сменяющих друг друга исторических циклов, каждый из которых заканчивается распадом прежней системы мира. Так и у Ф. Шеллинга: «... неизбежно приходит время, когда все это великолепие распадается, прекрасное тело существующего мира гибнет, словно от страшной болезни, и в конце концов снова возникает хаос... И так же момент, когда Земля вторично станет станет необитаемой и пустой, явится вновь момент рождения высшего света духа, который от века был в мире, но оставался не понятым действующей для себя тьмой и пребывал в замкнутом органичном откровении... Начало исцеления - состояние ясновидения, даруемое божественным провидением отдельным людям...» [27, с. 125-126]. Однако Е.А. Баратынский, в отличие от Ф. Шеллинга, не дает в финале своей «космической фантазии» [1, с. 15], как и в самом заглавии «Последняя смерть» читателю надежды на обретение погибшим по собственной вине человечеством нового исторического круговорота. Возможно, антиутопическая и апокалиптическая традиция «Последней смерти» была продолжена в «Последнем катаклизме» (1829 г.) Ф.И. Тютчевым и – более века спустя – в стихотворении «Под одним небом» (1960 г.) С. Кирсанова.

Выводы. Итак, Е.А. Баратынский не разделяет оптимизма русских шеллингианцев, но решает важную для него проблему в соответствии с собственным мироощущением. Финал произведения - беспощадный последний приговор «разума великолепному пиру». «Поэта мысли» волнуют «вечные» вопросы бытия: способен ли человеческий разум постигнуть суть вещей, законы природы и истории, безграничен ли его потенциал, возможно ли достижение гармонии общественного и индивидуального, макро- и микрокосма на рациональных началах? Е.А. Баратынский обнаруживает поистине философскую прозорливость в противопоставлении рационального как такового, с одной стороны, и природного, жизненного, чувственного, исторического – с другой, предвосхищая тем самым откровения позднейшей иррационалистической философии XX в.

Философское лирическое произведение Е.А. Баратынского по своей жанровой природе, несомненно, должно быть отнесено к антиутопиям,

обычно ассоциирующимся с эпическим родом и жанром романа. Автор «Последней смерти», споря в прогрессистскими концепциями эпохи Просвещения, развенчивает идеал рационального мироустройства, связанный, как это часто бывает в утопии, с гиперболизацией духовного

начала, с преувеличением созидательной, исключительно положительной роли науки; используя элементы научной фантастики, изображает будущее крушение утопических ценностей и достижений.

1. Альми, И. Л. Идеино-творческие искания Е. А. Баратынского конца 20-х - первой половины 30-х гг. XIX века (анализ лирики) // Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена. – 1966. – Т. 308. Историко-литературный сборник. – С. 3-31.
2. Баратынский, Е. А. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1989. – 464 с.
3. Баратынский, Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. – М.: Правда, 1987. – 480 с.
4. Воейков, А. Тьма: (Из Лорда Байрона) // Новости литературы. – 1825. – Кн. 12, июнь. – С. 172-175.
5. Вронченко, М. Мрак: (Из Байрона) // Атеней. – 1828. – Ч. 2. – № 6. – С. 150-152.
6. Глинка, Ф. Тьма: (Из Байрона) // Соревнователь просвещения и благотворения. – 1822. – Ч. 17. – № 2. – С. 159-164.
7. Гурвич, И. А. О развитии художественного мышления в русской литературе (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Ташкент: ФАН, 1987. – 118 с.
8. Каменский, З. А. Московский кружок Любомудров / З. А. Каменский ; АН СССР, Институт философии. – М.: Наука, 1980. – 327 с.
9. Каменский, З. А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. / З. А. Каменский. М.: Наука, 1980. – 325 с.
10. Лебедев, Е. Тризна: Книга о Е. Баратынском. – М.: Современник, 1985. – 301 с.
11. Липич, Т. И. Русское романтическое шеллингианство первой половины XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 8. – С. 134-137.
12. Мазепа, Н. Р. Е. А. Баратынский. Эстетические и литературно-критические взгляды. – Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1960. – 92 с.
13. Манн, Ю. Необходимость Баратынского // Вопросы литературы. – 1994. – № 1. – С. 135-164.
14. Неёлов, Е. М. Мотивы научной фантастики в современной советской поэзии // Русская литература: сб. ст. – Вып. 6. – Алма-Ата, 1976. – С. 99-104.
15. Нечаенко, Д. А. Фольклорные, мифологические и библейские архетипы в литературных сновидениях XIX-начала XX вв. – М.: Университетская книга, 2012. – 727 с.
16. Носов, А. Философия и эстетика Любомудров // Вопросы литературы. – 1981. – № 9. – С. 247-256.
17. Сахаров, В. И. О бытовании шеллингианских идей в русской литературе // Контекст: 1977. – М.: Наука, 1978. – С. 210-226.
18. Семенко, И. М. Поэты пушкинской поры. – М.: Худ. лит., 1970. – 295 с.
19. Сомов, О. Мрак: (Из сочинений Лорда Байрона) // Благонамеренный. – 1822. – Ч. 17. – № 3. – С. 122-126.
20. Филатова, О. В. О русском шеллингианстве (проблема заимствования философской системы) // Идеи и идеалы. – 2010. – Т. 2. – № 4. – С. 33-38.
21. Философия Шеллинга в России / отв. ред. В. Ф. Пустарнаков. – СПб.: РХГИ, 1998. – 528 с.
22. Ходанен, Л. А. Мотивы и образы «сна» в поэзии русского романтизма // Русская словесность. – 1997. – № 2. – С. 2-8; № 3. – С. 47-51.
23. Хрулев, В. И. Романтизм как тип художественного мышления / В. И. Хрулев. – Уфа : Изд-во БГУ, 1985. – 80 с.
24. Чернышева, Т. А. Природа фантастики. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 331 с.
25. Шахвердов, С. А. Метрика и строфика Баратынского // Русское стихосложение XIX века. – М.: Наука, 1979. – С. 278-328.
26. Шеллинг, Ф. Первый набросок системы натурфилософии для лекций (1799 г.) // Философские науки. Научные доклады высшей школы. – 1973. – №1. – С. 128-133.
27. Шеллинг, Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т. / Пер. с нем. Т. 2. – М.: Мысль, 1989. – 636 с.
28. Rezvykh, P. V. Die Rezeption der Philosophie Schellings in Russland // Philosophisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft. – 2. Halbband. – Freiburg: Karl Alber Verlag, 2003. – S. 347-358.
29. Schellings Anfang in Russland / Sigrun Bielfeldt. – München: Sagner, 2008. – 459 с.
30. Schelling und Russland: Philosophie in überregionalen Netzwerken. // Academia Aktuell. Zeitschrift der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. – München, 2007. – № 1. – S. 22-24.
31. Setschkareff, W. Schellings Einfluss in der russischen Literatur der 20-er und der 30-er Jahre des XIX. Jahrhunderts. – Leipzig: Harrassowitz, 1939. – VI, 106 ss.
32. Setschkareff, W. Zur Philosophischen Lyrik Boratynskij // Zeitschrift für Slavische Philologie. – B. 19. – H. 2. – Leipzig, 1947. – S. 380-389.

TO THE QUESTION OF RUSSIAN SCHELLINGIANISM: POETIC DYSTOPIA BY E.A. BARATYNSKY

© 2024 N.V. Patroeva

Natal'ia V. Patroeva, Doctor of Philological Sciences, Professor,

Head of The Russian Language Department

E-mail: nvpatr@list.ru

Petrozavodsk State University

Petrozavodsk, Russia

The object of the research is the existential theme and hypnological motifs in Russian philosophical romantic lyrics in the aspect of its connection with the works of F. Schelling and the genre of dystopia. The material of the analysis is the poem of the 'poet of thought' E. A. Baratynsky 'The Last Death'. Parallels are drawn with biblical texts, as well as the genre of 'vision' and the poetry of J. G. Byron (poem "Darkness"). The results of the study consist in identifying the philosophical potential of Russian lyrics in general and the poetry of E. A. Baratynsky in particular, as well as introducing the concept of poetic dystopia into the literary thesaurus and genistics. Baratynsky's fantastic canvas is a gloomy prophecy about the future of the Earth. The reason for the gradual degradation of civilization and the extinction of mankind is the oblivion of the sphere of feelings by people, the hypertrophy of the rational principle, the rupture of the connection with the natural world. Deep psychologism distinguishes the beginning of poetic dystopia, characterizing the borderline state of consciousness. The brilliant prophecy in Baratynsky's dystopia anticipates the discoveries of science fiction writers and philosophers of the twentieth century. The results of the work may be of interest to literary scholars, and can also be used in teaching courses on the philosophy and history of Russian culture.

Keywords: Russian philosophical lyrics, dystopia, Russian Schellingianism, eschatological motifs, romanticism, poetry of the Pushkin era

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-71-79

EDN: SXCAED

1. Al'mi, I. L. Ideyno–tvorcheskie iskaniya E. A. Baratynskogo kontsa 20–kh – pervoy poloviny 30–kh gg. XIX veka (analiz liriki) (Ideological and creative searches of E. A. Baratynsky in the late 1920s – first half of the 1930s (analysis of lyrics)) // Uchenye zapiski Leningradskogo gos. ped. instituta im. A. I. Gertsena. – 1966. – T. 308. Istoriko–literaturnyy sbornik. – S. 3–31.
2. Baratynskiy, E. A. Polnoe sobranie stikhotvoreniy (Complete collection of poems). – L.: Sovetskiy pisatel', 1989. – 464 s.
3. Baratynskiy, E. A. Stikhotvoreniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov (Poems. Letters. Memories of contemporaries). – M.: Pravda, 1987. – 480 s.
4. Voeykov, A. T'ma: (Iz Lorda Bayrona) (Darkness: (From Lord Byron)) // Novosti literatury. – 1825. – Kn. 12, iyun'. – S. 172–175.
5. Vronchenko, M. Mrak: (Iz Bayrona) (Gloom: (From Byron)) // Ateney. – 1828. – Ch. 2. – № 6. – S. 150–152.
6. Glinka, F. T'ma: (Iz Bayrona) (Darkness: (From Byron)) // Sorevnovatel' prosveshcheniya i blagotvoreniya. – 1822. – Ch. 17. – № 2. – S. 159–164.
7. Gurvich, I. A. O razvitii khudozhestvennogo myshleniya v russkoy literature (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.) (On the development of artistic thinking in Russian literature (late 18th – first half of the 19th century)). – Tashkent: FAN, 1987. – 118 s.
8. Kamenskiy, Z. A. Moskovskiy kruzhok lyubomudrov (Moscow circle of wisdom lovers) / Z. A. Kamenskiy ; AN SSSR, Institut filosofii. – M.: Nauka, 1980. – 327 s.
9. Kamenskiy, Z. A. Russkaya filosofiya nachala XIX veka i Shelling (Russian philosophy of the early 19th century and Schelling). / Z. A. Kamenskiy. M.: Nauka, 1980. – 325 s.
10. Lebedev, E. Trizna: Kniga o E. Boratynskom (Funeral feast: A book about E. Baratynsky). – M.: Sovremennik, 1985. – 301 s.
11. Lipich, T. I. Russkoe romanticheskoe shellinganstvo pervoy poloviny XIX v. (Russian romantic Schellingism of the first half of the 19th century) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2009. – № 8. – S. 134–137.
12. Mazepa, N. R. E. A. Baratynskiy. Esteticheskie i literaturno–kriticheskie vzglyady (E. A. Baratynsky. Aesthetic and literary-critical views.). – Kiev: Izd–vo Akad. nauk USSR, 1960. – 92 s.

13. Mann, Yu. Neobkhodimost' Baratynskogo (The necessity of Baratynsky) // Voprosy literatury. – 1994. – № 1. – S. 135–164.
14. Neelov, E. M. Motivy nauchnoy fantastiki v sovremennoy sovetskoy poezii (Motifs of science fiction in modern Soviet poetry) // Russkaya literatura: sb. st. – Vyp. 6. – Alma-Ata, 1976. – S. 99–104.
15. Nechaenko, D. A. Fol'klornye, mifologicheskie i bibleyskie arkhetyipy v literaturnykh snovideniyakh XIX–nachala XX vv. (Folklore, mythological and biblical archetypes in literary dreams of the 19th-early 20th centuries) – M.: Universitetskaya kniga, 2012. – 727 s.
16. Nosov, A. Filosofiya i estetika lyubomudrov (Philosophy and aesthetics of the philosophers) // Voprosy literatury. – 1981. – № 9. – S. 247–256.
17. Sakharov, V. I. O bytovanii shellingianskikh idey v russkoy literature (On the existence of Schellingian ideas in Russian literature) // Kontekst: 1977. – M.: Nauka, 1978. – S. 210–226.
18. Semenko, I. M. Poety pushkinskoy pory (Poets of the Pushkin era.). – M.: Khud. lit., 1970. – 295 s.
19. Somov O. Mrak: (Iz sochineniy Lorda Bayrona) (Gloom: (From the works of Lord Byron)) // Blagonamerenny. – 1822. – Ch. 17. – № 3. – S. 122–126.
20. Filatova, O. V. O russkom shellingianstve (problema zaimstvovaniya filosofskoy sistemy) (On Russian Schellingism (the problem of borrowing a philosophical system)) // Idei i idealy. – 2010. – T. 2. – № 4. – S. 33–38.
21. Filosofiya Shellinga v Rossii (Schelling's philosophy in Russia) / otv. red. V.F. Pustarnakov. – SPb.: RKHGI, 1998. – 528 s.
22. Khodaneni, L. A. Motivy i obrazy «sna» v poezii russkogo romantizma (Motives and images of "dream" in the poetry of Russian romanticism Romanticism as a type of artistic thinking) // Russkaya slovesnost'. – 1997. – № 2. – S. 2–8; № 3. – S. 47–51.
23. Khrulev, V. I. Romantizm kak tip khudozhestvennogo myshleniya (Romanticism as a type of artistic thinking) / V. I. Khrulev. – Ufa : Izd-vo BGU, 1985. – 80 s.
24. Chernysheva, T. A. Priroda fantastiki (The nature of fantasy.). – Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1984. – 331 s.
25. Shakhverdov, S. A. Metrika i strofika Baratynskogo (Baratynsky's metrics and strophics) // Russkoe stikhoslozhenie XIX veka. – M.: Nauka, 1979. – S. 278–328.
26. Shelling, F. Pervyy nabrosok sistemy naturfilosofii dlya lektsiy (1799 g.) (First draft of a system of natural philosophy for lectures (1799)) // Filosofskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly. – 1973. – № 1. – S. 128–133.
27. Shelling, F. V. Y. Filosofskie issledovaniya o sushchnosti chelovecheskoy svobody i svyazannykh s ney predmetakh (Philosophical studies on the essence of human freedom and related subjects) // Shelling F. V. Y. Sochineniya: v 2 t. / Per. s nem. T. 2. – M.: Mysl', 1989. – 636 s.
28. Rezvykh, P. V. Die Rezeption der Philosophie Schellings in Russland (The reception of Schelling's philosophy in Russia) // Philosophisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft. – 2. Halbband. – Freiburg: Karl Aber Verlag, 2003. – S. 347–358.
29. Schellings Anfang in Russland (Schelling's beginnings in Russia) / Sigrun Bielfeldt. – München: Sagner, 2008. – 459 c.
30. Schelling und Russland: Philosophie in überregionalen Netzwerken (Schelling and Russia: Philosophy in supra-regional networks.). // Academia Aktuell. Zeitschrift der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. – München, 2007. – № 1. – S. 22–24.
31. Setschkareff, W. Schellings Einfluss in der russischen Literatur der 20-er und der 30-er Jahre des XIX. Jahrhunderts (Schelling's influence in Russian literature of the 1820s and 1830s). – Leipzig: Harrassowitz, 1939. – VI, 106 ss.
32. Setschkareff, W. Zur Philosophischen Lyrik Boratynskij (On Boratynskij's philosophical poetry) // Zeitschrift für Slavische Philologie. – B. 19. – H. 2. – Leipzig, 1947. – S. 380–389.

УДК 168.522: 159.9.072 (Гуманитарные науки. Культурология / Психологические исследования, опыты, эксперименты, тесты, измерения)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2024 А.Н. Леонтьева

Леонтьева Арина Назимовна, аспирант кафедры Педагогики и психологии

E-mail: arinasad11@mail.ru

Самарский филиал Московского городского педагогического университета
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 21.11.2024

В последние годы такая категория психологии, как субъективное благополучие, стала предметом особого внимания учёных и практиков из разных областей научного знания. Такое положение обусловлено актуальностью изучения категории психологического благополучия личности, оказывающего влияние на самые важные аспекты жизнедеятельности человека – физический, духовный, социальный. В данной статье описываются результаты контент-анализа по проблематике субъективного благополучия личности в юношеском возрасте. Испытуемые – студенты Самарского филиала Московского городского педагогического университета в составе 100 человек – 90 девушек и 10 юношей. Студенты обучаются на факультете педагогики и психологии, возраст от 18 до 22 лет. В результате исследования выяснилось, что субъективное благополучие является сложным многокомпонентным феноменом, включающим в себя различные аспекты и являющимся одним из критериев развития целостной гармоничной личности. Автором описываются следующие категории, которые выступают как предикторы личностного благополучия: духовная, эмоциональная и личностная. Изучение субъективного благополучия личности и предикторов, его определяющих, позволит расширить имеющиеся исследования по данной проблематике.

Ключевые слова: психологическое благополучие, субъективное благополучие, самосознание, жизнестойкость, юношеский возраст, удовлетворённость, психологическое благополучие молодежи

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-80-85

EDN: TWKTXU

Введение. С середины XX в. феномен психологического благополучия стал особенно интересен для изучения, что вызвало необходимость рассматривать его многими авторами в различных аспектах современной науки как результат нового витка культурного развития общества.

В процессе исследования вопроса субъективного благополучия ученые делали акцент изучения не столько на самом феномене благополучия, сколько на его внешнем проявлении. Следовательно, исследователи в своих трудах активно занимались изучением факторов, оказывающих влияние на ощущение счастья и общей удовлетворённостью жизнью. К таким факторам относятся физическое и психологическое здоровье, материальное обеспечение, социальное положение и прочие наиболее важные жизненные аспекты.

Исходя из вышесказанного, субъективное благополучие выступает в качестве комплексного показателя, отражающий степень позитивного функционирования личности и уровень удовлетворённости человека своей жизнью и собой.

Результаты исследований продемонстрировали, что для объективного изучения субъективного благополучия особенно значимы такие психологические особенности как черты характера, жизненные ценности, убеждения и т. д.

Перспективы дальнейших исследований видятся как в дальнейшей работе по выявлению психологических предпосылок обретения и сохранения субъективного благополучия, так и в поиске новых теоретических подходов к их пониманию.

В дальнейшем внимание исследователей можно сосредоточить в двух направлениях: изучение и выявление психологических факторов, способствующих сохранению субъективного благополучия, а также разработка новых теоретических концепций для более глубокого понимания этих факторов в рамках общего функционирования гармоничной личности.

Методы исследования. Для изучения предикторов субъективного благополучия личности в юношеском возрасте нами в рамках общекультурологического подхода было проведено эмпирическое исследование посредством метода контент-

анализа эссе «Современный счастливый молодой человек». Выборку данного исследования составили студенты Самарского филиала Московского городского педагогического университета в составе 100 человек – 90 девушек и 10 юношей. Студенты обучаются на факультете педагогики и психологии, возраст от 18 до 22 лет.

История вопроса. В процессе исследования общего благополучия личности и психологических аспектов, способствующих его формированию, мы исходили из подходов известных исследователей отечественной психологии, а также авторов гуманистической и экзистенциальной психологии. В отечественных концепциях подчеркивается важность работы личности над собой на пути обретения психологического благополучия. А.Н. Леонтьев изучал деятельность человека как процесс самореализации за счет наличия определённых мотивов. Л.С. Выготский подчеркивал ведущую роль саморазвития человека, т. к. среда является лишь фактором, в котором будет развиваться человек. Кроме того, автор указывает на обязательный переход из зоны ближайшего развития в зону актуального развития как условия ее полноценного и всестороннего развития [17].

В зарубежной психологии в число таких подходов входят положения, в которых входят полноценное функционирование личности за счет гармонизации и осознания субъективного опыта (К. Роджерс), стремление личности к идентичности (Э. Эриксон), проблема поиска смысла жизни с помощью уникальных ценностей (В. Франкл), самоактуализация как процесс, связанный с гармонизацией своего «Я» за счет удовлетворения определенной иерархии потребностей (А. Маслоу), целостность личности как уникальной системы, несущей в себе внутренний мир человека и определённый набор поведений (К. Левин).

В настоящий момент современные исследователи продолжают изучение субъективного благополучия, доказывая тем самым его актуальность. Д.Я. Федотовских в своем обзорном исследовании по данному феномену рассматривает подходы к его изучению, а также современное состояние проблемы [14].

В работе И.Е. Костюнина исследуется взаимосвязь компонентов психологического благополучия с показателями жизнестойкости. Автором было установлено, что высокие показатели благополучия связаны с потребностью молодых людей в автономии и самопринятии, а средние показатели взаимосвязаны с чувством связности [7].

В исследовании Т.И. Кучиной по особенностям психологического благополучия молодых людей

выявлено, что в современном мире для достижения общего благополучия личности необходима выраженная толерантность к неопределённости, т. к. в условиях постоянно меняющегося мира и нестабильной социальной ситуации молодым людям будет проще приспосабливаться к новым жизненным ситуациям [8].

Возможность опоры на такие механизмы обеспечена психологической спецификой юношеского возраста, его новообразованиями – становлением рефлексивного «Я», личностным и профессиональным самоопределением, достижением идентичности, достижением необходимого уровня психосоциальной зрелости, научного и морального мировоззрения, способности к планированию и формированию жизненных стратегий, саморегуляции личности на основе принятых ею смыслов и ценностей (Э. Эриксон [18], А.Н. Леонтьев [9], Л.Н. Божович [4], К.А. Абульханова-Славская [1], И. Кон [5-6] и др.) [9].

Юношеский возраст является важнейшим периодом для становления личности. Именно на этом возрастном этапе перед молодыми людьми на первый план выходят задачи самоопределения, построения жизненных планов. Найти свое место в мире, реализовать собственный потенциал, профессиональное самоопределение – эти и многие другие задачи предстоит решить молодым людям в юношестве. Помимо этого, в юношестве происходит усложнение системы ценностей, продолжается интенсивное формирование личности.

Именно самоопределение является одним из важнейших новообразований в юношеском возрасте с которым во многом связано субъективное благополучие. Важно дополнить, что самоопределение является сложным и многогранным процессом, в котором молодой человек одновременно следует своим принципам и желаниям и соотносит их с требованиями социума и окружающих [1].

В период юношеского возраста, в «паттерне самосознания в резкой форме происходит усиление процесса рефлексии самопознанию собственной личности, к оценке её возможностей – это условие есть требуемое условие самореализации».

Именно в юности у молодых людей появляется стремление продемонстрировать свою уникальность, оригинальность. В центре внимания оказываются собственные мысли и размышления. Это проявляется в собственной системе ценностей, находящихся свое отражение в личных взглядах и переживаниях [13].

Также в этот период у молодых людей продолжается процесс становления личности, формируется целостное восприятие себя. Происходит переосмысление системы взглядов, принципов и ценностей. Именно от ощущения молодыми людьми счастья или несчастья зависит их самовосприятие и определяется уровень их активности в контексте социальных взаимодействий.

Таким образом, понимание предикторов, способствующих благополучию и устойчивости юношей и девушек в современном мире, имеет решающее значение для их успешной адаптации к меняющемуся миру.

Результаты исследования. В результате обработки данных были выделены следующие наиболее часто встречающиеся контенты, разделенные нами на три категории (таблица 1).

Таб. 1. Предикторы субъективного благополучия в юношеском возрасте
(Predictors of subjective well-being in adolescence)

Единицы анализа		Единицы счёта	
Категории	Подкатегории	Частота упоминания абсолютная, раз	Частота упоминания относительная, %
1-я категория	Постановка и достижение целей	22	15,94
	Гармония с собой	20	14,49
	Самореализация	18	13,04
2-я категория	Стабильный эмоциональный фон	12	8,69
	Окружение близких людей	11	7,97
	Независимость	11	7,97
3-я категория	Хобби	10	7,24
	Ценность момента	9	6,52
	Борьба с препятствиями	9	6,52
	Целеустремленность	8	5,79
	Духовное развитие	8	5,79
Итого		138	100

Из таблицы следует, что в первую категорию вошли такие контенты, как «Постановка и достижение целей», «Гармония с собой» и «Самореализация».

Первая категория контентов описывает субъективное переживание молодыми людьми чувства удовлетворения/неудовлетворения от собственной жизни. Юношеский возраст характеризуется активным становлением личности, личностного и профессионального самоопределения, развитием самопознания. Одним из важных новообразований этого возраста является развитие самопознания, молодые люди стремятся открыть в себе уникальные, новые стороны и предъявить их миру. Важным является формирование жизненной перспективы с приданием ей особого смысла. Происходит осознанное понимание своей жизни и формирование жизненных целей.

Так, находясь в гармонии с своим внутренним миром, молодые люди способны правильно оценить свои потребности и возможности, добиваясь высоких результатов в значимой для них деятельности. Оптимальная идентичность определяется как ощущение человеком «психосоциального благополучия».

Основу составляющих субъективного благополучия составляют позитивное отождествление молодого человека с самим собой, то есть положительное отождествление со своим «Я», осознание актуальной жизненной перспективы и признание своего авторитета среди ближайшего круга близких. Всё это в совокупности способствует успешной самореализации личности молодого человека.

Во вторую категорию вошли контенты «Стабильный эмоциональный фон», «Окружение близких людей» и «Независимость». Следующие

по приоритету категории относятся к эмоциональной составляющей проявления благополучия юношеского возраста. В начале юношеского периода молодые люди начинают постепенно открывать для себя собственный внутренний мир, они погружаются в собственные переживания, им открываются новые горизонты в понимании мира. В этот возрастной период юноши и девушки отличаются глубиной познания, то есть их интересует не только внешняя сторона, но и внутренний, истинный смысл бытия. Так, они становятся особенно восприимчивы к внутренним, психологическим проблемам.

Наличие близкого круга, близких по духу людей так же определяет субъективное ощущение благополучия. В общении референтных сверстников происходит обмен идеями, взглядами, установками и идеалами, которые раскрывают новые возможности для молодых людей.

Важно отметить, что в юношестве молодые люди склонны к категоричности суждений и своеобразному эгоцентризму мышления. Помимо этого – желание переосмыслить всё вокруг, выразить свою уникальность и самобытность, сформировать собственные концепции о смысле жизни также характеризует данный возрастной период.

Важным компонентом, который также отражается на субъективном переживании благополучия и неблагополучия молодых людей, является автономия. Автономия как стремление к независимости в разных аспектах жизни подразделяется на эмоциональную, поведенческую, когнитивную и ценностную. Независимость и желание доказать свою самобытность проявляется в определённых поведенческих реакциях по отношению к другим. Успешное сочетание в себе описанных составляющих обеспечивает стабильный эмоциональный фон, оказывающий влияние на субъективное благополучие личности.

В третьей категории были выделены следующие контенты: «Хобби», «Ценность момента», «Борьба с препятствиями», «Целеустремленность» и «Духовное развитие». Продолжают иерархию контенты, сочетающие в себе описание общей любви к жизни, стремление к саморазвитию и неизменной борьбе с препятствиями, которые встречаются у каждого на пути. Список завершает духовное развитие, характеризующееся не только когнитивной стороной, но и духовной, моральной оценкой себя и своей жизни. Так, перечисленные контенты относятся к психологической составляющей вовлеченности в жизненный

процесс, определяющий степень осмысленности жизни.

Ценность момента в юношестве связана с формированием ценностно-смысловых ориентаций и расширением временной перспективы.

Важным аспектом является тот вид деятельности, который молодой человек выбрал для себя актуальным, деятельность, в которой он развивается как личность. Для совершенствования того или иного вида деятельности необходим определенный набор ценностей и мотивов, которые будут направлять и определять успешность ее выполнения.

В связи с важностью ценностно-смысловых ориентаций в юношестве расширяется временная перспектива, а именно: молодые люди не ограничиваются пребыванием в настоящем, особенно значимым для них становится ближайшее будущее, охватывающее личные перспективы.

Описанные категории составляют содержание духовного развития. Важнейшая психологическая составляющая в юношестве – это нравственно-духовное развитие молодых людей, в процессе которого формируются внутренние предпосылки и мотивация к созданию и укреплению личных духовно-нравственных принципов и установок. Формирование нравственности и духовности способствует также интеллектуальному развитию посредством рефлексии и самосознания. Основу данных принципов и установок составляют актуальные потребности юношей и девушек, связанные с их отношением к себе и к миру. Это потребности в выражении своих ценностей и установок, потребность в самопознании, творческом преобразовании собственной жизни, в самореализации.

Выводы. В результате проведенной работы можно заключить следующее: юношеская пора является особенно значимой в контексте общего развития личности. Молодые люди становятся особенно чувствительны к внутренним и внешним изменениям, трансформируются система ценностей, меняются приоритеты. Акцент смещается на собственную жизнь, важным становится построение ближайшего будущего, поиск своего места в жизни, выработка мировоззрения. Юность – это время ответственных решений, когда тот или иной выбор способен повлиять на всю дальнейшую судьбу человека. Ощущение субъективного благополучия во многом будет определяться теми составляющими, которые актуально значимы для молодого человека и тем, в какой степени они будут реализованы. Основными пре-

дикторами, обеспечивающие субъективное благополучие личности студенческой молодежи, выступают самореализация, независимость, наличие близких людей, гармония с собой и духовное развитие. Понимание основных предикторов,

определяющие ощущения счастья молодых людей в столь важном этапе их жизни, позволит грамотно выстроить работу с ними и расширить уже имеющиеся исследования по данной проблематике.

1. Абульханова-Славская, К. А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни [Текст] / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Просвещение, 2007. – 321 с.
2. Архангельский, Л. М. Ценностные ориентации и нравственное развитие личности / Л.М. Архангельский. – М.: Педагогика, 1978. – 64 с.
3. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс, пер. с англ. – Москва: Прогресс, 1986 – 421 с.
4. Божович, Л. И. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович; под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: МО ДЕК, 1995. – 352 с.
5. Кон, И. С. Психология ранней юности / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989 – 255 с.
6. Кон, И. С. Молодежь / И.С. Кон // БСЭ. 3-е изд. Т. 16. – М., 1974. – 320 с.
7. Костюнин, И. Е. Связь психологического благополучия и жизнестойкости личности в юношеском возрасте / И. Е. Костюнин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 19 (414). – С. 398-407.
8. Кучин, Т. И. Психологическое благополучие молодых людей в изменяющемся мире // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – №3. – С.72-80.
9. Леонтьев, Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. – С. 14-37.
10. Олпорт, Г. Становление личности: Г. Олпорт; Под общ. ред. Д.А. Леонтьева; Пер. с англ. Л.В. Трубицыной, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 461 с.
11. Роджерс, К. Становление человека / К. Роджерс. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 478 с.
12. Селигман, М. Новая позитивная психология. – М.: София, 2006. – 368 с.
13. Толстых, Н. Н. Роль временной перспективы в развитии личности и индивидуальности в юношеском возрасте [Текст] / Н.Н. Толстых // Научные основы прикладной психологии. – М. Академия, 1988. – 152 с.
14. Федотовских, Д. Я. Психологическое благополучие: проблемы и подходы к исследованию / Д. Я. Федотовских. – Текст : непосредственный // Исследования молодых ученых : материалы XVI Междунар. науч. конф. (г. Казань, январь 2021 г.). – Казань : Молодой ученый, 2021. – С. 64-66.
15. Франкл, В. Человек в поисках смысла: введение в логотерапию [Текст] / В. Франкл. – М.: Прогресс, 2000. – 366 с.
16. Фромм, Э. Искусство быть. – М.: АСТ, 2013. – 224 с.
17. Шорина, К. В. Характерные особенности субъективного благополучия в юношеском возрасте / К.В. Шорина / Молодежь. Наука. Общество: Электронный сборник материалов всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции. – Тольятти: Издательство ТГУ. - 1 оптический диск. – 2018. – С. 385-387.
18. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон, пер. с англ. – Москва: Прогресс, 1996. – 344 с.

PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF SUBJECTIVE WELL-BEING OF STUDENTS

© 2024 A.N. Leontyeva

Arina N. Leontyeva, Postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology

E-mail: arinasad11@mail.ru

Samara Campus of the «Moscow city university»

Samara, Russia

In recent years, such a category of psychology as subjective well-being has become the subject of special attention of scientists and practitioners from various fields of scientific knowledge. This situation is due to the relevance of studying the category of psychological well-being of an individual, which influences the most important aspects of human life - physical, spiritual, social. This article describes the results of content analysis on the issue of subjective well-being of an individual in adolescence. The subjects are students of the Samara branch of the Moscow City Pedagogical University, consisting of 100 people - 90 girls and 10 boys. Students study at the faculty of pedagogy and psychology, aged from 18 to 22 years. The study revealed that subjective well-being is a complex multicomponent phenomenon that includes various aspects and is one of the criteria for the development of a holistic harmonious personality. The author describes the following categories that act as predictors of personal well-being: spiritual, emotional and personal. The study of subjective well-being of an individual and the predictors that determine it will allow us to expand existing research on this issue.

Keywords: psychological well-being, subjective well-being, self-awareness, resilience, adolescence, satisfaction, psychological well-being of young people

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-80-85

EDN: TWKTTY

1. Abul'khanova-Slavskaia, K. A. Zhiznennye perspektivy lichnosti (Life Prospects of the Individual) // *Psikhologiya lichnosti i obraz zhizni* [Tekst] / K.A. Al'bukhanova- Slavskaia. – M.: Prosveshchenie, 2007. – 321 s.
2. Arkhangel'skii, L. M. Tsennostnye orientatsii i нравственное развитие личности (Value Orientations and Moral Development of the Individual) / L.M. Arkhangel'skii. – M. : Pedagogika, 1978. –64 s.
3. Berns, R. Razvitie Ia-kontseptsii i vospitanie (Development of the Self-Concept and Education) / R. Berns, per. s angl. – Moskva: Progress, 1986 – 421 s.
4. Bozhovich, L. I. Problemy formirovaniia lichnosti (Problems of Personality Formation) / L.I. Bozhovich; pod red. D.I. Fel'dshteina. – M. : Institut prakticheskoi psikhologii, Voronezh : MO DEK, 1995. – 352 s.
5. Kon, I. S. Psikhologiya rannei iunosti (Psychology of early youth) / I.S. Kon. – M. : Prosveshchenie, 1989 – 255 s.
6. Kon, I. S. Molodezh' (Youth) / I.S. Kon // BSE. 3-e izd. T. 16. – M., 1974. –320 s.
7. Kostiunin, I. E. Sviaz' psikhologicheskogo blagopoluchii i zhiznestoikosti lichnosti v iunosheskom vozraste (The relationship between psychological well-being and personality resilience in adolescence) / I. E. Kostiunin. – Tekst : neposredstvennyi // *Molodoi uchenyi*. – 2022. – № 19 (414). – S. 398-407.
8. Kuchin, T. I. Psikhologicheskoe blagopoluchie molodykh liudei v izmeniaiushchemsia mire (Psychological well-being of young people in a changing world) // *Obshchestvo: sotsiologiya. psikhologiya. pedagogika*. – 2022. – №3. – S.72-80.
9. Leont'ev, D. A. Schast'e i sub"ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniu poniatiiinogo polia (Happiness and subjective well-being: towards constructing a conceptual field) // *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. – 2020. – № 1. – S. 14-37.
10. Olport, G. Stanovlenie lichnosti (Formation of personality): G. Olport; Pod obshch. red. D.A. Leont'eva; Per. s angl. L.V. Trubitsynoi, D.A. Leont'eva. – M. : Smysl, 2002. – 461 s.
11. Rodzhers, K. Stanovlenie cheloveka (Formation of man) / K. Rodzhers. – M.: Progress: Univers, 1994. – 478 s.
12. Seligman, M. Novaia pozitivnaia psikhologiya (New Positive Psychology). – M. : Sofiya, 2006. – 368 s.
13. Tolstykh, N. N. Rol' vremennoi perspektivy v razvitii lichnosti i individual'nosti v iunosheskom vozraste (The Role of Time Perspective in the Development of Personality and Individuality in Adolescence) [Tekst] / N.N. Tolstykh // *Nauchnye osnovy prikladnoi psikhologii*. – M. Akademiia, 1988. – 152 s.
14. Fedotovskikh, D. Ia. Psikhologicheskoe blagopoluchie: problemy i podkhody k issledovaniiu (Psychological Well-Being: Problems and Approaches to Research) / D. Ia. Fedotovskikh. – Tekst : neposredstvennyi // *Issledovaniia molodykh uchenykh : materialy XVI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', ianvar' 2021 g.)*. – Kazan' : Molodoi uchenyi, 2021. – S. 64-66.
15. Frankl, V. Chelovek v poiskakh smysla: vvedenie v logoterapiiu (Man's Search for Meaning: Introduction to Logotherapy) [Tekst] / V. Frankl. – M.: Progress, 2000. – 366 s.
16. Fromm E. Iskustvo byt' (The Art of Being). – M. : AST, 2013. – 224 s.
17. Shorina, K. V. Kharakternye osobennosti sub"ektivnogo blagopoluchii v iunosheskom vozraste (Characteristic Features of Subjective Well-Being in Adolescence) / K.V. Shorina / *Molodezh'. Nauka. Obshchestvo: Elektronnyi sbornik materialov vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii*. – Tol'iatti: Izdatel'stvo TGU. – 1 opticheskii disk. – 2018. – S. 385-387.
18. Erikson, E. Identichnost': iunost' i krizis (Identity: Youth and Crisis) / E. Erikson, per. s angl. – Moskva: Progress, 1996. – 344 s.

УДК 168.522: 821.161.1 (Гуманитарные науки. Культурология / Русская литература)

**ФУТУРОЛОГИЧЕСКОЕ РОССИЕВЕДЕНИЕ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ К.Д. БАЛЬМОНТА
И РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ Н.А. БЕРДЯЕВА
(ЭТОСЫ РЕТРОСПЕКТИВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОДОМАШНЕННОГО ВРЕМЕНИ)**

© 2024 В.П. Океанский¹, Ж.Л. Океанская²

Океанский Вячеслав Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства

E-mail: ocean_65@mail.ru

Океанская Жанна Леонидовна, профессор, доктор культурологии, профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций

E-mail: ocean_2004@mail.ru

¹Шуйский филиал Ивановского государственного университета
Шуя, Россия

²Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России
Иваново, Россия

Статья поступила в редакцию 01.12.2024

Авторы осуществляют сопоставление руссиеведческих рефлексий поэта и философа на предмет тематизации будущего России. Бальмонт оказывается существенно близок инволюционистскому типу геновского традиционализма, в принципе не оставляющего никаких внутризонаических шансов реновации – в то время как Бердяев, пребывая в парадигме Модерна, уповает на сохраняющиеся сквозь исторические катастрофы культурно-цивилизационные возможности самобытного российского мира. Само углублённое и принципиальное сближение Бальмонта как поэта и литератора с крупномасштабным религиозно-философским тематическим размахом и Бердяева как религиозного философа, работающего более в писательской манере и стилистике подчёркнутого экспрессионизма, осуществляется здесь впервые. Хотя эсхатологическое руссиеведение, столь очевидное у каждого из них, просто невозможно было обойти ни в одном серьёзном и обстоятельном исследовании наследия каждого из них в отдельности, в том числе и авторами настоящей статьи. Интересно, что, при всей несомненной близости этих ярчайших современников, перед нами предстают два совершенно различных и даже противоположных этоса. Близость их жизненных миров только подчёркивает эти расходящиеся тропы из единого сада, в данном случае – как два пути: в прошлое и в будущее, и нельзя сказать, что одно может быть значительнее другого, ибо и будущее время когда-нибудь прогорит в истории, равно как и время прошлое останется в своей внутренней свершённости сбывшимся событием, в котором можно увидеть запечатлённым таинственный ответ близкой вечности.

Ключевые слова: этосы, время, ретроспекция, перспектива, эсхатология, будущее России

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-86-95

EDN: RWGQPR

Введение. Не только впечатляющее внешнее сходство К.Д. Бальмонта и Н.А. Бердяева на некоторых фотографиях, но и глубокое эсхатологическое единство в основе их миропониманий – вдохновили нас на сближение поэта и мыслителя: их 150-летние юбилеи в эпохальном времени не отстоят друг от друга так уж далеко – однако же их руссиеведческие рефлексии окрашены существенным историософским различием этосов ретроспективы и перспективы одомашненного времени.

История вопроса. Само углублённое и принципиальное сближение Бальмонта как поэта и литератора с

крупномасштабным религиозно-философским тематическим размахом и Бердяева как религиозного философа, работающего более в писательской манере и стилистике подчёркнутого экспрессионизма, осуществляется здесь впервые. Хотя эсхатологическое руссиеведение, столь очевидное у каждого из них, просто невозможно было обойти ни в одном серьёзном и обстоятельном исследовании наследия каждого из них в отдельности, в том числе и авторами настоящей статьи.

Интересно, что, при всей несомненной близости этих ярчайших современников, перед нами предстают два совершенно различных и даже противоположных этоса. Близость их жизненных миров только подчёркивает эти расходящиеся тропы из единого сада, в

данном случае – как два пути: в прошлое и в будущее, и нельзя сказать, что одно может быть значительнее другого, ибо и будущее время когда-нибудь прогорит в истории, равно как и время прошлое останется в своей внутренней свершённости сбывшимся событием, в котором можно увидеть запечатлённым таинственный ответ близкой вечности.

Методы исследования. В исследовании авторы используют феноменологические, компаративистские, герменевтические и метафизические стратегии работы с изучаемым материалом.

Результаты исследования. Не вызывает сомнений центральное местоположение Шуйского локуса в бальмонтовском космосе, по всем признакам представляющем собою нестационарную вселенную [Нарликар, 1985], огненную, ветвящуюся и плюральную («думаю, как много есть вселенных» [Бальмонт, 1990, с. 94]) онтологическую среду, в которой жил его поэтический гений, где бы и в каких бы местах Константин Дмитриевич ни находился и ни странствовал по земле. В этом он может быть в чём-то самом существенном уподоблен Гераклиту Эфесскому, который жил,

конечно, не столько в своём древнегреческом полисе – сколько в античном космосе: в родном полисе он не смог жить – и, подобно преп. Исааку Сирию полтора тысячелетия спустя, ушёл в горы... А вернувшись к людям, заболел, и уже не смог вылечиться даже самыми эффективными земными средствами [Фрагменты ранних греческих философов 1989]. Напомним, что к образу Гераклита и к его учению о космических стихиях поэт обращается в самом начале своего руссиеведческого эссе «Волга», начиная с гераклитовского эпиграфа к нему [Бальмонт, 1990, с. 250] – однако же, именно Бальмонт, похоже, никак не изведаль этого геолокального сиротства эфесского мудреца.

Важнейшим обстоятельством восприятия родины как райского идиллического локуса оказывается любовь его родителей: «птицебыстрой» матери, жизненный мир которой – «сад жар-птицы» [Бальмонт, 1990, с. 226], и «Божески кроткого» отца, «возросшего в лесных чащах» [Бальмонт, 1990, с. 228] – память о них была благодушно пронесена поэтом через всю жизнь:

*Зачем Москва? Но я в деревне,
В моей, рождён, люблю её.
В ней мать, отец, в ней всё моё.
Подобна сказочной царевне
Любая бабочка в саду.
Здесь всю Россию я найду [Бальмонт, 1990, с. 243].*

Опыт бальмонтовского руссиеведения начинается не в престольных градах, обращённых к эсхатологическому грядущему, но «в лесном уголке, который до последних дней жизни, - признавался поэт, - буду вспоминать, как райское, ничем не нарушенное радование жизнью» [Бальмонт, 1990, с. 246]. Впечатляет глубочайшая сроднённость этого идиллического локуса с образами родителей поэта: «Из всех людей моя мать, высокообразованная, умная и редкостная женщина, оказала на меня в моей поэтической жизни наиболее глубокое влияние. Она ввела меня в мир музыки, словесности, истории, языкознания. Она первая научила меня постигать красоту женской души, а этой красотой, - полагаю, - насыщено всё моё литературное творчество. Совсем иное сильное влияние, - и, может быть, ещё более заветное, - оказал на меня отец, необыкновенно тихий, добрый, молчаливый человек, ничего не ценивший в мире, кроме вольности, деревни, природы и охоты. Не сделавшись сам охотником – с ним, ещё в самом начальном детстве, я глубоко проник в красоту лесов, полей, болот и лесных рек,

которых так много в моих родных местах» [Бальмонт, 1990, с. 246 – 247]; «...я закрепил на всю жизнь то, что было начато в тихой деревеньке пятилетним ребёнком» [Бальмонт, 1990, с. 249]; «...я полагаю, что в самом серьёзном и глубоком смысле мои первые шаги всё продолжают и ныне» [Бальмонт, 1990, с. 250], - пишет поэт на самом исходе 20-х годов XX в.

Однако же идиллическим топосом, при всей его значительности, далёко не исчерпывается бальмонтовское руссиеведение – остаётся совершенно недостаточным семантическое ознаменование роли его поэтической космологии, поднимающейся на высоты религиозно-философских рефлексий начала XX века, но исходно проявленной именно в родном локусе, метафизически осмысленном, воспетом и «всегда желанном» [Куприяновский, Молчанова, 2014, с. 48]. Бальмонт максимально отражает его катастрофическую динамику на излёте Нового времени и пороге грядущего вступления в иную мировую эпоху, которой уже всецело принадлежит, например, гений Андрея Тарковского, вместе со своим

Сталкером вступающий в зону предстоящих человечеству глобальных всеокалывающих трансформаций [Океанский, Океанская, 2017] – тогда как поэт ещё смотрит на новый мир глазами человека XIX века...

Бальмонт имеет ключевое отношение к метафизике города Шуя, получившего в его художественной мифологии имя Шушун: в его поэтическом космизме происходит небывалое расширение сознания, включающее тихий и древний уголок русской земли с «родными северными дымами» в космоцентрированную макроисторию человечества, а пределы его жизненного мира

оказываются не просто «раздвинуты», но и буквально обрушены в непостижимые пропасти нестационарной вселенной. Существуют устоявшиеся поверхностные представления об исключительно соляном характере бальмонтовского художественного мира – однако же таковые являются весьма односторонними, ибо в нём крупномасштабно раскрываются символическая энергетика надвинувшейся ночи [Океанский, Океанская, 2013] и всегда сопутствующие ноктурну характерологические качества непроницаемой тайны, трепета, ужаса, зыби и бездны:

Я люблю чарования Дня.

Но безмерно все таинства Ночи богаче [Бальмонт, 2016, с. 332], –

пишет об этом сам поэт. Эта же мысль встречается и в автобиографическом романе Бальмонта «Под новым серпом»: «У дня много звонких и явных чудес, которые открыты каждому. У ночи их больше, но они известны немногим, и далеко не все» [Бальмонт, 2010, т. V, с. 228].

Нам близки соображения французского последователя глубинной психологии К.-Г. Юнга Ж. Дюрана, который после «гимнов ночи» ницшевского Заратустры и шеллинговского Бонавентуры ввёл в интеллектуальный оборот идею

качественного различия социокультурных комплексов дня и ночи – диурна и ноктурна [Durand, 1964], при этом ночной свет отворяет сознание звёздным мирам, не зримым в свете дня. Но именно в «блестящих звёздностях» Бальмонт видит неутоляемое изнутри существования «бешенство страданья» – в том же смысле французский философ Д. Холье указывал на «зловещий смысл праздника», в недрах которого были всегда отверсты двери для «незримых боен» [Холье, 1994]:

Лучист дворец небес,

но он из тяжких плит [Бальмонт, 1990, с. 94].

В мерцающем свете такой крайне драматичной картины мира, очевидно, доминирующей в бальмонтовском наследии, остаётся вопрос о судьбе и смысле существования человечества и о будущем России.

В наиболее позитивном ключе по отношению к всепоглощающей зыби существования у поэта предстаёт, пожалуй, лишь *неославянофильская тема*, почерпнутая в начале XX века (когда, по мысли В. Ф. Эрн, само «время

славянофильствовало») из предыдущего столетия и воскресившая в русской религиозной философии, как отчасти и ныне, замечательные труды А. С. Хомякова и Н. Я. Данилевского; сам этот феномен связан с чаянием метафизического проявления в историческом времени, говоря словами Ю.В. Мамлеева, «России вечной» [Мамлеев, 2020] – её проступании в неопределённом пока ещё грядущем русского мира:

О, Русский колокол и вече,

Сквозь бронзу серебра полёт.

В пустыне я – лишь вскрик Предтечи,

Но Божий Сын к тебе идёт [Бальмонт, 2010, т. IV, с. 33].

С этим последним образом, существенно напоминающим блоковскую христологию, завершающую недопонятую поэму «Двенадцать»: «Впереди Исус Христос!» [Блок 1960, с. 359] – связан в поэтическом мире Бальмонта поворот от

нижнего хаоса к некоей вертикальной оси символических смыслоформ, проступающей в мировых водах как бы сквозь туман или блоковское «вьюжное» марево:

*И вот чужой мне Океан,
Хоть мною Океан любимый,
Ведёт меня от южных стран
В родные северные дымы.
И я, смотря на пенный вал,
Молюсь, да вспрянет же Россия,
Чтоб конь Георгия заржал,
Топча поверженного Змия!* [Бальмонт, 2010, т. IV, с. 27].

Однако такая метафизическая Русь или небесная Россия всё-таки более всего подобна платоновской идее, которая в предвкушении вечного Пира не находит пока отчётливого культурно-исторического воплощения и остаётся в хаосмосе

первобытных космогоний, а державинскому пессимизму всепоглощающей «реки времён» даётся в противовес своеобразная неославянофильская футурология, смыкающаяся с архаической космогонией всепорождающего божественного мига:

*Русь – русло реки всемирной,
Что дробится вновь, – и вновь
Единится в возглас пирный: –
«Миг вселенский приготовь!»*

*Русь – русло реки свободной,
Что, встречая много стран,
Тихо грезит зыбью водной: –
«Где окружный Океан?»* [Бальмонт, 2010, т. III, с. 430].

Таким образом, мы можем сказать, что и грозящая гибелью зыбь существования, безжалостно пожирающая всё, что становится её достоянием, в метафизической структуре Целого – глубоко

плодотворна и существенно напоминает «воды вечности» ведической традиции.

Однако и полное отчаяние россиеведческих рефлексий было знакомо поэту:

*Мне кажется, что я не покидал России
И что не может быть в России перемен.
И голуби в ней есть. И мудрые есть змии.
И множество волков. И ряд тюремных стен.
Грязь «Ревизора» в ней. Весь гоголевский ужас.
И Глеб Успенский жив. И всюду жив Щедрин.
Порой сверкнёт пожар, внезапно обнаружась,
И снова пал к земле земли убогий сын...
И кровь течёт не в счёт, и слёзы как вода* [Бальмонт, 1990, с. 240], –

таков «дурной сон» Бальмонта о «власти земли»...

В целом Бальмонтская Россия – хранилище уходящего диурна перед всеобщим погружением человечества во мрак; и только свет родины как будто бы обещает чудесное преображение, хранит его как непостижимую до неведомого срока благодатную возможность. Здесь исследуемая тематика в существенной части смыкается с проблематикой метафизического краеведения позднего М. Хайдеггера [Океанский, Океанская, 2009, с. 476 – 480] и, конечно, полностью вписывается в структуру идиллического топоса, генетически обуславливающего её и обнажающего

поэтическую эсхатологию. Дело в том, что у Бальмонта Шуйский локус представлен не столько исторически и урбанистически («ушла в затон созвенность стройных зданий» [Бальмонт, 2015, с. 72]), сколько именно идиллически – как райский сад, благодатное прабытие, утраченное и незабвенное, и потому он из реально провинциального становится престольным. В этой нестационарной, меонизированной и распадающейся вселенной он сам по себе оказывается собирающим космосом, или можно сказать, что нестационарный космос Бальмонта вращается вокруг него как неподвижного сакрального центра. При всей

беспримерной космичности бальмонтовского мифомышления, впечатляет его по-античному софийный антропологический геоцентризм (поэт, погружаясь в космические провалы, вспоминает о том, что «был сыном Земли» [Бальмонт, 1914, с. 4]): земные цветы для Бальмонта не менее важны, чем небесные звёзды – современный исследователь пишет о бальмонтовской «религии звёзд и цветов» [Крохина, 2013, с. 62]. И Шуйский локус для него насыщен этим растительным символизмом: это прежде всего – сады, полевые, луговые и лесные цветы, а вселенная – пропасти и бездны, зыби и мглы. Вселенная Бальмонта – меональна, а земля – космизируется, тотальность ничтожит и сама ничтожится – Шуйский же локус становится космически центральным, оказывается точкой сакральной генерации мировой оси. Земля оказывается, пожалуй, высшей областью мироздания, тогда как вся бездонность колышущейся вселенной, необратимо влекущая в свою пучину, пребывает ниже, где-то у подножия возвышающейся земли... Таким образом возрождается своеобразный геоцентризм, отринутый в картине мира Нового времени.

Именно через наследие Бальмонта Шуйский локус может быть убедительно прочитан как «малая родина» русского символизма. Если последний понимать конгениально самому поэту, то перед нами – не просто одно из направлений в истории эстетики рубежа XIX – XX вв., предшествующее акмеизму, футуризму и т. д., но целостное универсальное миропонимание, утраченное на эгологических путях становления планетарной антропоцентрической цивилизации, хотя и хранимое в зёрнах культуры, щедро просеянных в самобытных локусах ветвящейся макроистории. Бальмонт как раз в этой связи называет О. Шпенглера «своим умственным братом» [«Мы встретимся ...» Письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской, с. 354] – таким образом выражая столь значимые сегодня идеи многополярности, ризоматической тотальности и цветущей сложности. Усвоение последних через активизацию символических фигур космоса Бальмонта и их ментальное ознаменование имело бы куда более органический характер для Шуйского региона, чем движение в арьергарде обоза планетарной инновационной метаполитики.

Конечно, «античный космос» всегда был неизмеримо уютнее для мыслящего сознания той самой «неистовой вселенной», где отпущено жить поколениям современных нам людей и целых народов, превращённой в планету земли [Лосев,

1993] – тем ценнее и весомее становится идея исходной космичности родины на фоне всё более обесмысливающих жизнь неисчислимых хаосогенных инноваций и навязчивых косметизаций реальности. И если верно, что Новое время в значительной степени фальсифицировало ужасы Средневековья, на что по-разному указывали крупнейшие авторитеты цивилизационной мысли [Гвардини, 1990; Генон, 1991], то ещё более правдоподобным представляется, что запустившее саму идею макроисторического прогресса Осевое время оклеветало палео-историю и архаику, чему так же имеются убедительные подтверждения в культурологической науке, по-своему реабилитирующие первобытность [Ортега-и-Гассет, 1991], когда «жизнь во вселенной пробудилась с рождением человека» [Элиаде, 1987, с. 68].

Бальмонт очень глубоко прочувствовал эти метафизические ретроспекции не только при создании поэтического цикла «стихийных гимнов» под общим названием «Литургия Красоты» (1905 г.), но и когда на страницах автобиографического романа «Под новым серпом» (1923 г.) вкладывал в уста своего любимого собеседника – польского традиционалиста Сигизмунда Казимировича Огинского – такие слова, сказанные им на пороге XX века: «Каждая революция есть грязь и кровь. Каждая революция есть вулканическое извержение гнева, и огонь этого извержения есть разрушение, и дым его – торжествующее невежество и разнузданная низость. Гнев злобы не есть разрешение трудового вопроса, и ликующее бешенство толпы, а революция есть толпа с шайкой властолюбивых коноводов – всегда топчет в грязь человеческое достоинство и человеческую мысль. Та великая бойня, которая нашла своих идеологов и называется Великой Французской революцией, в действительности есть ничто иное, как позорящее людей, кроваво-чёрное пятно. Но там были ещё характеры и некоторые мысли. Когда революция явит своё лицо Медузы в нашей России, это будет исполинская пугачёвщина и ничего больше. Города превращённые в сумасшедшие дома и деревни превращённые в разбойные гнёзда... Не берусь быть пророком, но худшее совершается в истории легче, чем благое. У меня на это особый взгляд. Я думаю, что, вообще, человеческая мысль пошла по совершенно ложной дороге. Машина есть изобретение Дьявола. То, в чём видят усовершенствование, приведёт к гибели... Простота и святость человеческих отношений систематически исчезают всюду на Земле. Отторжение от благой связи с Природой всё более

становится правилом жизни. Машины существовали всегда, но только как необходимое дополнительное орудие. А вот уже лет пятьдесят, пожалуй, больше, как машина стала из орудия господином. Неограниченное развитие машинного производства, неизбежное развитие усовершенствования машин, создаёт машинные чувства. Всё становится машинным. Так в Европе и Америке, так будет и в России. Простодушные деревни или вымирают или превращаются в города. Города превращаются в душные казармы и фабрики. Лишённый пастбищ, скот, согнанный на убой, воет, ревет и сумасшествует. Камень и железо, душные клетушки, фабричные трубы и компании пауков разного калибра... Если революция придёт, она придёт отсюда, и тогда фабричные души по-фабричному распорядятся, как с мёртвым материалом, со всем, что в человеческой жизни есть живого» [Бальмонт 2010, т. V, с. 351 – 352].

Таким образом, мы видим, что в автобиографическом романе «Под новым серпом» приоткрывается грядущая полная деградация российского мира, причем, с той последующей ужасающей перспективой продолжения иссякающей человеческой истории, в которой уже нет России.

Переходя к Бердяеву, отметим сразу, что его подчёркнутый в историософском и космологическом измерениях эсхатологизм [Бердяев, 1994; Бердяев 2007; Бердяев 2004] существенно близок бальмонтовскому; роднит их и парадоксальное солярно-окрашенное тяготение к метафизическому ноктюрну, к Ницше и немецким романтикам; так и означенная выше тема родителей, предков, родного дома весьма трогательно представлена и в «Самопознании» коренного киевлянина Бердяева, где, правда, автор с первых же страниц подчёркивает свою радикальную особость от угнетающей энергетики родовой стихии, чему, впрочем, некоторую аналогию можно усмотреть в экзистенциальной неистощимости бальмонтовских странствий... Однако всё-таки чаяния реального российского будущего у мыслителя обретают куда более конкретные смысловые очертания, и это отличает его от поэта, для которого реальная Россия, скорее всего, всё-таки безвозвратно погибла, оставшись в глубинах блаженного недоступного прошлого как потерянный райский сад.

Крупные россиеведческие труды: «Судьба России», «Новое Средневековье», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Русская идея» – на протяжении трёх десятилетий послереволюционных лет предваряют и подготавливают итоговые

бердяевские мысли, на которых мы и остановимся ниже. Россия и новая мировая эпоха в последнем эссе Николая Александровича предстают как единая сфера его доминирующего внимания – одноимённое эссе завершает предсмертный бердяевский сборник «На пороге новой эпохи» (Париж, 1947), выпущенный на французском, а впоследствии переводимый на шведский, английский, японский, русский языки. Поразительной оказывается диагностика глобальной ситуации, несколько не утратившей своей силы 75 лет спустя: «Россия и мир Запада, Европа и Америка, боятся друг друга и враждуют. Запад одержим двойной боязнью, боязнью коммунизма и боязнью могущества русской империи» [Бердяев, 1996, с. 310].

Последнее бердяевское сближение реальных западных фобий воспринималось в эмигрантской среде не только не однозначно, но и весьма болезненно. Приведём, к примеру, цитату из послевоенной статьи И. А. Ильина «Как русские люди превращаются в советских патриотов?», где критически указывается на определённый тип в отечественной эмиграции (по отношению к Бердяеву, на наш взгляд, это – совершенно несправедливо и весьма поверхностно): «...нередко остаётся в эмиграции, начинает советскую пропаганду, лжёт иностранцам по советской указке, лжёт и по-русски, нарочно смешивает Россию с Советским Союзом, путает все понятия, выдаёт зло за добро и добро за зло, отправляет других на погибель и становится слугою дьявола. Такова была предательская роль Бердяева, который, впрочем, совсем не был одинок» [Ильин, 1993, с. 56].

Дело не только в известном послевоенном тяготении Бердяева к призрачным возможностям позднего сталинизма и его аксиологическом неприятии не менее пронизательным И.А. Ильиным – проблема, пожалуй, в самой западной неспособности воспринимать саму идею возможности исторического будущего России и в сопутствующем желании будущего без неё.

Больше того, ныне возникает двоякое ощущение: то ли мы снова вернулись во время подведения итогов Второй мировой войны – то ли это глобальное резюме оказалось отсроченным, и впадшее в полувековой «ноосферный» сон страждущее человечество медленно пробуждается с мыслями о Шелере и Шпенглере, Ясперсе и Хайдеггере, Геноне и отце Сергии Булгакове, даже Ницше и Хомякове... Их имена – и здесь, и ранее – находят (явно или скрыто)

символическое место как раз в бердяевской проблемно-аксиологической группе.

За полвека до Мамлеева Бердяев говорит о «России вечной», и, предвосхищая Тойнби, указывает на «морфологическое сходство» (впрочем, начиная уже с работы «Истоки и смысл русского коммунизма») «Московского Царства» с «Царством Советским». «Русская идея, - по Бердяеву, подчеркнуто следующим здесь за Н. Ф. Фёдоровым, - есть идея целостного преображения жизни» [Бердяев 1996, с. 313 – 314], а «трагедия русской революции» обнаруживается в «её первоначальном антихристианском характере» [Бердяев, 1996, с. 316]. Катастрофизм эпохи имеет своеобразную смысловую оркестровку предваряющими революциями в новом естествознании: от атомной физики – до психоанализа.

«Трагическая тема» творческой свободы человека, от которой зависит «будущее России», будет только заостряться по мере раскрытия того факта, что «либерализм кончен» [Бердяев, 1996, с. 324]. В России, согласно Бердяеву, «подготавливается новое христианское сознание», а «обветшавшие и выродившиеся формы христианства будут преодолены» [Бердяев, 1996, с. 326].

Ценность последней бердяевской мысли здесь, по нашему убеждению, совершенно не риторична, и требует определённой герменевтики. Дело в том, что попытки реформирования христианской эпистемы на исходе времени, названного в истории культуры Новым, имеют двоякий характер: эволюционистско-прогрессистская неомифология с апофеозом ноосферы – либо же углубление эсхатологической перспективы с мистическим раскрытием кардиобездны и отходом от торжествующей рациональности?

Нам представляется, что слово Бердяева – однозначно за последним. Как в прежних своих работах, так и здесь – в этих финалистических

росчерках пера – он остаётся последовательным катастрофистом и апокалиптиком, что, однако, нисколько не мешает ему педалировать социальную тематику и чаять будущего России.

В контексте осмысляемого футурологического россиеведения Бердяев говорит об этом так: «Можно себе представить необычайный рост экономической и политической мощи России и возникновение нового типа цивилизации американского типа, с преобладанием техники и с поглощённостью земными благами, которого не было в прошлом русского народа. Но воля наша должна быть направлена на созидание иного будущего, в котором будет разрешена справедливо социальная проблема, но и обнаружит себя религиозное призвание русского народа и русский народ останется верен своей духовной природе. Будущее зависит от нашей воли, от наших духовных усилий. То же нужно сказать и о будущем всего мира. Роль христианства тут не может не быть огромной» [Бердяев, 1996, с. 326].

Выводы. Мы полагаем, что изучение позднего Бердяева даёт вполне адекватный ключ к пониманию логики и аксиологии всего его творчества; но здесь не просто мыслителем подводятся итоги самопознания и высветляются основные вехи его пути сквозь крушения жизненных миров, но и сказывается нечто наиболее существенное о положении и сути вещей, то есть – о нас самих, остающихся на указанном болевом пороге исторического бытия, как бы замирающего в своей скоротечности и стремительно обращающегося в миф. Куда склонится максима исторической воли: к блаженной и одновременно трагической ретроспективе Бальмонта – либо же к драматизму бердяевских перспектив? – на этот вопрос дадут ответ лишь последующие за нами поколения людей.

1. Бальмонт, К. Д. Волга (эссе) // Бальмонт К. Д. Стозвучные песни: Соч. (избр. стихи и проза). – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – С. 250–253.
2. Бальмонт, К. Д. Дурной сон // Бальмонт К. Д. Стозвучные песни: Соч. (избр. стихи и проза). – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – С. 240.
3. Бальмонт, К. Д. Мать // Бальмонт К. Д. Стозвучные песни: Соч. (избр. стихи и проза). – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – С. 226–227.
4. Бальмонт, К. Д. Мировая тюрьма (Когда я думаю, как много есть вселенных...) // Бальмонт К. Д. Стозвучные песни: Соч. (избр. стихи и проза). – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – С. 94.
5. Бальмонт, К. Д. Москва (отрывок) // Бальмонт К. Д. Стозвучные песни: Соч. (избр. стихи и проза). – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – С. 242–243.
6. Бальмонт, К. Д. На Вандейском побережье: Морская страница // Бальмонт К. Д. Несобранное и забытое из творческого наследия: В 2 т. Т. 2. – СПб.: «Росток», 2016. – С. 326–332.
7. Бальмонт, К. Д. Над зыбью Незыблемое // Бальмонт К. Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. IV. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 26.

8. Бальмонт, К. Д. Надпись на коре платана // Бальмонт К. Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. IV. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 33.
9. Бальмонт, К. Д. На заре // Бальмонт К. Д. Стозвучные песни: Соч. (избр. стихи и проза). – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – С. 246–250.
10. Бальмонт, К. Д. Отец // Бальмонт К. Д. Стозвучные песни: Соч. (избр. стихи и проза). – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – С. 228.
11. Бальмонт, К. Д. Под новым серпом: Роман в трёх частях // Бальмонт К. Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. V. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 167–392.
12. Бальмонт, К. Д. Сад // Бальмонт К. Д. Ясень. Видение Древа. – Иваново; М.: Издатель Епишева О. В., 2015. – С. 72.
13. Бальмонт, К. Д. Русь // Бальмонт К. Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. III. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 430.
14. Бальмонт, К. Д. Снежные цветы // Бальмонт К. Д. Полн. собр. стихов. Т. 1. – М.: «Скорпион», 1914. – С. 163–166.
15. Бердяев, Н. А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н. А. Истина и Откровение: Прологомены к критике Откровения. – СПб.: РХГИ, 1996. – С. 156 – 326.
16. Бердяев, Н. А. Новое Средневековье: Размышление о судьбе России и Европы // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 1. – М.: «Искусство», 1994. – С. 406 – 485.
17. Бердяев, Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914 – 1922. – М.: «Астрель», 2007. – 1184 с.
18. Бердяев, Н. А. Судьба России: Соч. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2004. – 734 с.
19. Блок, А. Двенадцать // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 3: Стихотворения и поэмы 1907 – 1921. – С. 347 – 359.
20. «Мы встретимся в солнечном луче»: Письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской: 1920 – 1926. – М.: «Русский путь», 2014. – 624 с.
21. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – М.: «Наука», 1989. – 576 с.
22. Гвардини, Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 127–163.
23. Генон, Р. Кризис современного мира. – М.: «Арктогея», 1991. – 160 с.
24. Durand, G. L'imagination symbolique. – Paris: PUF, 1964.
25. Ильин, И. А. Наши задачи: Статьи 1948 – 1954 гг. // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. – М.: «Русская книга», 1993. – 497 с.
26. Крохина, Н. П. Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика Всеединства. Система образов и мотивов. Монография. – Шуя: Центр кризисологических исследований, Шуйский филиал ИвГУ, 2013. – 250 с.
27. Куприяновский, П. В., Молчанова, Н. А. Бальмонт [Сер.: ЖЗЛ]. – М.: «Молодая гвардия», 2014. – 347 с.
28. Лосев А. Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос. – М.: «Мысль», 1993. – С. 61–612.
29. Мамлеев, Ю. В. Россия вечная. – М.: Издательская группа Традиция, 2020. – 232 с.
30. Нарликар, Дж. Неистовая Вселенная. – М.: «Мир», 1985. – 256 с.
31. Океанский, В. П., Океанская, Ж. Л. Апокалипсис Андрея Тарковского // Научный поиск: Научный журнал. – 2017. – № 1 (23). – С. 19–24.
32. Океанский, В. П., Океанская, Ж. Л. Метафизика краеведения Мартина Хайдеггера // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 8. – С. 476–480.
33. Океанский, В. П., Океанская, Ж. Л. Художественный мир К. Д. Бальмонта (поэтическая метафизика ноктурна). – Шуя: Центр кризисологических исследований, Шуйский филиал ИвГУ, 2013. – 124 с.
34. Ортега-и-Гассет, Х. Адам в Раю // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: «Искусство», 1991. – С. 59–82.
35. Холье, Д. Кровавые воскресенья // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века: Тексты Ж. Батай, Р. Барта, М. Бланшо, А. Бретона, Ж. Деррида, П. Кlossовски, А. Кожева, Ю. Кристевой, Г. Марселя, Ж.-П. Сартра, М. Фуко, Ж.-М. Хеймоне, Д. Холье. – СПб.: «Мифрил», 1994. – С. 175–192.
36. Элиаде, М. Космос и история. – М.: «Прогресс», 1987. – 313 с.

**FUTUROLOGICAL RUSSIAN STUDIES IN THE ART WORLD OF K.D. BALMONT
AND THE RELIGIOUS PHILOSOPHY OF N.A. BERDYAEV
(ETHOS OF RETROSPECT AND PERSPECTIVES OF DOMESTICATED TIME)**

© 2024 V.P. Okeansky¹, Zh.L. Okeanskaya²

*Vyacheslav P. Okeansky, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department
of Cultural Studies and Fine Arts*

E-mail: ocean_65@mail.ru

*Zhanna L. Okeanskaya, Professor, Doctor of Cultural Studies,
Professor of The Department of Foreign Languages and Professional Communications
E-mail: ocean_2004@mail.ru*

¹Shuya Branch of Ivanovo State University
Shuya, Russia

²Ivanovo Fire Rescue Academy of State Firefighting Service of Ministry of Russian Federation
for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters»
Ivanovo, Russia

The authors compare the Russian studies reflections of the poet and the philosopher on the subject of thematization of the future of Russia. Balmont turns out to be significantly close to the involutionist type of Guenon traditionalism, which in principle leaves no intra-ethnic chances of renovation, while Berdyaev, staying in the paradigm of Modernity, hopes for the cultural and civilizational possibilities of the original Russian world that persist through historical catastrophes. The very in-depth and fundamental rapprochement of Balmont as a poet and writer with a large-scale religious and philosophical thematic scope and Berdyaev as a religious philosopher who works more in a literary manner and the style of emphasized expressionism is carried out here for the first time. Although the eschatological Russian studies, so obvious in each of them, simply could not be avoided in any serious and thorough study of the heritage of each of them individually, including by the authors of this article. It is interesting that, despite the undoubted closeness of these brightest contemporaries, two completely different and even opposite ethos appear before us. The proximity of their life worlds only emphasizes these diverging paths from a single garden, in this case – as two paths: to the past and to the future, and it cannot be said that one can be more significant than the other, because the future time will someday burn out in history, as well as the time of the past will remain in its inner perfection.

Keywords: ethos, time, retrospection, perspective, eschatology, the future of Russia

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-86-95

EDN: RWGQPR

1. Bal'mont, K. D. Volga (esse) // Bal'mont K. D. Stozvuchnye pesni: Soch. (izbr. stikhi i proza) (Volga (essay) // Balmont K. D. Songs of a Hundred Sounds: Works (selected poems and prose). – Iaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, 1990. – S. 250 – 253.
2. Bal'mont, K. D. Durnoi son // Bal'mont K. D. Stozvuchnye pesni: Soch. (izbr. stikhi i proza) (Bad Dream // Balmont K. D. Songs of a Hundred Sounds: Works (selected poems and prose). – Iaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, 1990. – S. 240.
3. Bal'mont, K. D. Mat' // Bal'mont K. D. Stozvuchnye pesni: Soch. (izbr. stikhi i proza) (Mother // Balmont K. D. Songs of a Hundred Sounds: Works (selected poems and prose). – Iaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, 1990. – S. 226 – 227.
4. Bal'mont, K. D. Mirovaia tiur'ma (Kogda ia dumaiu, kak mnogo est' vseleennykh...) // Bal'mont K. D. Stozvuchnye pesni: Soch. (izbr. stikhi i proza) (World Prison (When I Think How Many Universes There Are...)) // Balmont, K. D. Songs of a Hundred Sounds: Works (selected poems and prose). – Iaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, 1990. – S. 94.
5. Bal'mont, K. D. Moskva (otryvok) // Bal'mont K. D. Stozvuchnye pesni: Soch. (izbr. stikhi i proza) (Moscow (excerpt) // Balmont, K. D. Songs of a Hundred Sounds: Works (selected poems and prose). – Iaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, 1990. – S. 242–243.
6. Bal'mont, K. D. Na Vandeiskom poberezh'e: Morskaia stranitsa // Bal'mont K. D. Nesobranoe i zabytie iz tvorcheskogo nasledia: V 2 t. T. 2. (On the Vendée Coast: Sea Page // Balmont K. D. Uncollected and Forgotten from the Creative Heritage: In 2 volumes. Volume 2). – SPb.: «Rostok», 2016. – S. 326 – 332.
7. Bal'mont, K. D. Nad zyb'iu Nezyblemoe // Bal'mont K. D. Sobr. soch.: V 7 t. (Above the Swell, the Unshakable // Balmont K. D. Collected Works: In 7 volumes. T. IV.). – M.: Knizhnyi Klub Knigovek, 2010. – S. 26.
8. Bal'mont, K. D. Nadpis' na kore platana // Bal'mont K. D. Sobr. soch.: V 7 t. (Inscription on the Bark of a Sycamore // Balmont K. D. Collected Works: In 7 volumes. T. IV.). – M.: Knizhnyi Klub Knigovek, 2010. – S. 33.
9. Bal'mont, K. D. Na zare // Bal'mont K. D. Stozvuchnye pesni: Soch. (izbr. stikhi i proza) (At Dawn // Balmont K. D. Songs of a Hundred Sounds: Comp. (selected poems and prose). – Iaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, 1990. – S. 246 – 250.
10. Bal'mont, K. D. Otets // Bal'mont K. D. Stozvuchnye pesni: Soch. (izbr. stikhi i proza) (Father // Balmont K. D. Songs of a Hundred Sounds: Works (selected poems and prose). – Iaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, 1990. – S. 228.
11. Bal'mont, K. D. Pod novym serpom: Roman v trekh chastiakh // Bal'mont K. D. Sobr. soch.: V 7 t. T. V. (Under the New Sickle: A Novel in Three Parts // Balmont K. D. Collected Works: In 7 volumes. Vol. V.). – M.: Knizhnyi Klub Knigovek, 2010. – S. 167 – 392.
12. Bal'mont, K. D. Sad // Bal'mont K. D. Iasen'. Videnie Dreva (Garden // Balmont K. D. Ash. Vision of the Tree). – Ivanovo; M.: Izdatel' Episheva O. V., 2015. S. 72.

13. Bal'mont, K. D. Rus' // Bal'mont K. D. *Sobr. soch.*: V 7 t. (Rus // Balmont K. D. *Collected Works*: In 7 volumes. T. III.). – M.: Knizhnyi Klub Knigovek, 2010. – S. 430.
14. Bal'mont, K. D. *Snezhnye cvety* // Bal'mont K. D. *Poln. sobr. stikhov*. T. 1. (I was once a son of the earth ... // Balmont K. D. *Complete collection of poems*. Vol. 1.). – M.: «Skorpion», 1914. – S. 163 – 166.
15. Berdiaev, N. A. *Na poroge novoi epokhi* // Berdiaev N. A. *Istina i Otkrovenie: Prolegomeny k kritike Otkroveniia* (On the Threshold of a New Era // Berdyayev N. A. *Truth and Revelation: Prolegomena to the Critique of Revelation*). – SPb.: RKHGI, 1996. – S. 156 – 326.
16. Berdiaev, N. A. *Novoe Srednevekov'e: Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy* // Berdiaev N. A. *Filosofiiia tvorchestva, kul'tury i iskusstva: V 2 t. T. 1.* (New Middle Ages: Reflections on the Fate of Russia and Europe // Berdyayev N. A. *Philosophy of Creativity, Culture and Art: In 2 volumes*). – M.: «Iskusstvo», 1994. – S. 406 – 485.
17. Berdiaev, N. A. *Padenie sviashchennogo russkogo tsarstva: Publitsistika 1914 – 1922* (The Fall of the Sacred Russian Kingdom: Journalism 1914 – 1922). – M.: «Astrel'», 2007. – 1184 s.
18. Berdiaev, N. A. *Sud'ba Rossii: Soch.* (The Fate of Russia: Works). – M.: Izd-vo Eksmo; Khar'kov: Izd-vo Folio, 2004. – 734 s.
19. Blok, A. *Dvenadtsat'* // Blok A. *Sobr. soch.*: V 8 t. T. 3: *Stikhotvoreniia i poetry 1907 – 1921* (Twelve // Blok A. *Collected Works*: In 8 volumes). – M.; L.: GIKhL, 1960. – S. 347–359.
20. «My vstreimsia v solnechnom luce»: Pis'ma Konstantina Bal'monta k Dagmar Shakhovskoi: 1920 – 1926 ("We will meet in a sunbeam": Letters of Konstantin Balmont to Dagmar Shakhovskaya: 1920–1926). – M.: «Russkii put'», 2014. – 624 s.
21. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Ch. I: Ot epicheskikh teokosmogonii do vozniknoveniia atomistiki* (Fragments of early Greek philosophers. Part I: From epic theocosmogonies to the emergence of atomism). – M.: «Nauka», 1989. – 576 s.
22. Gvardini, R. *Konets Novogo vremeni* (The end of the New Age) // *Voprosy filosofii*. – 1990. – № 4. – S. 127 – 163.
23. Genon, R. *Krizis sovremennogo mira* (Crisis of the modern world). – M.: «Arktogeia», 1991. – 160 s.
24. Durand, G. *L'imagination symbolique* (L'imagination symbolique). – Paris: PUF, 1964.
25. Il'in, I. A. *Nashi zadachi: Stat'i 1948 – 1954 gg.* // Il'in I. A. *Sobr. soch.*: V 10 t. T. 2. Kn. 1. (Our tasks: Articles 1948 – 1954. // Ilyin I. A. *Collection. cit.*: In 10 volumes). – M.: «Russkaia kniga», 1993. – 497 s.
26. Krokhtina, N. P. *Khudozhestvennyi mir K. D. Bal'monta: Poetika Vseedinstva. Sistema obrazov i motivov. Monografiia* (The artistic world of K. D. Balmont: Poetics of All-Unity. System of images and motives. Monograph). – Shuia: Tsentr krizisologicheskikh issledovani, Shuiskii filial IvGU, 2013. – 250 s.
27. Kupriianovskii, P. V., Molchanova, N. A. Bal'mont [Ser.: ZhZL]. – M.: «Molodaia gvardiia», 2014. – 347 s.
28. Losev A. F. *Antichnyi kosmos i sovremennaia nauka* // Losev A. F. *Bytie – imia – kosmos* (Ancient cosmos and modern science // Losev A. F. *Being – name – space*). – M.: «Mysl'», 1993. – S. 61–612.
29. Mamleev, Iu. V. *Rossiiia vechnaia* (Eternal Russia). – M.: Izdatel'skaia gruppa Traditsiia, 2020. – 232 s.
30. Narlikar, Dzh. *Neistovaia Vselennaia* (The Furious Universe). – M.: «Mir», 1985. – 256 s.
31. Okeanskii, V. P., Okeanskaia, Zh. L. *Apokalipsis Andreia Tarkovskogo* (The Apocalypse of Andrei Tarkovsky // *Scientific Search: Scientific Journal*) // *Nauchnyi poisk: Nauchnyi zhurnal*. – 2017. – № 1 (23). – S. 19–24.
32. Okeanskii, V. P., Okeanskaia, Zh. L. *Metafizika kraevedeniia Martina Khaideggera* (Metaphysics of Martin Heidegger's Regional Studies) // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*. – 2009. – № 8. – S. 476–480.
33. Okeanskii, V. P., Okeanskaia, Zh. L. *Khudozhestvennyi mir K. D. Bal'monta (poeticheskaia metafizika noktiurna)* (The Artistic World of K. D. Balmont (Poetic Metaphysics of Nocturne)). – Shuia: Tsentr krizisologicheskikh issledovani, Shuiskii filial IvGU, 2013. – 124 s.
34. Ortega-i-Gasset, Kh. *Adam v Raiu* // Ortega-i-Gasset Kh. *Estetika. Filosofiiia kul'tury* (Adam in Paradise // Ortega y Gasset H. *Aesthetics. Philosophy of Culture*). – M.: «Iskusstvo», 1991. – S. 59–82.
35. Khol'e, D. *Krovavye voskresen'ia* // *Tanatografiia Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaia mysl' serediny KhKh veka: Teksty Zh. Bataia, R. Barta, M. Blansho, A. Bretona, Zh. Derrida, P. Klossovski, A. Kozheva, Iu. Kristevoi, G. Marselia, Zh.-P. Sartra, M. Fuko, Zh.-M. Kheimone, D. Khol'e* (Bloody Sundays // *Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the Mid-20th Century: Texts by J. Bataille, R. Barthes, M. Blanchot, A. Breton, J. Derrida, P. Klossowski, A. Kojève, J. Kristeva, G. Marcel, J.-P. Sartre, M. Foucault, J.-M. Heymonet, D. Hollier.*). – SPb.: «Mifril», 1994. – S. 175–192.
36. Eliade, M. *Kosmos i istoriia* (Cosmos and History). – M.: «Progress», 1987. – 313 s.

УДК 168.522 (Гуманитарные науки. Культурология)

СОВРЕМЕННАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА ЛУГАНСКОГО КРАЯ: ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПРАЗДНИКИ

© 2024 М.В. Олейникова

Олейникова Маргарита Викторовна, преподаватель кафедры театрального искусства

E-mail: lgaki_olejnikova@mail.ru

Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского
Луганск, Россия

Статья поступила в редакцию 05.12.2024

В данной статье рассматриваются театрализованные фольклорные праздники как важный элемент современной праздничной культуры Луганского края. Анализируются их особенности, функции и роль в сохранении народных традиций. Рассматривается влияние современных тенденций на развитие фольклорных праздников и их восприятие обществом. Автор указывает на богатую традицию фольклорных праздников Луганского края, истоки которых уходят в аграрные обряды и ритуалы, связанные с сельским трудом. Также внимание уделяется трансформациям фольклорных праздников, вызванным историческими и социальными изменениями, такими как промышленная революция и советская идеология. Несмотря на угрозу исчезновения некоторых обычаев после распада СССР, фольклорные праздники вновь обретают популярность в современном контексте Луганской Народной Республики, что связано с ростом интереса к национальной идентичности и культурным традициям. Подводя итог, автор подчеркивает, что театрализованные фольклорные праздники Луганщины служат важным инструментом не только для сохранения культурного наследия, но и для его активного обновления и взаимодействия с современным обществом. Эти праздники, интегрированные с новыми медийными формами и технологиями, позволяют сохранять интерес к народной культуре и передавать традиции новым поколениям, тем самым делая фольклор динамичным и живым процессом в контексте современного мира.

Ключевые слова: фольклор, театрализация, праздничная культура, народные традиции, Луганщина

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-96-103

EDN: SDBDTN

Введение. Праздники занимают важное место в духовной жизни любого народа, представляя собой разнообразие обычаев, ритуалов и традиций. Они служат устойчивой формой культурной идентичности общества, играя значимую роль в социализации личности и формировании общности. По мнению Д.М. Генкина, праздник: «это особое, многостороннее общественное явление, отражающее жизнь каждого человека и общества в целом» [2, с. 20].

История вопроса. В словаре Д.Н. Ушакова «праздник» определяется как день, посвященный значимым событиям, официальный день отдыха, а также веселье и радостные события, отражающие праздничное настроение и переживания¹.

В истоках человеческой культуры праздники стали основой для развития художественного творчества и эстетического восприятия. Со вре-

менем они стали интегрировать в себя элементы искусства, создавая синтетические формы празднования. Разнообразие определений праздника подчеркивает его многогранность. М.М. Бахтин описывал праздник как «первичную форму человеческой культуры, которая всегда имела существенное смысловое мирозерцательное содержание» [1, с. 8].

В.Н. Топоров дает определение празднику, представляя его как «временной отрезок, обладающий особой связью со сферой сакрального, предполагающий максимальную сопричастность к этой сфере всех участвующих в празднике и отмечаемый, как некое институционализированное действо» [14, с. 329]

В культурологическом контексте праздник рассматривается как период, противопоставленный повседневной жизни, характеризующийся радостью и торжеством, а также обладающий сакральным значением, отмечаемым в рамках культурных или религиозных традиций.

¹ Толковый словарь современного русского языка : [св. 110000 слов. ст.] / Д. Н. Ушаков ; под ред. Н. Ф. Татяченко. – М.: Аль-та-Пресс, 2005. – С. 197.

Фольклорные праздники – это уникальные явления, объединяющие устную традицию, обряды и ритуалы, передаваемые из поколения в поколение. Их важной характеристикой является театрализация, которая позволяет организовать взаимодействие между участниками и зрителями, создавая пространство для коллективного переживания и идентификации.

Романова Г.А. отмечает: «Являясь неразрывной частью социальной жизнедеятельности общества, народные праздники и соизмеряют с ней жизнь каждого человека, и выступают как особый вид социально-культурной деятельности людей, протекающей в свободное время. Народный праздник необычайно многообразен и предполагает несколько типов этой деятельности, ведущей среди которых является обрядовая» [11, с.20]

Фольклорные праздники, представляя собой яркое столкновение традиции и современности, продолжают занимать значительное место в культурной жизни Луганского края. В условиях глобализации и стремительных изменений культурного контекста театрализованные фольклорные праздники служат важным инструментом сохранения и популяризации национальной идентичности, а также формируются как ключевой элемент современного культурного пространства.

Фольклор, являясь уникальной формой искусства, представляет собой специфический элемент художественной культуры. Он объединяет культуру общества, относящегося к определённой этнической группе на особом этапе исторического развития. Театрализованные формы праздничной народной культуры имеют свои истоки в древних религиозных торжествах и ритуалах. В условиях современности использование театрализации в народных праздниках даёт возможность более эффективно и ярко реализовывать их потенциал в воспитании граждан в патриотическом, духовно-нравственном и этнокультурном аспектах.

Методы исследования. Интерпретативный и компаративный анализ оценок и суждений респондентов о современной культуре Луганска; герменевтический и контент-анализ визуального материала.

Результаты исследования. Фольклорные театрализованные праздники – это живая традиция, которая активно развивается в современной праздничной культуре Луганщины. Фольклорные праздники Луганщины восходят к аграрным традициям жителей региона. Например, празд-

ники, связанные с посевом или празднование окончания жатвы, были не только моментами радости и веселья, но и важными ритуалами, направленными на обеспечение благополучия и изобилия. Эти события наполнены народными обрядами, песнями и танцами, которые передавались из поколения в поколение.

Согласимся с мнением А.А. Кокурина: «Любая форма праздничного действия, будь то народное гуляние, колядование или крестный ход, поддерживало в собравшихся чувство социокультурного единства, принадлежности одному роду-племени, государству, вере» [5, с. 109].

По мнению К. Касьяновой, «Праздник оставляет время и высвобождает человека из подчинения ему, позволяет человеку «выпрыгнуть» из бесконечной гонки за своим будущим. И только при этом условии возможна эмоциональная встряска и разгрузка, снятие напряжённости. Но вся трудность заключается в том, что хотя обряд и может создать человеку праздник, создать сам обряд невозможно по усмотрению и для определенной цели: для того, чтобы набрать силу, обряду нужны столетия» [4, с. 146].

С течением времени влияние различных культурных и исторических факторов изменяло фольклорные традиции Луганщины. Промышленная революция, осуществленная в конце XIX – начале XX вв., привела к миграции населения и преобразованию традиционного образа жизни. Однако, несмотря на эти изменения, фольклорные праздники сохраняли свои корни и адаптировались к новым условиям жизни.

«Наряду с любительским театральным творчеством широкое распространение в 20-х гг. XX века получила организация и проведение массовых праздников. В период первых пятилеток на Луганщине характерным было проведение массовых празднеств, среди которых можно выделить наиболее значимые: праздник Первомай (первоначальное название – День солидарности трудящихся), годовщина Великого Октября, День 8 Марта. Советский праздник послереволюционного периода, имеющий исключительно массовый характер, как символ нового времени имел идеологическое предназначение: воспитывать в людях дух коллективизма, укоренять в сознании необходимость укрепления индустриализации страны и развертывания культурной революции» [13, с. 110].

Во времена Советского Союза многие фольклорные традиции получили новое толкование и поддержку со стороны государства. Культурные мероприятия, посвященные народным праздни-

кам, активно организовывались, что содействовало возрождению интереса к местной культуре. По мнению В.П. Римского, «...фольклор канонизируется, включается в тоталитарный ритуал наряду с профессиональным искусством, получает идеологическую санкцию. Рождается совершенно новый, официальный социалистический фольклор – парадокс и элемент абсурдности содержался в самой установке на «официальность» народной культуры» [10, с. 98].

Тем не менее после распада СССР и во время экономических и социальных изменений, некоторые традиции оказались под угрозой исчезновения.

На сегодняшний день фольклорные праздники вновь обретают популярность в Луганской Народной Республике, их возрождение связано с ростом интереса к культурной идентичности и патриотизму. Местные сообщества стремятся сохранить и передать своим детям богатое наследие, включающее в себя обряды, песни, танцы и народные ремесла.

Примером таких мероприятий являются такие фольклорные праздники и фестивали, как: **Всероссийский фестиваль народного творчества и традиций «Вместе мы – Россия!», фестиваль семейного творчества и национальных культур «Созвездие мира и согласия»,** Луганский край – казачий край где, кроме прочих номинаций, участники номинации «Театрализованные формы» представляют театрализованное действо – фрагмент одного традиционного казачьего праздника, обряда, забавы, игры.

Фольклорные праздники объединяют людей разных возрастов и социальных групп, создавая атмосферу солидарности и общности. Они становятся площадками для диалога между поколениями, что способствует передаче культурного опыта и ценностей.

«Ценностные ориентации способны образовывать единый культурно-исторический тезаурус, сердцевиной которого являются культурные константы востребуемого обществом антропологического типа. Глобальными историческими типами ценностных ориентаций культурно-интегративного характера, на наш взгляд, являются ценностные ориентации двух культурных надсистем: традиционной и инновационно-креативной (новаторской)» [3, с. 115].

В этом контексте праздники можно рассматривать как социальный инструмент, способствующий укреплению общественных связей и взаимодействия.

Театрализация в фольклорном празднике помогает перевести участников из статуса пассивных зрителей в активных участников, позволяет участникам осваивать модели ответственного и уважительного поведения, сохраняя праздничные традиции этноса, приобщает к духовному богатству и традициям народной культуры, усиливает эффект эмоционального фона для коллективного переживания праздника.

Как замечает Н.А. Хренов, театрализованное представление обладает способностью «зримо демонстрировать преобладающие в общественной психологии... коллективные ценности, классовую солидарность и политическое единство» [15, с. 10].

Театрализованные фольклорные праздники становятся важным инструментом не только для сохранения традиций, но и для их адаптации к современным условиям.

По данным Луганского центра народного творчества, за 2023 г. в республиканских учреждениях культуры состоялось 30091 праздничное мероприятие, в которых принимали участие более 1,5 млн человек. Среди данных мероприятий большое разнообразие фольклорных и церковно-славянских мероприятий, таких, как Масленица, Иван Купала, Васильев день, Рождество, Покров святой Богородицы и многие другие.

В современной праздничной культуре театрализованные фольклорные праздники играют важную роль в формировании идентичности, укреплении культурных традиций и передаче нравственных ценностей. Они также служат площадкой для диалога между поколениями, способствуют пожеланию к сохранению наследия и его актуализации в современности. «Возврат к народному творчеству — объективный и закономерный процесс как никогда важный сегодня в силу его объединяющей и аккумулирующей силы, способной обеспечить сохранение народа как нации» [9, с. 4].

Примером подобного мероприятия мы можем назвать масленичное театрализованное гуляние «Масленица идет, блин да мед несет!», которое состоялось в марте 2024 года, возле Дома молодежи. Активное участие традиционных игр и забавах принимала участие не только молодежь г. Луганска, но и участники Всемирного фестиваля молодежи, среди которых молодые люди из Перу, Колумбии, Боливии, Анголы, Германии, Намибии, Пакистана, Эфиопии и других государств (фото 1).

Современные театрализованные фольклорные праздники часто интегрируются с новыми технологиями и медийными формами. Это позволяет привлекать более широкую аудиторию и сохранять интерес к традициям.

Современные театрализованные фольклорные праздники в Луганской Народной Республике являются ярким примером интеграции традиционных элементов с современными культурными практиками. Они могут включать в себя:

- театрализованные представления – инсценировки народных эпосов, легенд и обрядов, что

позволяет не только сохранить, но и адаптировать фольклорные сюжеты к современному контексту;

- флешмобы, фестивали – активные формы взаимодействия с аудиторией, вовлекающие зрителей в сценарий праздника и создающие атмосферу общей радости и праздника (фото 2);

- музыкально-хореографические программы, концерты – использование народной музыки и танцев, что способствует возрождению интереса к народной культуре среди молодежи и создает уникальное ощущение общности (фото 3).

Фото 1. Масленичное театрализованное гуляние (Maslenitsa theatrical festivities)



«Театрализованные концерты оказывают значительное влияние на развитие городской культуры. Они становятся инновационным способом привлечения аудитории разного возраста и предпочтений, способствуя духовному обогащению общества» [6, с. 47].

«Формы массово-развлекательного компонента очень разнообразны и имеют различное происхождение. Эта праздничная часть, пожалуй, наиболее подвижна, так как подвержена постоянному как стихийному, так и целенаправленному поиску форм, что вызвано стремлением сделать праздничный досуг наиболее интересным и соответствующим духу времени» [8, с. 82].

Современные формы праздничной культуры региона обрывают новыми технологическими средствами художественной выразительности: световое оборудование, видеоэкраны, лазерные проекции, дроны и т. д.

Кроме того, Луганщина – уникальный регион, который наряду с развитием современной культуры, новыми техническими возможностями хранит традиции своей нации, глубоко уходящие корнями не только в православие, но и в язычество. Население, отмечая разнообразные праздники, продолжает соблюдать народные приметы и традиции. Например, Крещение и Васильев день часто не обходятся без гаданий – на судьбу, на суженого и т. д.

Фото 2. Формы взаимодействия с аудиторией, вовлекающие зрителей в сценарий праздника
(Forms of interaction with the audience, involving viewers in the holiday scenario)



Фото 3. Музыкально-хореографические программы, концерты
(Musical and choreographic programs, concerts)



Праздник Ивана Купала полон обрядовых действий, правил и запретов, песен, приговоров, всевозможных примет, гаданий, легенд, поверий, этот праздник «характеризуется обязательным скатыванием горящих колес, обернутых соломой и обмазанных дегтем, с горы в реку» [12, с. 201].

В этот день на голову надевают венки из трав, водят хороводы, разводят костры, через который прыгают – на удачу, для очищения от невзгод. Девушки вечером пускают в воду венки, наблюдая, как и куда они плывут. Если венок тонет, значит, суженый разлюбил и замуж за него не выйдет.

На Иванов день принято обливать грязной водой всякого встречного. Считается: чем чаще человек бежит купаться, тем чище будет его душа. Купаться же надо на заре: тогда купание обладало целебной силой. Разумеется, эти традиции больше соблюдаются в деревнях и небольших населенных пунктах, но о многих приметах и традициях знают и в больших городах.

«В культурном пространстве современной России прочно утвердилась тенденция возрождения и сохранения традиционной народной культуры» [7, с. 32]. Фольклор и фольклорные праздники востребованы в современной Луганщине. На территории Луганской Народной Республики активную поддержку народным творческим формированиям оказывает ГБУК ЛНР «Луганский центр народного творчества», сотрудниками которого уделяется большое внимание сохранению уникальности культурных традиций каждого народа, проживающего на территории

Луганского края. Центр народного творчества ведет активную работу по возрождению и популяризации фольклорных традиций, которые сохраняют свой неповторимый язык и основную культурную общность, формировавшуюся в течение нескольких веков и представляющую собой самобытную ветвь народного творчества. После событий 2014 г. Центру удалось восстановить 17 фольклорных коллективов, 4 из которых – детские.

Выводы. Таким образом, театрализованный праздник – это возможность передать знания, эмоции и ценности через живое общение с аудиторией. Это невероятно эффективный способ привлечь внимание к важным темам и сделать их более доступными и интересными для обсуждения. Театрализация фольклорных праздников служит средством актуализации и визуализации традиционных обычаев. Праздники приобретают новые формы, включая элементы театра, музыки и танца, что делает их более привлекательными для широкой аудитории. Это включает использование современных технологий, что позволяет создать новое восприятие традиций. Театрализованные фольклорные праздники Луганщины нередко включают элементы современного искусства. Это дает возможность не только сохранить, но и адаптировать культурные традиции к современным условиям, что приводит к их трансформации и обновлению. Так, фольклор становится не статичным, а динамичным процессом, способным встраиваться в современную жизнь.

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. Генкин, Д. М. Массовые праздники [Учеб. пособие для институтов культуры] / Генкин, Д. М. – М.: Просвещение, 1975 – 140 с.
3. Воеводин, А. П. Аксиология культуротворчества: монография. – Луганск: Изд-во ЛГАКИ имени М. Матусовского, 2017. – 198 с.
4. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М.: Ин-т нац. модели экономики, 1984. – 367 с.
5. Кокурин, А. А. Святки: традиции и современность (на примере города Владимира) / А.А. Кокурин // Наука. Искусство. Культура. – Белгород: БГИИК, 2023. – С. 109-120.
6. Конович, А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР / А. А. Конович. – М.: Искусство, 1990. – 206 с.
7. Литвинова, М. В. Технологии организации и постановки театрализованного массового праздника: учебное пособие / М. В. Литвинова, Н. В. Посохова, И. В. Семченкова. – Белгород: БГИИК, 2022. – 88 с.
8. Мазеев, Анатолий Ильич. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования. – М.: Наука, 1978. – 392 с.
9. Паренчук, Т. Н. Эволюция праздничной культуры в трансформирующейся России: к самостоятельной работе / Т.Н. Паренчук // Вестник МГУКИ. – 2007. – №2. – 19 с.
10. Римский, В. П. Тоталитарный космос и человек: монография. – Белгород: Изд-во Бел. гос. ун-та, 1998. – 126 с.
11. Романова, Г. А. Празднично-обрядовые формы народной культуры: зарождение, развитие, современное бытование. Специальность 13.00.05. «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности»: Дис-

сертификация на соискание кандидата педагогических наук / Романова, Г. А.; Моск. гос. ун-т культуры. — М.: 1997. — 271 с.

12. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. — М.: Наука, 1981. — 608 с.

13. Титова, В. Н. Театральная культура Луганщины в контексте культурно-исторических трансформаций: дис. ... кандидата филос. наук: 24.00.01. Луганск, 2020. 210 с.

14. Топоров, В. Н. Праздник // Мифы народов мира. / В. Н. Топоров — М. Советская энциклопедия, 1982. — Т.2. — 331 с.

15. Хренов, Н. А. Зрелища в эпоху восстания масс / Н. А. Хренов. — М.: Наука, 2006. — 646 с.

THEATRICAL FOLKLORE HOLIDAYS IN THE MODERN FESTIVE CULTURE OF LUHANSK REGION

© 2024 M.V. Oleinikova

Margarita V. Oleinikova, lecturer at the Department of Theater Arts

E-mail: lgaki_oleinikova@mail.ru

Matusovsky Academy of Culture and Arts

Lugansk, Russia

This article examines theatrical folklore festivals as an important element of the modern festive culture of the Luhansk region. Their features, functions and role in the preservation of folk traditions are analyzed. The influence of modern trends on the development of folklore holidays and their perception by society is considered. The author examines the rich tradition of folklore festivals of the Luhansk region, the origins of which go back to agrarian rituals and rituals associated with rural labor. Attention is also paid to the transformations of folklore festivals caused by historical and social changes such as the Industrial Revolution and Soviet ideology. Despite the threat of the disappearance of some customs after the collapse of the USSR, folklore holidays are regaining popularity in the modern context of the Luhansk People's Republic, which is associated with an increasing interest in national identity and cultural traditions. Summing up, the author emphasizes that the theatrical folklore festivals of the Luhansk region serve as an important tool not only for the preservation of cultural heritage, but also for its active renewal and interaction with modern society. These holidays, integrated with new media forms and technologies, allow us to maintain interest in folk culture and pass on traditions to new generations, thereby making folklore a dynamic and lively process in the context of the modern world.

Keywords: folklore; theatricalization; festive culture; folk traditions; Luhansk region

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-96-103

EDN: SDBDTN

1. Bakhtin, M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* (The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance) / M. M. Bakhtin. — М.: Khu-dozh. lit., 1990. — 543 s.

2. Genkin, D. M. *Massovyie prazdniki [Ucheb. posobie dlia institutov kul'tury]* (Mass holidays [Textbook for cultural institutes]) / Genkin, D. M. — М.: Prosveshchenie, 1975 — 140 c.

3. Voevodin, A. P. *Aksiologiiia kul'turotvorchestva: monografiia* (Axiology of cultural creation: a monograph). — Lugansk: Izd-vo LGAKI imeni M. Matusovskogo, 2017. — 198 s.

4. Kas'ianova, K. *O russkom natsional'nom kharaktere* (About the Russian national character) / K. Kas'ianova. — М.: In-t nats. modeli ekonomiki, 1984. — 367 s.

5. Kokurin, A.A. *Sviatki: traditsii i sovremennost' (na primere goroda Vladimira)* (Yuletide: traditions and modernity (on the example of the city of Vladimir)) / A.A. Kokurin // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. — Belgorod: BGIK, 2023. — S. 109-120.

6. Konovich, A. A. *Teatralizovannye prazdniki i obriady v SSSR* (Theatrical festivals and rituals in the USSR) / A. A. Konovich. — М.: Iskusstvo, 1990. — 206 s.

7. Litvinova, M. V. *Tekhnologii organizatsii i postanovki teatralizovannogo massovogo prazdnika: uchebnoe posobie* (Technologies for organizing and staging a theatrical mass celebration: a textbook) / M. V. Litvinova, N. V. Posokhova, I. V. Semchenkova. — Belgorod: BGIK, 2022. — 88 s.

8. Mazaev, Anatolii Il'ich. *Prazdnik kak social'no-khudozhestvennoe yavlenie: Opyt istoriko-teoreticheskogo issledovaniia*. (Holiday as a socio-artistic phenomenon: The experience of historical and theoretical research). — М.: Nauka, 1978. — 392 s.

9. Parenchuk, T. N. *Evolutsiia prazdnichnoi kul'tury v transformiruiushcheisii Rossii: k samostoiatel'noi rabote* (The evolution of holiday culture in a Transforming Russia: to work independently) / T.N. Parenchuk // Vestnik MGUKI. — 2007. — №2. — 19 s.

10. Rimskii, V. P. Totalitarnyi kosmos i chelovek: monografiia (Totalitarian cosmos and man: a monograph). – Belgorod: Izd-vo Bel. gos. un-ta, 1998. – 126 s.
11. Romanova, G. A. Prazdnichno-obriadovye formy narodnoi kul'tury: zarozhdenie, razvitie, sovremennoe bytovanie. (Festive and ceremonial forms of folk culture: origin, development, modern existence) Spetsial'nost' 13.00.05. «Teoriia, metodika i organizatsiia sotsial'no-kul'turnoi deiatel'nosti»: Dissertatsiia na soiskanie kandidata pedagogicheskikh nauk / Romanova, G. A.; Mosk. gos. un-t kul'tury. – M.: 1997. – 271 s.
12. Rybakov, B. A. Iazychestvo drevnikh slavian (Paganism of the ancient Slavs) / B. A. Rybakov. – M.: Nauka, 1981. – 608 s.
13. Titova, V. N. Teatral'naia kul'tura Luganshchiny v kontekste kul'turno-istoricheskikh transformatsii (Theatrical culture of Luhansk region in the context of cultural and historical transformations) : dis. ... kandidata filos. nauk: 24.00.01. Lugansk, 2020. 210 s.
14. Toporov, V. N. Prazdnik // Mify narodov mira (Holiday // Myths of the peoples of the world) / V. N. Toporov. – M. Sovetskaia entsiklopediia, 1982. – T.2. – 331 s.
15. Khrenov, N. A. Zrelishcha v epokhu vosstaniia mass (Spectacles in the era of the uprising of the masses) / N. A. Khrenov. – M.: Nauka, 2006. – 646 s.

УДК 130.2:75.03 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения /
История живописи. Творческие методы, направления, стили и влияния)

ЭНТЕЛЕХИЯ ЭКСПРЕССИОНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ: ЭКСПОЗИЦИЯ МАРИИ СУВОРОВОЙ «БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЕАТР»

© 2024 Э.А. Радаева

Радаева Элла Александровна, доктор культурологии, кандидат филологических наук,
доцент, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения

<https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>

E-mail: ellrad@yandex.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 21.12.2024

Материалом исследования послужил ряд полотен (2015 – 2024 гг.) из представленной в Оренбургском областном музее изобразительных искусств экспозиции современного российского художника Марии Суворовой «Больше, чем театр». Развернута смысловая палитра отдельных картин М. Суворовой и отчасти охарактеризованы особенности авторской техники. Высказаны предположения относительно традиций экспрессионистской живописи и графики (Э. Нольде, Э.Л. Кирхнер, Э. Хеккель, М. Пехштейн, Ф. Блейль), которые, подчас хоть и не столь явственно, но прослеживаются в творческой манере М. Суворовой, несмотря на то что в рецензиях на ее картины ранее говорилось лишь об итальянских метафизиках. Исследование завершается выводом о том, что энтелехия экспрессионизма, благодаря его «магии и не поддающейся тривиализации загадочности», по-прежнему в полной мере реализуется в современном изобразительном искусстве. И на примере рассмотренных картин эстетика экспрессионизма, этого «случайного гостя из готики», впитавшего в себя и барочную, и романтическую традицию, сопряжена с самой сакральной природой Театра, дионисическим и аполлоническим началом искусства как такового и с сознанием художника-живописца, в котором эти начала преломляются. В качестве методов исследования выбраны герменевтический, когнитивно-дискурсивный, а также контент-анализ визуального материала.

Ключевые слова: экспрессионизм, традиции экспрессионизма, современное искусство, художник Мария Суворова, «Больше, чем театр», сакральная природа театра

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-104-115

EDN: TZDGBX

Введение. Поводом к настоящему исследованию послужило посещение Оренбургского областного музея изобразительных искусств, где широко представлены полотна сравнительно молодой российской художницы Марии Евгеньевны Суворовой (род. 1973 г.). Выставка посвящена грядущему (в 2026 г.) 250-летию Большого театра. Сама экспозиция названа (предположительно, самой художницей) «Больше, чем театр». Столь емкое и точное, на наш взгляд, название отражает широчайшую палитру смыслов, вовлекая в нее, будто единым потоком, и специфику театрального искусства, и архитектуру здания, и творца, и зрителя, и сотворчество последних. Эта палитра смыслов преломляется в сознании художника-живописца и транслируется на холсты и бумагу именно экспрессионистскими «острыми углами, странными формами, кричащими цветами и искаженными перспективами» [Norbert

W., р. 3]. Театр становится в итоге, подобно экспрессионизму как таковому, по В. Норберту, воплощением «инстинктивного опыта жизни, как он ощущался, а не как он виден на поверхности» [Там же].

Примечательно, что напрямую о собственно экспрессионистском мировидении М. Суворовой нигде не говорится, в т. ч. самой художницей, однако часто встречаются упоминания того, чем исторически экспрессионизм питался, например, романтической эстетикой: «Произведения на выставке Марии Суворовой представляют собой синтез стилей и направлений, их характеризуют как «романтический урбанизм», где город —

живое тело, со своей структурой, логикой и ритмом жизни и душой, духом»¹.

Важно отметить, что тема театра гармонично вписывается в остальное творчество М. Суворовой, предметом которого, главным образом, стала философия Города: архитектура, внутри- и околгородское пространство.

Методы исследования: герменевтический, когнитивно-дискурсивный, а также контент-анализ визуального материала.

История вопроса. Данное исследование продолжает развивать проблему традиций экспрессионизма в современной мировой культуре, затронутую в монографии 2022 г. [Радаева Э.А.].

В работе А. Чистюхина подробно говорится о сакральной стороне театральных представлений, «которая не только существовала, была явной, но и нашла свое отражение в театральных терминах» [Чистюхин И.Н., с. 27].

Философ А.Г. Дугин также указывает на театр как на нечто трансцендентное: «Театр в своих истоках был таинством, ... таинством обнаружения созерцания идеи. <...> ... это абсолютно философское явление, сакральное явление, где к этому зданию, пусть и большому (амфитеатр) сводится вся Вселенная. <...> онтология театра заключается в том, что театр и есть территория бытия. ...территория бытия самого по себе, в сгущенной, концентрированной форме. <...> ...то, что происходит на сцене, правильные пьесы правильного театра, – это происходит внутри нашего сознания. Это наш путь к нам самим, к нашим истокам» [Дугин А.Г.].

«Сакральность» театра очень созвучна мистическому духу экспрессионизма, этому «случайному гостю из готики», по терминологии Н.В. Пестовой. Ссылаясь на одного из крупнейших теоретиков экспрессионизма К. Эдшмида, профессор Н.В. Пестова указывает на то, что в искусстве «такая «внутренняя готика» представлена не линией, краской или жестом, но глубоким переживанием, состоянием экстаза, захватывающей властью выразительности» [Пестова Н.В., с. 241]. И в связи с этим вневременной характер экспрессионизма подтверждается работами художников-живописцев вплоть до сегодняшнего дня.

Результаты исследования. М. Суворова, не смотря на то что получила академическое образование (Московское академическое художественное училище памяти 1905 года и МГАХИ им. В.И. Сурикова), по определению критиков, избегает в своих полотнах «академической сухости и механистичности: краски новы, эмоции узнаваемы и современны»².

Экспрессионизм – вспомним – от лат. *expressio*, «выражение» (собственного Я), поэтому, разумеется, выбор техники в изобразительном искусстве идет от характера мирозерцания и темперамента художника. В статьях о творчестве М. Суворовой в целом рецензентами делается акцент на его стихийности и спонтанности: «Стиль Марии – стремительный: она словно набрасывается на увиденное, мгновенно фиксируя идею»³; «краска остается краской, растекаясь по поверхности холста, превращаясь в цвет, порой игнорируя изображенные детали – абрис зданий, фигурки людей»⁴.

В данной статье порядок обзора полотен будет представлен согласно принципу погружения в сакральную атмосферу театра, поэтому логично начать с того, что мы видим «на подступах» к этому локусу экстази, а именно: на фасаде здания – скульптура квадриги Аполлона. «Даже исторические здания театра становятся особой сакральной сферой города, вплетаются в палимпсест городской среды» [Цит. по: Чистюхин И.Н., с. 15]. С восприятия художницей этой скульптуры (фото 1) и стоит приступить к рассмотрению экспозиции «Больше, чем театр».

«**Квадрига Аполлона**» выполнена подчас в дочерна темных тонах, несмотря на то что Аполлон, по Ф. Ницше, в отличие от Диониса, олицетворяет светлое начало в мироощущении человека и, соответственно, в истории искусства и культурных эпох. И экспрессионистская природа этого полотна проявляется в сугубо индивидуальных взаимоотношениях художника с цветовой гаммой, в его своеобразном видении цвета: на черных фигурах коней блики (т. е. грубые мазки) – кроваво-красные, ярко синие, зеленые, белые, а также цвета мурены. Лицо Аполлона черно, что контрастирует с серым, в котором выписана

¹ Культура. РФ. Афиша Обнинска. – URL: <https://www.culture.ru/events/2198373/vystavka-mariya-suvorova-geometriya-goroda> (дата обращения: 20.12.2024).

² Джус А. Мария Суворова. Она рисует жизнь большого города // Огонёк. – 06 марта. – 2005 [Текст: электронный]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2294934> (дата обращения: 20.12.2024).

³ Там же.

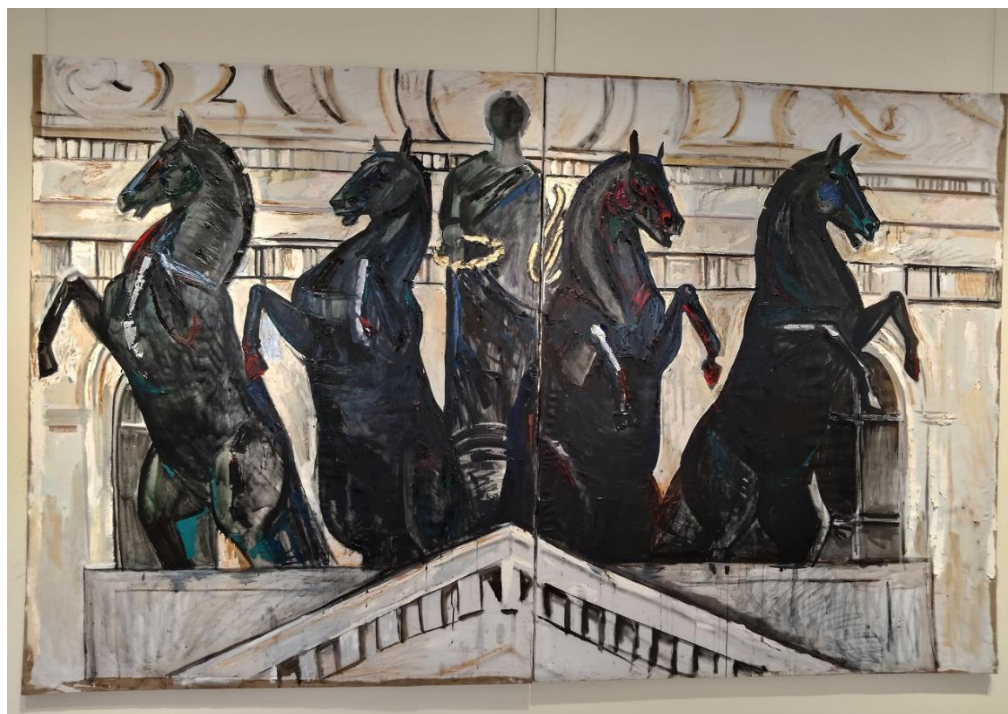
⁴ Вяземцева А. Живописная урбанистика. 09 февраля 2012. Archi.ru [Сайт]. – URL: <https://archi.ru/russia/39465/zhivopisnaya-urbanistika> (дата обращения: 20.12.2024).

остальная часть фигуры античного бога (серый, серо-черный). Темное пятно вместо лица также подчеркивает здесь сакральную природу искусства.

К слову, в собственной аннотации к другой выставке (в московской галерее «МастАрт», сентябрь – ноябрь 2024 г.), названной «Под колёсами квадриги Аполлона. Больше, чем театр», М. Суворова сама указывает на дуалистичность Аполлона, называя его, с одной стороны, богом «искусства, музыки и света», с другой – присваивая

ему эпитет «безжалостный»¹. По Ф. Ницше, светлое и темное начала благополучно уживаются в сознании личности: «...эта основа всяческого существования, это дионисическое подполье мира может и должно выступать как раз лишь настолько, насколько оно может быть затем преодолено аполлонической просветляющей и преобразующей силой, так что оба этих художественных стремления принуждены, по закону вечной справедливости, развивать свои силы в строгом соотношении» [Ницше Ф., с. 100].

Фото 1². Квадрига Аполлона, 2024. 200 x 300 см. Холст, масло, авторская техника
(Quadriga of Apollo, 2024. 200 x 300 cm. Canvas, oil, author's technique)



Красное, черное, золото – эта цветовая гамма рассматриваемых далее пяти полотен становится доминирующей и не менее ярко отражает и сакральную природу театра, и барочные традиции в экспрессионизме.

«**Большой театр**» (фото 2) еще больше напоминает «икону» живописи экспрессионизма – Э. Нольде с его «напряженной красочностью» – барочное сочетание позолоты с насыщенным красным и черным. Зрители в зале обозначены хаотичными мазками той же цветовой гаммы,

изредка – с добавлением белого. Предположительно «вовлечением» в единый цветовой поток театра и зрителя экстраполируется идея со-творчества, ритуальная стихия театрального искусства. Таким образом, от барокко, традицию которого продолжает экспрессионизм, здесь цветовая гамма, собственно от экспрессионизма – техника грубых мазков.

Кстати сказать, М. Суворова занималась еще и росписью интерьеров в частных домах, как когда-

¹ Мария Суворова. «Под колёсами квадриги Аполлона. Больше чем театр». Мария Суворова /«МастАрт» — галерея современного российского искусства [Сайт]. – URL: <https://mustartgallery.ru/exhibitions/pod-kole->

[sami-kvadrigi-apollo-bolshe-chem-teatr-mariya-suvorova/](https://mustartgallery.ru/exhibitions/pod-kole-sami-kvadrigi-apollo-bolshe-chem-teatr-mariya-suvorova/) (дата обращения: 20.12.2024).

² Здесь и далее – фото автора статьи.

то, в начале своего творческого пути, Э. Нольде – амбаров и конюшен в родной деревушке.

И зрительный зал на вышеуказанной картине М. Суворовой, и «**Оркестр**» (фото 3) в какой-то мере напоминает и «Тропическое солнце» Э.

Нольде, и полотна Э.Л. Кирхнера. И лица в массовых сценах на полотнах М. Суворовой очень похожи на лица «Зрителей в кабаре» Э. Нольде (как видим, в данном случае даже тематика картин этих двух художников созвучна).

Фото 2. Большой театр, 2015. 170 x 250 см. Холст, масло
(Bolshoi Theatre, 2015. 170 x 250 cm. Canvas, oil)



Два следующих полотна – из серии «**Музыканты**» (фото 4) – впечатляют смыслообразующими контрастами. Обе картины подобны полнолунию в природе: на первом плане – инструмент (контрабас) – ярким, оранжево-красным пятном на темном фоне. Говоря упрощенно, здесь инструмент – главное в личности музыканта, поэтому фигуры исполнителей едва

намечены: человек, держащий инструмент, обезличен. Лица, вернее, наброски этих лиц, напоминают иконописные лики, что тоже весьма показательно. Материя Искусства поглощает личность – и личность растворяется в материи Искусства, тем самым обретая себя в новом качестве. В этом тоже – магия Театра.

Фото 3. Оркестр, 2016. 170 x 250 см. Холст, масло
(Orchestra, 2016. 170 x 250 cm. Canvas, oil)



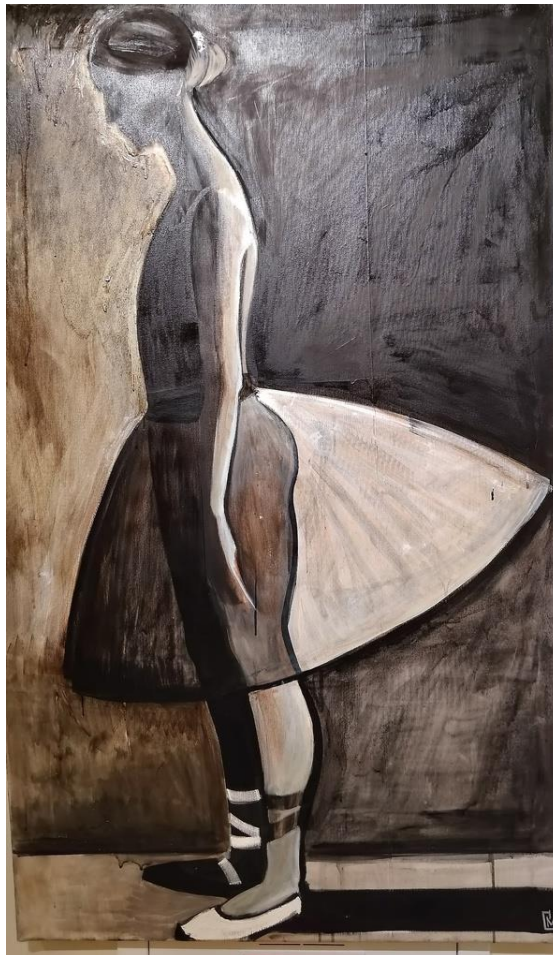
Фото 4. Из серии «Музыканты», 2024. 120 x 60 см. Оргалит, смешанная техника
(From the series «Musicians», 2024. 120 x 60 cm. Hardboard, mixed media)



«Балерина» (фото 5) – здесь мы видим «прочно стоящую на ногах», как ни парадоксально это звучит, артистку балета. Трудно назвать объект изображения миниатюрным (как положено быть балерине). Это именно нечто приземистое. Причем не в том смысле, который мы обычно вкладываем в это понятие, хотя балерина на данном полотне в какой-то и напоминает мере укороченные пропорции Э. Нольде. Только вздымленность белой пачки со спины указывает на то, что объект призван «порхать» по сцене. Это видимая всем, освещенная (во всех смыслах!) часть. Мы видим объект в профиль. Голова чуть опущена. В этом и подготовка (в т. ч. и психологическая) к выходу на сцену, и покорность –

покорность судьбе, избранному поприщу. Максимально освещена на картине только вздымленная пачка и – фрагментарно – левая нога, а в тени, подчас почти черной, – лицо, передняя часть туловища, правая нога. Это означает, что сидящие в зрительном зале отчетливо видят только высвеченное – только искусство, но не то, что за ним стоит, вернее, что ему предшествует. А предшествует высокому искусству балета каторжный труд, изнурительные репетиции, жесткая самодисциплина, изуродованные ступни ног. Художник-натуралист, кстати сказать, пожалуй, сделал бы акцент именно на последнем. Экспрессионисту же этого не нужно.

Фото 5. Балерина, 2024. 150 x 86 см. Холст, масло
(Ballerina. 150 x 86 cm. Canvas, oil)



Пафос данного полотна в целом не позволяет обозначить балерину как «девушку», «женщину» (несмотря на облегающий костюм, формы, по которым угадывается именно женщина, «смазаны», плоски) – на какую-то женственность нам указывает только силуэт в целом: хрупкость рук, лебединая шея. В очередной раз возникает мысль о

том, что человек, посвящая свою жизнь театру, так или иначе приносит себя в жертву, и это тоже связано с сакральным дискурсом театра («...первоначальное обозначения театральные действий было связано и с понятием «жертвенник» («ἡ θυμὸν ἔλῃ», «фимела»). Так назывался в афинском театре «алтарь Диониса, возвышение в центре

оркестры», с которого корифей управлял хором; «жертвенник между сценой и местами для зрителей...») [Чистюхин И.Н., с. 29].

Однако монументальности «Балерины» противостоят образы на полотнах из серии «Сильфида» (фото 6, 7). Сильфида – дух воздуха – и будто из воздуха сотканы объекты изображения на обеих картинах. Светотень на полотнах М. Суворовой также весьма произвольна, как и у экспрессионистов, у которых подчас тени нет совсем. В этих полотнах краски не так кричащи

(однако таковыми они не всегда были и у корифеев экспрессионизма), но контрастность явственна. Вспомним, что и у Фрица Блейля, к примеру, присутствуют фовистские мотивы. Только «сильфиды» М. Суворовой вычерчены из тьмы искусственным светом рампы, а не солнца.

«Балет. За кулисами» (фото 8): здесь обнаруживаем, кроме черно-белого контраста, заостренных линий (ступни сидящей балерины), еще и барочный мотив зеркала как метафору видимого и кажущегося – намек на оптические иллюзии.

Фото 6. Из серии

«Сильфида», 2024. 61 x 23 см. Оргалит, масло, акрил (From the series «Sylphide». 61 x 23 cm. Hardboard, oil, acrylic)



Фото 7. Из серии «Сильфида», 2024. 61 x

51 см. Оргалит, масло, акрил (From the series «Sylphide». 61 x 23 cm. Hardboard, oil, acrylic)



Обратимся к портретам актрис Большого театра: **Марии Александровой** (прима-балерина до 2017 г.), **Кристины Кретовой** (ведущая солистка балета), **Галины Вишневской** (оперная певица) (фото 9-11). Здесь также используется прием резкого контраста (черное и белое), но

особый интерес представляет т. н. авторская техника. «Смешанная техника» у М. Суворовой – это обычно использование ржавого металла «как символа быстротечности жизни», интеграция в полотна потали, серебра и нефти¹. На рассматриваемых же в данной статье картинах

¹ Культура. РФ. Афиша Обнинска. – URL: <https://www.culture.ru/events/2198373/vystavka-mariya-suvorova-geometriya-goroda>

(дата обращения: 20.12.2024).

присутствует сталь (с позолотой). Золотая брошь-бант, золотые серьги, колъе, золотая диадема – думается, это символы роскоши, но не столько материальной, сколько выводящей на категорию «роскошной женщины» – т. е. женщины, обладающей не только визуальной красотой, но и харизмой, шармом. Не будь их – этих деталей «роскоши» – остался бы лишь «свет не вечерний» – т.е.

образы женщин казались бы, возможно, излишне одухотворенными, тогда как их реальных прототипов таковыми в обычной жизни назвать было бы трудно, а значит, без элементов авторской техники обеднела бы «подача» этих образов, сузилось бы смысловое поле произведений искусства.

Фото 8. Балет. За кулисами, 2021. 122 x 74 см. Оргалит, смешанная техника
(Ballet. Behind the Scenes, 2021. 122 x 74 cm. Hardboard, mixed media)



И здесь вновь нельзя не вспомнить Э. Нольде – строки из его письма 1910 г.: «Я также всегда с радостью позволял различным очаровательным текстурам, а иногда и сучкам, участвовать в печати»¹. Однако в портретах актрис М. Суворовой видится больше отсылок к картинам Эриха Хеккеля, Макса Пехштейна и Фрица Блейля.

В лицах на портретах нет часто приписываемого экспрессионизму «ужаса катастроф», но есть одна какая-то выхваченная эмоция, пусть это даже царственное спокойствие, как, например, у Марии Александровой.

Особо следует сказать о «**Портрете Галины Вишневской**» (фото 11). Сама художница в аннотации к своим выставкам любит цитировать

слова актрисы о расставании с театром в 1974 г.: «Вот сейчас я лягу плашмя на пол, прижмусь к тебе, обниму крепко-крепко и скажу тебе на прощание такие слова, что не говорила ни одному человеку на земле. Так вот, слушай: я безумно люблю тебя, ты был для меня всем - мужем, сыном, любовником и братом. Никому на свете не отдала я столько любви и страсти, как тебе. Эти чувства я отнимала от детей, от мужа и безоглядно несла тебе всё: свою молодость, красоту, свою кровь и силу. И ты, ненасытный, всё брал... Я безраздельно царила здесь долгие годы, и соперниц у меня не было. Но почему же в мой тяжкий час ты не защитил меня? А теперь прощай...»².

Фото 9. Портрет Марии Александровой, 2024. 125 x 100 см. Сталь, авторская техника (Portrait of Maria Alexandrova, 2024. 125 x 100 cm. Steel, author's technique)

Фото 10. Портрет Кристины Кретовой, 2024. 125 x 100 см. Сталь, авторская техника (Portrait of Kristina Kretova, 2024. 125 x 100 cm. Steel, author's technique)

¹ Alois J. Schardt, «Nolde als Graphiker» // Das Kunstblatt 11. – № 8. – 1927. – P. 289.

² Цит. по: Мария Суворова. Там же.



Концепция цены славы и амбиций, каждый творческий человек переживает подобные трагедии «падения с Олимпа»¹. Вполне очевидно, что художница в свое время была потрясена подобным драматизмом, что и вдохновило ее на создание портрета великой актрисы. На этом и зиждется экспрессионистское мировидение. Как верно отмечено одним из критиков в статье, посвященной городской тематике в творчестве М. Суворовой (экспозиция «Тело города»), где картины художницы сравниваются с выставленными

там же полотнами ее коллеги по цеху: «В работах Евгении Буравлевой можно говорить о среде, в работах Марии Суворой — о состоянии, но объединяющий их message зрителю состоит именно в приглашении почувствовать архитектурный объект или ансамбль, совокупность городских «данностей», осознать их влияние на себя — и свое влияние на них». То же — можем с уверенностью сказать — касается и восприятия всего остального, что попадает в поле зрения М. Суворовой.

Фото 11. Портрет Галины Вишневской, 2024. 125 x 100 см. Сталь, авторская техника
(Portrait of Galina Vishnevskaya, 2024. 125 x 100 cm. Steel, author's technique)



«Портрет Майи Плисецкой» (фото 12). Майя Михайловна Плисецкая (1925-2015) была в первую очередь трагической актрисой (балета, и

не только). Эта трагичность и запечатлена М. Суворовой и в ракурсе (крупным планом — лицо, глаза), и в колористике (голова обрамлена

¹ Там же.

крово-красными разводами по черному фону). По Н.В. Пестовой, «трагичность – важнейший концептуальный признак «отчуждения» в экспрессионизме, отличающий его от аналогичного концепта в любом другом авангардистском «изме»¹ [Пестова Н.В., с. 247]. Картина с изображением Майи Плисецкой отдаленно напоминает портретику Августа Маке, хотя иные исследователи живописи М. Суворовой в качестве ее

«учителей» указывают «итальянских метафизиков, в первую очередь, Джорджо Де Кирико, но также текстуры Альберто Бурри и Ансельма Кифера»². От себя добавим, что эти художники так или иначе соприкасаются с экспрессионистской эстетикой: первый был сюрреалистом, второй – мастер абстракции и трэш-арта, третий находится под влиянием неоэкспрессиониста Георга Базелица.

Фото 12. Портрет Майи Плисецкой, 2018. 90 x 120 см. Холст, масло
(Portrait of Maya Plisetskaya, 2018. 90 x 120 cm. Canvas, oil)



Знакомство с житетворчеством Марии Суворовой вновь и вновь побуждает к рефлексии о психологической природе экспрессионистского мироощущения. В очередной раз возникает мысль о том, что, вопреки расхожему мнению, экспрессионистское мировидение далеко не всегда является «поззией кошмара и ужаса» [Зивельчинская Л., с. 42] (ведь и знаменитая картина Э. Мунка – предтечи экспрессионизма – имеет массу противоречивых толкований). Художница производит впечатление вполне жизнерадостного человека и занимает достаточно активную социальную позицию: ее волнуют проблемы экологии, а своей миссией считает, как указано на справочных ресурсах, «поиск решения в

примирении природы и человека». И данный факт лишь обогащает *dasein* экспрессионизма в текущем миллениуме.

Выводы. Таким образом, энтелехия экспрессионизма, благодаря его «магии и не поддающейся тривиализации загадочности» [Колязин В.Ф., с. 20] по-прежнему в полной мере реализуется в современном изобразительном искусстве, как было рассмотрено на примере ряда полотен современной российской художницы М. Суворовой из экспозиции «Больше, чем театр». И в данном случае эстетика экспрессионизма, «гостя из готики», впитавшего в себя и барочную, и романтическую традицию, сопряжена с самой сакральной природой Театра, дионисическим и аполлоническим

¹ Следует сказать, что автор данной статьи применительно к известной экспрессионистской антиномии «свое – чужое», в отличие от проф. Н.В. Пестовой, которая, возможно, использует это понятие по аналогии

с лексемой «отстранение», считает более точным термин «очуждение».

² Вяземцева А. Там же.

началом искусства как такового и с сознанием художника – графика и живописца – в котором эти начала преломляются.

1. Дугин, А. Г. Онтология и антропология театра [Текст: электронный] / Geopolitika.ru – URL: https://www.geopolitika.ru/article/ontologiya-i-antropologiya-teatra-lekciya-no1?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 20.12.2024).
2. Зивельчинская, Л. Экспрессионизм. М.-Л.: ОГИЗ; Изогиз, 1931. – 141 с.
3. Колязин, В. Ф. Херварт Вальден и судьбы европейского экспрессионизма на переломе эпох / Херварт Вальден и наследие немецкого экспрессионизма. – М.: Политическая литература, 2014. – С. 5–24.
4. Назимко, Е. Г. Проблема определения термина «Графика» и классификация видов техники графики в отечественном искусствоведении второй половины XX - начале XXI века // Творчество и современность. – 2017. – №2 (3). – С. 80-85. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-terminagrafika-i-klassifikatsiya-vidov-tehniki-grafiki-v-otchestvennom-iskusstvovedenii-vtoroy-poloviny-hh> (дата обращения: 15.08.2024).
5. Ницше, Ф. В. Рождение трагедии из духа музыки, или Эллинство и пессимизм. 1886. – 101 с. Ebook: <https://originalbook.ru/rozhdenie-tragedii-iz-duha-muzyki-f-nitsshe/> (дата обращения: 20.12.2024).
6. Пестова, Н. В. Случайный гость из готики. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический институт, 2009. – 297 с.
7. Радаева, Э. А. Традиции экспрессионизма в мировой культуре: монография. – Самара: Научно-технический центр, 2022. – 250 с.
8. Чистюхин, И. Н. Этимология терминов античного театра // Антропология театральности: человек в искусстве и театре: сборник научных статей. – Орел: Орловский государственный институт культуры (Орел), 2017. – С. 26–39.
9. Norbert, W. Expressionism / Basic Art Series. – Köln: Taschen. – 96 p.

ENTELECHY OF EXPRESSIONISM IN CONTEMPORARY FINE ARTS: MARIA SUVOROVA'S EXPOSITION «MORE THAN THEATRE»

© 2024 E.A. Radaeva

*Ella A. Radaeva, Doctor of Cultural Sciences, PhD in Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods*

<https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>

E-mail: ellrad@yandex.ru

**Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia**

The research material is a series of paintings (2015–2024) from the exhibition of the contemporary Russian artist Maria Suvorova “More than a Theatre” presented in the Orenburg Regional Museum of Fine Arts. This article expands on the semantic palette of individual paintings by M. Suvorova and partially characterizes the features of the author’s technique. The author of the article makes assumptions regarding the traditions of expressionist painting and graphics (E. Nolde, E.L. Kirchner, E. Heckel, M. Pechstein, F. Bleyl), which can be traced in the creative manner of M. Suvorova, despite the fact that reviews of her paintings previously spoke only about the Italian metaphysicians. The study ends with the conclusion that the entelechy of expressionism, thanks to its “magic and mystery that cannot be trivialized,” is still fully realized in contemporary fine art. And on the example of the considered paintings, the aesthetics of expressionism, this “guest from the Gothic”, which absorbed both the Baroque and Romantic traditions, is associated with the most sacred nature of the Theatre, the Dionysian and Apollonian beginning of art as such and with the consciousness of the artist-painter, in which these beginnings are refracted. Research methods: the research selected hermeneutic, cognitive-discursive, as well as content analysis of visual material.

Keywords: expressionism, expressionist traditions, contemporary art, artist Maria Suvorova, “More than a theatre”, sacred nature of the theatre

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-104-115

EDN: TZDGBX

1. Dugin, A. G. Ontologiya i antropologiya teatra (Ontology and anthropology of theater) [Tekst: elektronnyi] / Geopolitika.ru – URL: https://www.geopolitika.ru/article/ontologiya-i-antropologiya-teatra-lekciya-no1?utm_referer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (data obrashcheniya: 20.12.2024).
2. Zivel'chinskaya, L. Ekspressionizm. M.-L.: OGIZ; Izgiz, 1931. – 141 s.
3. Koliazin, V. F. Khervart Val'den i sud'by evropeiskogo ekspressionizma na perelome epoch (Herwarth Walden and the fate of European expressionism at the turn of the eras) / Khervart Val'den i nasledie nemetskogo ekspressionizma. – M.: Politicheskaya literatura, 2014. – S. 5–24.
4. Nazimko, E. G. Problema opredeleniya termina «Grafika» i klassifikatsiya vidov tekhniki grafiki v otechestvennom iskusstvovedenii vtoroi poloviny XX - nachale XXI veka (The problem of defining the term "Graphics" and the classification of types of graphic techniques in domestic art criticism of the second half of the twentieth - early twenty-first century) // Tvorchestvo i sovremennost'. - 2017. - №2 (3). – S. 80-85. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-terminagrafika-i-klassifikatsiya-vidov-tehniki-grafiki-v-otechestvennom-iskusstvovedenii-vtoroy-poloviny-hh> (data obrashcheniya: 15.08.2024).
5. Nitsshe, F. V. Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki, ili Ellinstvo i pessimizm (The Birth of Tragedy from the Spirit of Music, or Hellenism and Pessimism). 1886. – 101 s. [Ebook]. – URL: <https://originalbook.ru/rozhdenie-tragedii-iz-duha-muzyki-f-nitsshe/> (data obrashcheniya: 20.12.2024).
6. Pestova, N. V. Sluchainyi gost' iz gotiki (Random guest from the Gothic). – Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 2009. – 297 s.
7. Radaeva, E. A. Traditsii ekspressionizma v mirovoi kul'ture: monografiya (Traditions of expressionism in world culture: monograph). – Samara: Nauchno-tekhnicheskii tsentr, 2022. – 250 s.
8. Chistiukhin, I. N. Etimologiya terminov antichnogo teatra // Antropologiya teatral'nosti: chelovek v iskusstve i teatre: sbornik nauchnykh statei (Etymology of terms of the ancient theater // Anthropology of theatricality: man in art and theater: collection of scientific articles). – Orel: Orlovskii gosudarstvennyi institut kul'tury (Orel), 2017. – S. 26–39.
9. Norbert, W. Expressionism / Basic Art Series. – Köln: Taschen. – 96 p.

УДК 168.522: 304.2 (Гуманитарные науки. Культурология / Социальные и культурные проблемы)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2024 А.Н. Тесленко¹, Л.А. Колыванова², Р.С. Маркунин³

Тесленко Александр Николаевич, доктор педагогических наук (РК),
доктор социологических наук (РФ), профессор, академик АПНК, МАЮ

E-mail: teslan@rambler.ru

Колыванова Лариса Александровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры биологии,
экологии и методики обучения

E-mail: larisaleksandr@yandex.ru

Маркунин Роман Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории государства и права

E-mail: markunin88gmail.com

¹Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова
ОФ «Центр ювенологических исследований»

Астана, Казахстан

²Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

³Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Россия

Статья поступила в редакцию 29.11.2024

В статье рассматривается одна из проблем формирования политических взглядов молодежи в условиях актуального времени. Обозначены методологические основы исследования политической активности, условия развития политической активности молодого поколения и ее интеграции в социально-политический процесс. Такой комплексный подход позволил авторам определить наиболее существенные черты политической активности и субъектности молодежи, наиболее ярко проявляющиеся в конвенциональных формах политического участия. Показаны место и роль политической субъектности в процессе социализации молодежи, значение молодежных общественных организаций (объединений), институтов молодежного самоуправления и парламентаризма. Делается вывод о том, что эффективность развития взаимодействия отношений в системе «молодежь-общество-государство» в большей степени зависит от их политического сознания, гражданско-правовых и духовно-нравственных ценностей. Кроме того, авторами рассмотрено влияние цифровизации на политическое сознание молодежи, формируемое с учетом развития их общественно значимой коммуникации в условиях существующих в социальном пространстве рисков дезинформации и манипулирования общественным мнением. В этой связи особое внимание уделяется разработке стратегии формирования позитивных политических взглядов молодежи в условиях цифровизации общества, а также перспективным направлениям развития политической субъектности.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, политическая социализация, поколение Z, политическая субъектность, цифровизация

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-116-122

EDN: RAGFMU

Работа выполнена в рамках научного проекта АР 14869235 «Молодежная работа как условие успешной социализации учащейся молодежи» по программе государственного грантового финансирования (протокол № 8 национального совета по направлению науки «Исследования в области социальных и гуманитарных наук» Министерства науки и высшего образования РК от 2 сентября 2022 г.).

Введение. Как известно, молодое поколение страны всегда является объектом пристального внимания со стороны общества и государства, в целом. Именно молодежь одновременно может

являться как социально-демографической группой, дестабилизирующей положение страны, так и ресурсным капиталом, обладающим набором личностных характеристик, позволяющих

вывести государство на более высокий уровень развития, открыв новые возможности перед страной. Бурно меняющийся мир постмодерна вынуждает молодое поколение конструировать жизненные планы и свой образ жизни исходя из имеющихся ресурсов и рисков. Между тем именно молодежь в современных условиях выступает генератором институциональных изменений и драйвером инновационных процессов, влияя на динамику социальных перемен. Именно в условиях перманентных изменений современного социума молодежь становится реальным субъектом социализации, выстраивая уникальные поведенческие стратегии, определяющие контуры ее актуального бытия. Современный социум, который совершенно справедливо обозначается большинством ученых как меняющийся, по нашему мнению, может быть описан в категориях: глобальности, виртуальности и рискогенности.

Глобальность. Мы живем в глобальном мире, главными характеристиками которого является многомерность и изменчивость, обеспечивающая интеграцию человечества, в первую очередь, его молодой части, на базе мировых (общечеловеческих) ценностей – политических (демократия, свобода, независимость), экономических (рынок, частная собственность), права человека и т.д. [7, с. 19]. Молодежь получает доступ к ним через мощный информационно-коммуникативный ресурс – глобальную систему коммуникаций (интернет, социальные сети), который имеет свои достоинства и риски.

Виртуальность. Интернет как глобальная виртуальная среда в условиях постмодерна выступает пространством социализации, без которого обычный молодой человек не представляет своей жизни. Потенциал Интернет-ресурсов: от информационных (знакомства, интернет-магазины, онлайн- обучение) до рекреационных (общение, просмотр фильмов, прослушивание музыки) позволяет молодым людям, с одной стороны, компенсировать несовершенство реального мира, с другой – обеспечить самоактуализацию личности в самых разных сферах бытия.

Рискогенность. По мнению американского социолога Э. Гидденса, современное общество представляет собой «эпоху «поздней современности» <...> мир случайности и риска» [20, с. 113]. Более того, его соотечественник У. Бек, автор междисциплинарной теории «глобального общества риска», утверждает, что «...риск – неотъемлемая принадлежность прогресса» [19,

с. 87]. Риски являются производными социальной среды, характеризующейся высокой конкурентностью и ограниченностью социальных благ. Риск-бытие молодежи амбивалентно. Молодежь конструктивно рискует в экономике, творчестве, ставя инновационные цели и находя оптимально-минимальные решения. Но с другой стороны, молодежь выступает субъектом нестабильности, экстремизма, криминала.

Как известно, молодые люди активно реагируют на происходящие перемены в обществе. По мнению И.А. Байкиной, «участие молодежи в общественной среде» является вовлечением их в процесс регулирования обществом с учетом его специфических характеристик» [4, с. 141]. Данный процесс осуществляется, как правило, социальными институтами (семьей, образовательными учреждениями, СМИ, партийными структурами, общественными организациями и др.), формирующими политические взгляды. Стоит отметить, что современные ИТ-технологии способствуют активному развитию новых источников общественного взаимодействия молодого поколения, что обуславливает возрастание влияния мобилизующего ресурса электронных медиа на политическое сознание молодого поколения.

История вопроса. Как известно, основной пользователь Интернет-ресурса – это поколение Z, родившееся после миллениума, «с кнопкой на пальце», и не представляющее свою жизнь без гаджетов и социальной сети. Социально-возрастную специфику интернет-социализации современной молодежи исследовали российские педагоги-исследователи: Т.Б. Карпова [8], Н.В. Угольников [18], Н.Л. Бойко [5] и А.Ю. Авдеева [2], Е.Л. Омельченко [13]. Однако проблема роль интернет-социализации в становлении субъективной роли молодежи в социально-политической жизни общества осталось незамеченной.

Цель данной статьи – выявить условия и механизмы формирования субъектности молодых людей в процессе политической социализации.

Методы исследования. **Концептуальные подходы к проблеме развития политической субъектности молодежи.** Для анализа политической субъектности молодежи используются теоретико-методологические разработки классиков политологии и социологии (Г. Алмонд, С. Верба, М. Каазе, А. Марш, У. Милбрайт, Дж. Нагель), проводивших исследования поведения субъектов политической сферы [3]. В отече-

ственной традиции проблема субъектности рассматривается в рамках субъектно-деятельностного подхода в психологии: К.А. Абульханова-Славская [1], А.В. Брушлинский [6], А.Н. Леонтьев [10], С.Л. Рубинштейн [15]. В данном случае, по мнению Н.М. Ракитянского, «психологическая структура субъектности состоит из трех основных составляющих – самосознание, самодетерминацию и самопроектирование [14, с. 409], дающих впоследствии определение политической субъектности, представляющей собой уровень личностного становления молодого человека, определяющего его активность в осуществлении общественной деятельности, стремление к самореализации и удовлетворению своих социальных потребностей.

При исследовании данного аспекта используются два равноправных подхода – социологический и политологический. Первый делает акцент на специфике молодежи как особой социально-демографической группы, ее месте и роли в общественной жизни, опираясь на представление о молодежи как активной самоорганизующей силы общества. Второй рассматривает субъектность через призму процесса политической социализации и становления национально-государственной идентичности. Можно выделить и третий подход – политико-психологический – где молодежь выступает как *политическое поколение*, социализация которого протекает в определенную историческую эпоху. Это сближает данный подход с социологической теорией поколений американских исследователей Хоува и Штрауса [21].

Социологические исследования в качестве объекта чаще всего рассматривают молодых людей в возрасте 18-35 лет (1990-2023 г.р.). Как известно, каждое поколение формируется в течение 10-15 лет в уникальных условиях, отличных от предыдущего. Поэтому, к молодежи Республики Казахстан применительно разделение ее на две возрастные когорты, согласно теории Хоува и Штрауса.

При этом политическое мировоззрение развивается уже в период раннего подросткового возраста, то объектом политической социализации и внимания молодежных работников должны стать еще формирующиеся представители поколения Альфа (10-13 лет).

Результаты исследования. Специфика субъектной роли молодежи в социально-политической жизни общества. Эмпирические иссле-

дования представляют поколение Z как аполитичное, констатируя достаточно высокий уровень политической апатии молодых казахстанцев. При этом следует помнить, что и прежние поколения в молодые годы не понимали в полной мере смысл политической жизни и принимали в ней периодическое участие в форме голосования на выборах или массовых провластных мероприятий. С другой стороны, аполитичность молодежи объясняется концентрацией внимания на повседневной жизни и сфокусированы на решении актуальных жизненных проблем. В тоже время, происходящие в обществе перемены (безработица, экономическая нестабильность, страх и др.), могут вызвать у молодежи недоверие к структурам власти, проявление экстремизма и насилия, что создаст серьезную угрозу стабильности государства [11, с. 96].

События «кровавого января» 2022 г. продемонстрировали обществу предрасположенность молодежи к негативным явлениям, происходящим в социальной среде, что проявляется в вовлечении их в экстремистскую деятельность, становящейся впоследствии смыслом жизни.

Существует ряд критериев выявления политической субъектности молодежи, среди которых:

- гражданское самосознание, представляющее собой единство политических взглядов молодежи со страной, государством;
- самостоятельность действий молодежи в политической среде, осуществляемая с учетом собственных ценностей, интересов и мотивации;
- регулярность действий в социально-политической сфере, измеряемая политической активностью.

Исходя из вышесказанного, политическая активность молодежи представляет собой осознанное их участие в политических процессах, что формирует, тем самым, субъект-субъектную модель политической социализации, проходящей ряд стадий (становление, функционирование, развитие, оценка результатов).

Стоит отметить, что с учетом форм взаимодействия и уровня культуры молодежи политический процесс подразделяется на две группы: пассивную (абсентеизм, обсуждение актуальных политических вопросов, участие в выборах и др.) и активную (участие в деятельности политических партий, властных структур, гражданские инициативы, протестное поведение и др.).

В настоящее время молодежное взаимодействие с политической сферой приобрело различные виды активности, среди которых волонтерская деятельность, участие в выборах, конференциях и др. Кроме того, участие молодежи в политической жизни способствует развитию у молодых людей необходимых знаний для соблюдения здорового образа жизни, предпринимательских навыков, жизненных ценностей, гражданской позиции и др.

В 2020 г. официально завершилось действие Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан до 2020 г. «Казахстан 2020: путь в будущее». Целью данного документа являлось формирование эффективной модели государственной молодежной политики, направленной на успешную социализацию молодых людей, направление их потенциала на дальнейшее развитие страны. Для этого предлагалось принятие комплекса мер в рамках десяти ключевых направлений:

- обеспечение доступного и качественного образования;
- формирование здорового образа жизни;
- повышение правовой культуры и формирование у молодежи уважения к основополагающим ценностям государственности;
- создание условий для трудоустройства молодежи;
- развитие системы доступного жилья для молодежи;
- приобщение молодежи к культурным ценностям;
- стимулирование гражданской и патриотической самореализации молодежи;
- обеспечение преемственности морально-нравственных ориентиров в молодежной среде;
- научно-исследовательское обеспечение и совершенствование нормативно-правовой базы государственной молодежной политики;
- вовлечение молодежи в реализацию «Стратегии Казахстан-2050» [9].

Исходя из вышесказанного, можно обозначить положительные (реализация законодательной базы, координирование работы Комитетом по делам молодежи и семьи, оказание консультационной помощи в молодежных центрах, реализация социальных проектов, взаимодействие с общественными организациями и др.) [12] и отрицательные (низкая вовлеченность молодежи в официальные мероприятия, низкая активность молодых людей в молодежных организациях, недоста-

точная информированность в социально-экономической сфере и др.) моменты реализации молодежной политики Казахстана [16, 17].

Перечисленные недостатки в реализации государственной молодежной политики во многом связаны с несовершенством инструментов управления на региональном и местном уровнях, а именно:

- способов и программ социального информирования по всей области вопросов жизни молодежи в обществе (здоровье, спорт, образование, жилье, досуг, труд, карьера, общественная жизнь, семья, международные отношения, жизнь молодежи в других странах и др.);

- материально-технической основы учреждений образования разного уровня по взаимодействию с молодежью – здесь необходимо увеличение их сети, усовершенствование постоянного образования кадрового состава по работе с молодежью;

- информационно-консалтинговой помощи молодежи – необходимо создание проектов, уравнивающих возможности молодежи, проживающей в сельской местности и удаленных районах, организация доступности для молодежи информации о создаваемых для нее условиях и предоставляемых возможностях;

- методов и форм вовлечения молодежи в трудовую деятельность – следует оптимизировать деятельность различных трудовых объединений, студенческих трудовых отрядов, молодежных бирж труда и других форм занятости молодежи, необходима модернизация нормативно-правовой базы для более свободной формы привлечения молодежи к трудовой деятельности и обеспечения ее законных прав и интересов;

- помощи межрегионального и международного сотрудничества молодежи (здесь важны тематические слеты, лагеря и фестивали, научно-практические и бизнес-конференции, дискуссионные клубы, молодежные обмены), участия в международных информационных молодежных проектах, ориентированных на взаимное проникновение ценностей национальной и мировой культуры.

Выводы. Как известно, государственная политика направлена на создание всевозможных условий для развития молодежи на всех этапах реализации молодежной политики.

Важной областью реализации молодежной политики является широкое внедрение цифровых технологий в сфере молодежной работы. В Послании Президента РК Касым-Жомарт Токаева циф-

ровизация указана как один из путей решения системных проблем страны. В короткие сроки Казахстан должен стать цифровым хабом на значительной части евразийского континента. Уже сегодня цифровизация активно внедряется практически во всех сферах экономики: от крупных автоматизированных производств до образования и здравоохранения. Современное молодое поколение, т. н. «цифровые аборигены» (*digital natives*), рожденные «с кнопкой на пальце», всецело погружены в интернет и IT-технологии, для них цифровая среда естественна и незаменима, поэтому молодежная работа должна строиться с учетом всеобщей информатизации. Цифровая эпоха создает уникальные возможности для раскрытия потенциала молодых казахстанцев и активного их участия в общественной жизни страны. Вследствие изменений в казахстанском обществе и развития технологий, методы молодежной работы должны соответствовать новым вызовам и

потребностям молодежи, а также предлагать новые привлекательные возможности и альтернативы посредством современных IT-ресурсов. Интернет и социальные сети способны наладить диалоговые механизмы взаимодействия между государством и молодежью, создавать максимально благоприятные условия для реализации ее активности в конструктивном и созидательном направлении. Необходимы дальнейшие усилия по совершенствованию уже действующих и организации новых актуальных для молодых казахстанцев конвенциональных форм политического участия и гражданской активности. Это будет способствовать росту самосознания молодых людей и их восприятию как организованной общественной силы, способной оказывать воздействие на проводимую государством политику. В противном случае молодежь будет проявлять политическую субъектность в неконвенциональных формах.

1. Абульханова-Славская, К. А. О субъекте психической деятельности. – М.: Мысль, 1973. – 288 с.
2. Авдеев, А. Ю. Современный подросток в пространстве информационных технологий: психологический аспект // Вестник Костромского государственного университета. – 2012. – №5. – С. 14-20.
3. Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2014. – 499 с.
4. Байкин, И. А. Вовлечение российской молодежи в социальное управление // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 1. – С. 140-149.
5. Бойко, Н.Л. Молодежь эпохи Интернет на пороге взрослой жизни: социологический анализ // Социологический альманах. 2014. – №2. – С. 19-28.
6. Брушлинский, А. В. Психология субъекта. – СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
7. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.
8. Карпова, Т.Б. Категориальные свойства дискурса рунета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – №3. – С. 17-24.
9. Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан до 2020 года «Казахстан 2020: путь в будущее». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000191> (дата обращения: 15.03.2024).
10. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Изд-во «Политиздат», 1977. – 304 с.
11. Малик, Е. Н. Формирование социально-политического потенциала молодежи в условиях интернет-социализации // Управленческое консультирование. – 2022. – № 8. – С. 94-107.
12. Молодежь Казахстана. Национальный доклад. 2014-2022 гг. – URL: <https://eljastary.kz/ru/reports/> (дата обращения: 15.03.2024).
13. Омельченко, Е. Л. Поведенческие практики и социально-сетевые предпочтения нового поколения российской молодежи в начале XXI века // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. трудов. Сер. «Информация. Наука. Общество». РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований / отв. ред. Верченков Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. – М.: 2019. – С. 191-200.
14. Ракитянский, Н. М. Концепт и принцип субъектности в политико-психологических исследованиях // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). М.: РИЦ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2014. – С. 408-410.
15. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
16. Тесленко, А. Н. Гражданская социализация: социально-политический портрет казахстанской молодежи // Государство и право. – № 2 (63). – 2014. – С. 54-60.
17. Тесленко, А. Н., Свиначук, А. И. Политическая социализация студенческой молодежи // Монография. – Кокшетау. – Астана: НИИ СПИ КУАМ, Изд-во «НЦНТИ», 2015. – 204 с.
18. Угольников, Н. В. Влияние интернета на социализацию старших школьников // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – №5. – С. 173-174.
19. Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2008. – P. 15-20.

20. Giddens, A. *Modernity and Self – Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991
21. Howe, N; Strauss, W. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. N.Y. Knopf Doubleday Publishing Group. 2000. – 398 pp.

POLITICAL SUBJECTIVITY OF YOUTH IN CONDITIONS OF DIGITIZATION: RISKS AND PROSPECTS

© 2024 A.N. Teslenko¹, L.A. Kolyvanova², R.S. Markunin³

*Alexander N. Teslenko, Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Sociological Sciences,
Academician of APNK, IAU, Professor of The Department of Social and Pedagogical Disciplines
E-mail: teslan@rambler.ru*

*Larisa A. Kolyvanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Biology, Ecology
and Teaching Methods
E-mail: larisaleksandr@yandex.ru*

*Roman S. Markunin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of The Department
Theories of State and Law
E-mail: markunin88gmail.com*

¹Kokshetau University named after Abai Myrzakhmetova
PF «Center for Juvenile Research»
Astana, Kazakhstan

²Samara State Socio-Pedagogical University
Samara, Russia

³Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

The article considers one of the problems of formation of political views of young people in the current conditions. The methodological bases of the study of political activity, conditions of development of politically active young generation and its integration into the socio-political process are outlined. Such an integrated approach allowed the authors to determine the most essential features of political activity and subjectivity of young people, which are most clearly manifested in conventional forms of political participation. The place and role of political subjectivity in the process of socialization of young people, the importance of youth public organizations (associations), institutions of youth self-government and parliamentarism are shown. It is concluded that the effectiveness of development of interaction of relations in the system «youth-society-state» largely depends on their political consciousness, civil and spiritual-moral values. In addition, the authors considered the influence of digitalization on the political consciousness of young people, formed taking into account the development of their socially significant communication in the conditions of risks of disinformation and manipulation of public opinion existing in the social space. In this regard, special attention is paid to the development of a strategy for the formation of positive political views of young people in the context of the digitalization of society, as well as promising areas for the development of political subjectivity.

Keywords: youth, state youth policy, political socialization, generation Z, political subjectivity, digitalization

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-116-122

EDN: RAGFMU

1. Abul'khanova-Slavskaya, K. A. O sub'yekte psikhicheskoy deyatel'nosti (About the subject of mental activity). – M.: Mysl', 1973. – 288 s.
2. Avdeyev, A. Yu. Sovremennyy podrostok v prostranstve informatsionnykh tekhnologiy: psikhologicheskii aspekt (Modern teenager in the space of information technology: psychological aspect) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – №5. – S. 14-20.
3. Almond, G., Verba, S. Grazhdanskaya kul'tura. Politicheskiye ustanovki i demokratiya v pyati stranakh (Civil culture. Political attitudes and democracy in five countries). – M.: Mysl', 2014. – 499 s.
4. Baykin, I. A. Vovlecheniye rossiyskoy molodezhi v sotsial'noye upravleniye (Involving Russian youth in social management) // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. – 2015. – № 1. – S. 140-149.
5. Boyko, N. L. Molodezh' epokhi Internet na poroge vzrosloy zhizni: sotsiologicheskii analiz (Youth of the Internet era on the threshold of adulthood: sociological analysis) // Sotsiologicheskii al'manakh. – 2014. – №2. – S. 19-28.
6. Brushlinskiy, A. V. Psikhologiya sub'yekta (Psychology of the subject). – SPb.: Aleteyya, 2003. – 272 s.
7. Giddens, E. Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyayet nashu zhizn' (The slipping world: how globalization is changing our lives). – M.: Ves' mir, 2004. – 116 s.

8. Karpova, T. B. Kategorial'nyye svoystva diskursa runeta (Categorical properties of Runet discourse) // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. – 2010. – №3. – S. 17-24.
9. Kontseptsii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Respubliki Kazakhstan do 2020 goda «Kazakhstan 2020: put' v budushcheye» (oncepts of the state youth policy of the Republic of Kazakhstan until 2020 «Kazakhstan 2020: the path to the future») – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000191> (data obrashcheniya: 15.03.2024).
10. Leont'yev, A. N. Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost' (Activity. Consciousness. Personality). – M.: Izd-vo «Politizdat», 1977. – 304 s.
11. Malik, Ye. N. Formirovaniye sotsial'no-politicheskogo potentsiala molodezhi v usloviyakh internet-sotsializatsii (Formation of the socio-political potential of youth in the conditions of Internet socialization) // Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. – 2022. – № 8. – S. 94-107.
12. Molodezh' Kazakhstana. Natsional'nyy doklad. 2014-2022 gg. (Youth of Kazakhstan. National report. 2014-2022) – URL: <https://eljastary.kz/ru/reports/> (data obrashcheniya: 15.03.2024).
13. Omel'chenko, Ye. L. Povedencheskiye praktiki i sotsial'no-setevyye predpochteniya novogo pokoleniya rossiyskoy molodezhi v nachale XXI veka (Behavioral practices and social network preferences of the new generation of Russian youth at the beginning of the 21st century) // Sotsial'nyye seti i virtual'nyye setevyye soobshchestva: Sb. nauch. trudov. Ser. «Informatsiya. Nauka. Obshchestvo». RAN. INION. Tsentr sotsial'nykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy / otv. red. Verchenov L.N., Yefremenko D.V., Tishchenko V.I. – M.: 2019. – S. 191-200.
14. Rakityanskiy, N. M. Kontsept i printsip sub'yektnosti v politiko-psikhologicheskikh issledovaniyakh (The concept and principle of subjectivity in political and psychological research) // Rossiyskaya politicheskaya nauka: istoki, traditsii i perspektivy: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiyem). M.: RITS MGGU im. M.A. Sholokhova, 2014. – S. 408-410.
15. Rubinshteyn, S. L. Osnovy obshchey psikhologii (Fundamentals of general psychology). – SPb.: Piter, 2002. – 720 s.
16. Teslenko, A. N. Grazhdanskaya sotsializatsiya: sotsial'no-politicheskiy portret kazakhstanskoy molodezhi (Civil socialization: socio-political portrait of Kazakhstani youth) // Gosudarstvo i pravo. – № 2 (63). – 2014. – S. 54-60.
17. Teslenko, A. N., Svinarchuk, A. I. Politicheskaya sotsializatsiya studencheskoy molodezhi (Political socialization of student youth) // Monografiya. – Kokshetau. – Astana: NII SPI KUAM, Izd-vo «NTSNTI», 2015. – 204 s.
18. Ugol'kov, N. V. Vliyaniye interneta na sotsializatsiyu starshikh shkol'nikov (The influence of the Internet on the socialization of older schoolchildren) // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2012. – №5. – S. 173-174.
19. Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2008. – P. 15-20.
20. Giddens, A. Modernity and Self – Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.
21. Howe, N; Strauss, W. Millennials Rising: The Next Great Generation. N.Y. Knopf Doubleday Publishing Group. 2000. – 398 pp.

**Издание журнала осуществлено при финансовой поддержке
Гранта губернатора Самарской области**

**The edition of the Academic journal is carried out with
Financial support Grant of the Governor of the Samara region**

Известия Самарского научного центра Российской академии наук.

Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки

Учредитель: федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ №ФС77-64960 от 04.03.2016

Главный редактор: доктор культурологии Э.А. Радаева

Том 26, номер 6 (99), 28.12.2024

Индекс: 80808. Распространяется бесплатно

Адрес учредителя, издателя и редакции: 443001, Самарская область,

г. Самара, Студенческий пер., 3а. Тел. 8 (846) 340-06-20

Издание не маркируется

Сдано в набор 27.12.2024 г.

Офсетная печ.

Усл.печ.л. 14,42 Тираж 300 экз.

Формат бумаги 60x84 1/8

Зак. № 030 от 27.12.2024

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО»

443070, Самарская область,

г. Самара, ул. Песчаная, д. 1, офис 310/9. Тел.: 8 (846) 244-43-77